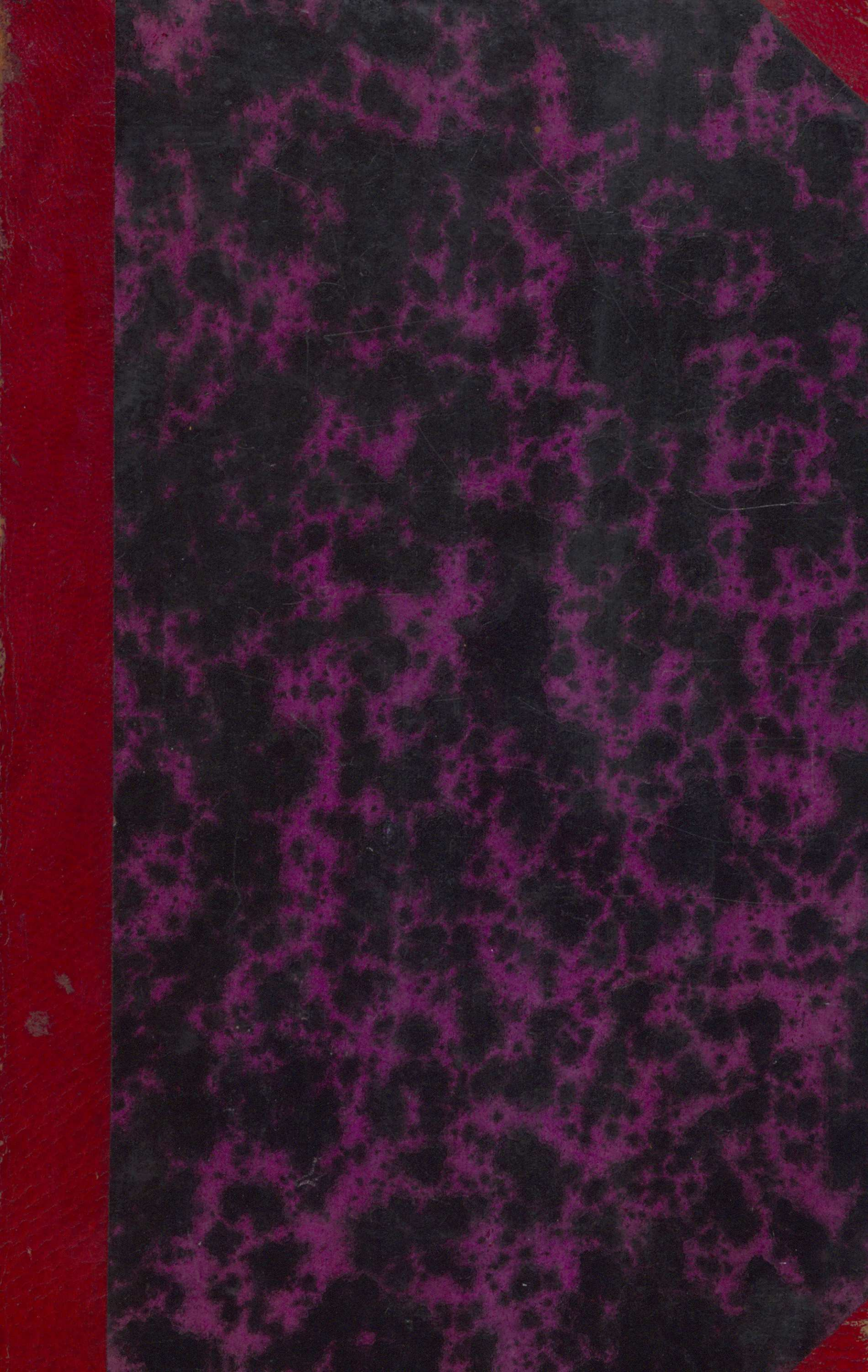
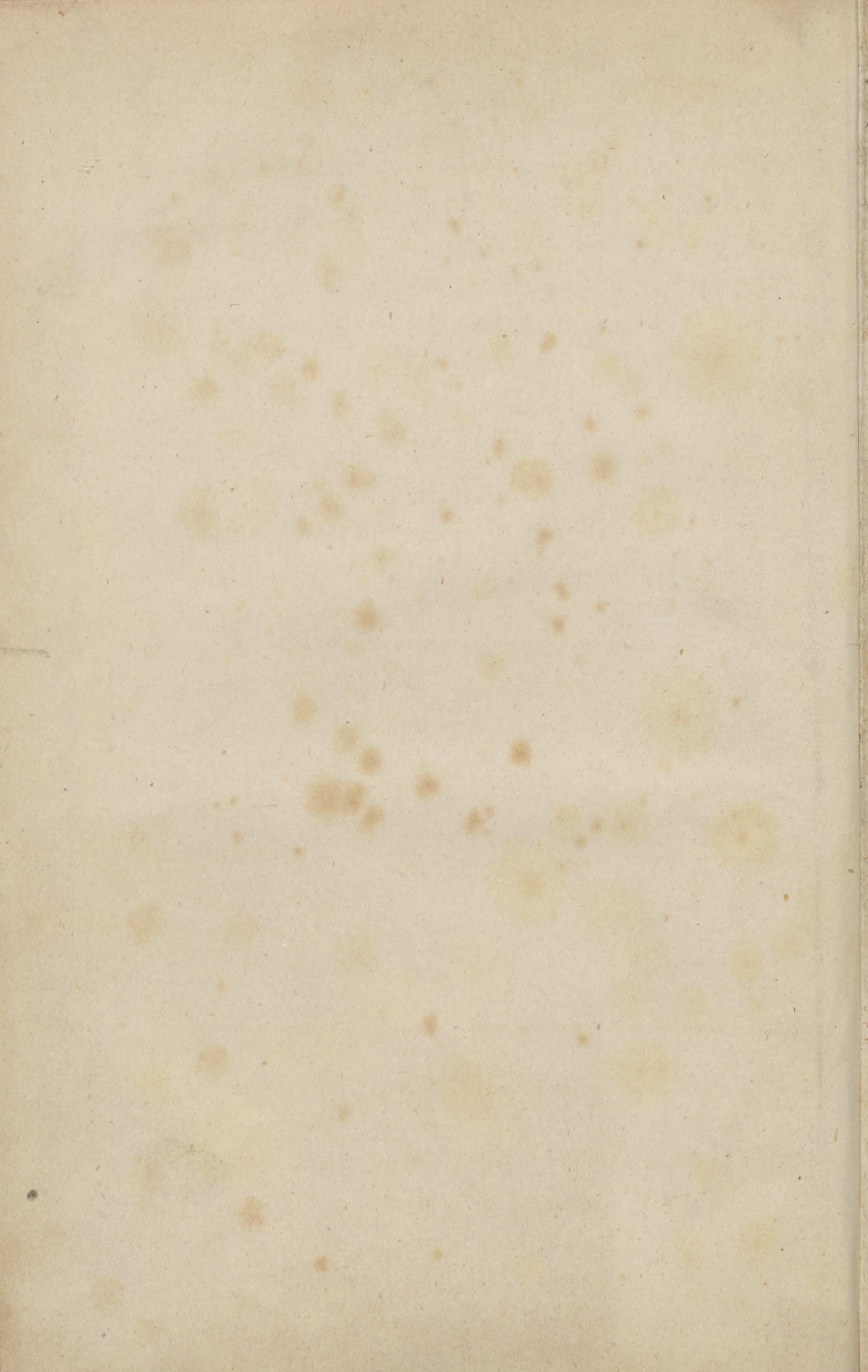

ОПЫТЪ
о
БЛАГОПОЛУЧІИ
или
ФИЛОСОФСКІЯ РАЗСУЖДЕНІЯ
Г. де БОСОБРА
О БЛАГѢ И ЗЛѢ
ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ ЖИЗНИ.

переведенъ съ Французскаго

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1791 года.

ОПЫТЪ О БЛАГОПОЛУЧІИ
ИЛИ
ФИЛОЗОФСКІЯ РАЗСУЖДЕНІЯ
О БЛАГѢ И ЗЛѢ
человѣческія жизни.

Desine mollium
Tandem querelarum.
Horat. L. I. Od. IV.

Нѣкоторые люди требуютъ утѣшенія, потщусь имъ оное доставить; можетъ быть, что представляя имъ тѣ мысли, коими я занимался толь долгое время, возбужу я въ душѣ ихъ, точно также, какъ и въ моей, толь же сладостное спокойствіе, и толь же совершенное упованіе на непремѣнныя произволенія провидѣнія. Сердце мое речетъ мнѣ; разумъ мой не ищетъ ослѣпить себя.

Видѣлъ я людей, кои горькія жалобы на злополучія свои приносили; видѣлъ такихъ, кои себя увѣряли, что они нещастливы; видѣлъ и такихъ, кои полагали, что человѣкъ нещастливъ. Но возможно ли, чтобъ и самое бытіе не составляло великаго блага? Мнѣ кажется, что я обрѣтаю въ жизни

толико предрагоцѣннѣйшихъ благъ и истинныхъ выгодъ, что не въ силахъ удержаться отъ того, чтобы не благословлять провидѣнїе, бытїе мнѣ даровавшее. Благословляйте оное купно со мною, вы, кои наслаждаетесь жизнїю, ибо вы благополучны, такъ какъ я чаю васъ въ семъ убѣдить.

Дабы судить о истиннѣ всего того, что я въ семъ опытѣ намѣренъ утвердить, довольно будетъ, ежели изслѣдуемъ, въ чемъ состоятъ тѣ бѣдствїя, на кои человѣкъ можетъ жаловаться, и какїя суть тѣ блага, о коихъ онъ долженствовалъ бы радоваться. Разсмотримъ человѣка со всѣми его слабостями и изнеможенїями; разсмотримъ его со всѣми его выгодами; послушаемъ его жалобы, его желанїя, его требованїя и потщимся исторгнуть изъ него признанїе о его благополучїи и его неблагодарности.

Человѣкъ благополученъ тогда, когда число и цѣна тѣхъ благъ, коими онъ наслаждается, или коими могъ бы онъ наслаждаться, превосходятъ число и силу тѣхъ золъ, коихъ избѣгнуть онъ не можетъ: и сїе о всѣхъ людяхъ вообще сказать можно. Между бѣдствїями находят-

ся однѣ другихъ прискорбнѣе и горестнѣе, такъ какъ и между благами обрѣтаются однѣ другихъ гораздо драгоцѣннѣе. Въ природѣ устроено тако, что единое зло уничтожаетъ иногда чувствїе премногихъ благъ, и обратно, единое благо истребляетъ иногда изъ памяти премножество золъ: обрѣтаются такїя блага и такїя бѣдствїя, кои иногда ради продолженїя краткаго, а иногда ради долговременнаго, престаютъ быть то, что онѣ дѣйствительно суть. По сему, не должно ниже по числу, ниже по продолженїю нашихъ золъ и нашихъ благъ, судить о нашемъ благополучїи: мы должны принимать въ разсужденїе какъ то, такъ и другое, и не столько стараться изчислять, сколько входить въ изслѣдованїе.

Главизною истинныхъ золъ, полагаю я беззаконїя и пороки; главизною истинныхъ благъ, добродѣтель. Однѣ токмо беззаконїя могутъ содѣлать насъ нещастными, одни токмо пороки могутъ дни наши исполнить горести. Совершенно благополучный человѣкъ былъ бы тотъ, кто, имѣя обильное просвѣщенїе, заключалъ бы въ себѣ всѣ добродѣтели, коего чистая и непорочная душа, и коего разумъ предразсужденїями и

заблужденїями не зараженный, представляли бы ликъ божества. Земнородной, толь благополучной не существуетъ; человѣчество имѣетъ свои нераздѣльныя слабости и заблужденїя; однакожъ обрѣтаются такїе люди, кои къ подлиннику, толь совершенному, довольно подходятъ. Человѣкъ истинно злополучный былъ бы тотъ, кто, зная качество и важность своихъ должностей, не смотря на сїе, предался бы всѣмъ беззаконїямъ и порокамъ; для коего добродѣтель была бы нѣкое зло, подобно какъ дневной свѣтъ для болящихъ очей. Ежели бы существо таковаго рода быть могло, то бы я не столько преклонялъ себя вѣрить тому, что всѣ люди вообще щастливы, поелику они мало другъ отъ друга разнствуютъ; но дѣйствительно въ природѣ оно не существуетъ. Между сими двумя крайностями должно полагать всѣхъ людей, коликая бы въ протчемъ разность между самымъ добродѣтельнѣйшимъ и самымъ порочнѣйшимъ человѣкомъ ни была. При томъ, нѣтъ такого человѣка, въ которомъ бы обрѣталось болѣе пороковъ, нежели добродѣтелей; нѣтъ и такого, которой бы болѣе привязанъ былъ къ пороку, нежели къ

добродѣтели: беззаконія не токмо суть рѣдки, но онѣ сопровождаются еще всегда раскаяніемъ, что самое лишаетъ ихъ знатной части всего того, что они омерзительнаго въ себѣ заключаютъ. Человѣкъ, разсматриваемый съ нравственной стороны, есть благополученъ, поелику число и сила его золъ, то есть число его пороковъ и его беззаконій, ниже числа и цѣны его благъ, то есть числа и цѣны его добродѣтелей: онъ бы могъ быть гораздо благополучнѣе, по елику отъ него самаго зависитъ уменьшить безконечно число его золъ, и увеличить безконечно число его благъ. Человѣкъ, разсматриваемый съ физической стороны, не можетъ даже сравнить злая своя со своими благами, толико число его благъ превосходитъ число его золъ. Изъ сего заключаю я, что люди благополучны, хотя степень ихъ благополучія не есть одинаковъ, и что самый мудрый изъ оныхъ, есть самый благополучный.

Ежели бы кто, при начинаніи сего опыта, остановилъ меня для того, дабы я разсудилъ число нашихъ пороковъ; ежели бы кто представилъ предъ очами моими тѣ беззаконія, коими земля осквернена; ежели бы

кто, будучи совершенно занятъ странными мнѣнїями славнаго Ларошефукольта, сталъ предполагать въ людяхъ единый токмо господствующїй порокъ, и единыя токмо двусмысленныя добродѣтели: то бы я, не входя въ дальныя изслѣдованїя, отвѣтствовалъ ему токмо то, что я лучшую о людяхъ имѣю мысль; что миръ, въ коемъ бы обитали подобные человѣки, былъ бы миръ такой, которой бы не заслуживалъ быть творенїемъ рукъ верьховныя премудрости, и недостоенъ бы былъ того, чтобъ былъ соблюдаемъ и управляемъ Божїимъ промысломъ. Ежели бы въ семъ мирѣ болѣе было зла, нежели нравственнаго блага; то могъ ли бы Богъ извести оной изъ небытїя, и долженствовалъ ли бы онъ сїе учинить? Но ежели бы и было справедливо, что людскїе пороки превосходятъ добродѣтели; то долженствовало бы токмо отъ нихъ самихъ зависѣть содѣлать себя добродѣтельными, дабы можно было сказать, что они единственно на самихъ себя должны жаловаться, ежели они не благополучны: о томъ, кто каждую минуту въ состоянїи доставить себѣ благо, котораго онъ не имѣетъ, должно полагать, что онъ

симъ благомъ наслаждается: можно ли намъ не имѣть того, что приобрѣсть мы въ состоянiи? Мы тѣмъ наипаче можемъ содѣлать себя благополучными, что нѣтъ ни единой добродѣтели, для которой бы не былъ предоставленъ свободный и основательный выборъ.

Въ протчемъ, и съ сей то самой стороны всегда разсматривалъ я вопросъ о людскомъ благополучiи, люди жалаются на то, что они нещастливы, и приводятъ такiе доводы, кои совсемъ противное сему доказываютъ. Къ тому, чтобы доказать что тѣ нещастiя, на кои люди приносятъ жалобы, не суть нещастiя, что виды промысла суть виды мудрые, что настоящее состоянiе людей есть состоянiе благополучное, что отъ нихъ токмо самихъ зависитъ наслаждаться надежнымъ благополучiемъ, къ тому, говорю я, дабы доказать сiи истинны, опредѣлилъ я сей опытъ.

Дабы утвердить сiи истинны, должно будетъ испровергнуть многiя предразсужденiя; должно будетъ показать свойства истинныхъ благъ и истинныхъ золъ: должно будетъ представить цѣну многихъ выгодъ, кои большая часть людей ни мало

не уважаютъ, и маловажность другихъ, кои они съ лишкомъ уже превозносятъ: должно будетъ уничтожить такія предразсужденія, кои, кажется, самое чувствіе оправдаетъ, и защищать то, что во дни наши великими людьми осмѣено: коликой стыдъ!

Я не намѣренъ искать въ ученіи Лейбница о изяществѣ сего мира, общаго довода всему тому, что я предлагаю, противу коего ни какое бы возраженіе мѣста имѣть не могло. Могли ли бы люди, не бывъ ни мало такими гражданами, кои бы безо всякаго ропоту взирали на то, что частныя ихъ выгоды подлежатъ общему благу, взирать спокойнымъ окомъ на то, что природа опредѣлила для нихъ нѣкоторыя нещастія единственно для того, что сіи нещастія нужны были при расположеніи самаго лучшаго мира, какой токмо Богъ могъ избрать? Утѣшутъ ли они себя въ отношеніи къ своимъ слабостямъ тою мыслію, что сіи слабости содѣйствуютъ много къ усовершенствованію всего? Безъ сомнѣнія тщетно бы было доказывать имъ, что сей миръ есть изъ всѣхъ возможныхъ міровъ самый лучшій, и что по сему состояніе ихъ есть самое лучшее состояніе, какое токмо

быть можетъ, поелику одно токмо оно приличествуетъ самому совершеннѣйшему миру: они всегда бы стали мыслить, что желанія и страсти ихъ могли бы согласоваться съ симъ прекраснымъ разположеніемъ: можетъ быть нашлись бы между протчими и такіе умы, которые до того заблуждаются, что воображаютъ себѣ, якобы сей миръ несравненно былъ лутче, ежели бы онъ имъ болѣе нравился. Все въ семъ мирѣ благоустроено, и все, что есть, не могло быть иначе, безъ того, что бы не должно было предполагать въ Богѣ несовершенствъ, тому понятію, которое мы о семъ Существѣ имѣть должны, совершенно не приличествующихъ. Все, что есть въ семъ мирѣ, есть благо, то есть, все то, что Богъ сотворилъ, такъ какъ и все то, что людямъ случается и чего они избѣгнуть не могутъ, не можетъ быть зло. Но я охотно оставляю доводъ, для философовъ толь чувствительной, ибо могу привести другіе, отъ коихъ отрещися ни кто не возможетъ.

Начнемъ изслѣдовать тѣ бѣдствія, на кои люди приносятъ жалобы, тѣ блага, коихъ они не имѣютъ и коихъ они желаютъ, и тѣ несовершенства, кои они обрѣтаютъ въ своихъ благахъ; на конецъ раз-

смотримъ тѣ безконечныя выгоды, кои они въ даръ восприяли, и мы узримъ, что человѣкъ есть благополученъ.

Злощастія, коихъ люди избѣгнуть не могутъ, не суть истинныя злощастія, поелику онѣ происходятъ отъ такого Существа, которое желаетъ и можетъ учинить ихъ благополучными: злощастія, коихъ люди избѣгнуть могутъ, не суть такія злощастія, на кои бы они, по какому нибудь праву, или по какой нибудь причинѣ, могли жаловаться. Коликія жалобы истребляются отъ единаго токмо разсужденія! Но разсмотримъ сіе обстоятельнѣе.

Безобразности тѣла, слабое здоровье, печали, нищета, злощастія, коихъ причиною не всегда мы сами бываемъ и коихъ избѣгнуть мы не всегда можемъ, могутъ ли дни наши исполнить толикой горести, что бы могли насъ убѣдить, что жизнь наша есть зло?

Ежели находятся толь низкія души, кои безобразности тѣла полагаютъ въ число самыхъ великихъ нещастій; то истинно нѣтъ такихъ, кои бы, имѣя свободной выборъ, предпочли небытіе существованію, нѣкоими таковаго рода слабостями сопровождаемому.

Безъ сомнѣнія прискорбно для людей, съ таковыми неудобствами родившихся, видѣть, что другіе толь великую цѣну приписываютъ малой выгодѣ пріятнаго вида, что они гораздо болѣе страшатся безобразностей тѣла, нежели истинныхъ злощастій, и что они осмѣиваютъ иногда тѣхъ, коихъ природа не съ лишкомъ хорошо устроила: но благополучіе наше зависитъ ли отъ такихъ неосновательныхъ разсужденій, и должно ли объ насъ сожалѣть потому, что мы подвержены посмѣянію? Всякъ рожденный съ нѣкоторымъ неудобствомъ таковаго рода, долженъ въ томъ самомъ состояніи, въ которомъ онъ находится, снискивать для себя приличныя утѣшенія, дабы чрезъ сіе самое забыть отвращеніе тѣхъ женъ, коимъ преимущества пола ихъ съ лишкомъ нужны, и колкія слова тѣхъ вѣтреныхъ людей, кои еще не основательнѣе самихъ женъ, для коихъ они служатъ пагубными идолами. По сему, какая нужда разсудительному человѣку, государству, человѣческому роду, сходствуетъ ли тѣло наше совершенно съ нашимъ понятіемъ о пріятномъ видѣ, или не нравится оно, будучи устроено не по правиламъ соразмѣрности тѣмъ, кои все достоинство полагаютъ въ

приятностяхъ, очамъ мудраго наименѣе чувствительныхъ? Обрѣтаются толь слабые умы, кои все достоинство поставляютъ въ извѣстномъ нѣкоемъ порядкѣ, въ прикрасахъ, и въ видахъ, подобно богатымъ людямъ, собирающимъ пышныя библїотеки, въ кои иногда, по случаю, попадаются безсмертныя творенїя именитыхъ между нами людей, и въ коихъ они, сидя безпрестанно, располагаютъ переплеты и украшенїя, и занимаются одними токмо бездѣлицами: ето ни что иное есть, какъ глупость; а глупости людскїя не могутъ насъ содѣлать нещастными.

Слабое здоровье можетъ ли быть такое зло, которое бы могло возмутить наше благополучїе? Мы, можетъ быть, были бы гораздо щастливѣе, ежели бы оно было предохранено отъ всѣхъ слабостей жизни; но не уже ли мы нещастливы по тому, что не наслаждаемся толикимъ щастїемъ, коликое бы мы имѣть желали? Я говорю *можетъ быть*, поелику весьма извѣстно, что здоровье, съ лишкомъ крѣпкое, часто бываетъ причиною, или покрайней мѣрѣ случаемъ, побуждающимъ насъ къ различнымъ излишествамъ. Тотъ, кто умѣетъ умствовать, не допуститъ до того, что бы

неудобства, которыя онъ толь различнымъ образомъ облегчить можетъ, привели его на конецъ въ уныніе. Злощастія, на кои мы жалуемся, большею частію ни что иное суть, какъ однѣ токмо маловажныя потери нѣкоторыхъ выгодъ, кои время часто съ избыткомъ награждаетъ. Часто чувствуемъ мы нещастіе токмо по тому, что мы, по долговременной привычкѣ, съ лишкомъ заобыкли къ такимъ благамъ, которыя, по свойству своему, не могли быть предохранены отъ перемѣнъ: въ протчемъ, коликую бы болѣзнь мы ни имѣли, то ни когда не страждемъ мы всѣмъ тѣломъ; и ежели бы мы были справедливы, то бы всегда могли противоположить нашимъ болѣзнямъ тѣ блага, коими мы наслаждаемся. Глухой не есть слѣпецъ; тотъ кто имѣетъ подагру, не имѣетъ еще водяную болѣзнь: я ни какъ не отрицаю, чтобъ подагра и глухота не были неприятныя болѣзни; но отрицаю токмо то, чтобъ всѣ сіи нещастія, такъ какъ и многія другія, кои мы собственными какими нибудь неустройствами на себя навлекли, могли оправдать наши жалобы и содѣлать насъ злощастными. Претерпѣвать и быть въ нещастіи суть состоянія, кои весьма другъ отъ друга разнствуютъ;

и сему то самому не хотятъ люди вѣрить тогда, когда они страждутъ: я нимало не удивляюсь, когда вижу людей страстями своими управляемыхъ; но удивляюсь, когда вижу людей самой малѣйшей скорьби раболѣпствующихъ. Посреди злощастій жизни нашея, коль бы оныя болѣзненны ни были, ежели мы лишены способности умствовать; то состоянїе, въ которомъ мы обрѣтаемся, есть состоянїе безпристрастїя и нечувствительности, и мы болѣе не страждемъ: ежели же способность умствовать у насъ еще остается; то мы можемъ всегда снискать утѣшенїе, коего намъ никогда не недостаетъ: тѣ, для коихъ сїя способность кажется несносною, и кои себя убѣждаютъ, что размышленїе дѣлаетъ бѣдствїя жизни нашея гораздо чувствительнѣйшими, подобятся такимъ воинамъ, кои, будучи болѣе неистовы, нежели храбры, ожидаютъ при отходѣ къ бою того, чтобъ вино лишило ихъ употребленїя разума. Можно, нѣкоторымъ образомъ, простить первыя движенїя скорьби; но не возможно извинить тѣхъ, кои предаются отчаянїю, дабы дать себя истязать скорьбїю, и не уважаютъ болѣе то, что для человѣка наипаче драгоцѣнно. Что скажемъ мы о тѣхъ,

кои, проживЪ три четверти жизни своея не претерпѣвЪ даже и сихЪ малѣйшихЪ неудобствЪ, почитаютЪ себя нещастными, коль скоро слабость или потеря жизненныхЪ силЪ умалитЪ ихЪ живость, умалить ихЪ чувствительность кЪ удовольствїямЪ, и подвергнетЪ ихЪ нѣкоторымЪ слабостямЪ? Посреди сихЪ бѣдЪ, надежда, которая насЪ никогда не оставляетЪ, помощи, которыя намЪ со всѣхЪ сторонЪ представляются, утѣшенїя, кои мы для себя снискать можемЪ, то нѣжности исполненное участїе, которое сродники и друзья наши во всемЪ томЪ, что до насЪ касается, приемлютЪ, то увѣдомленїе о концѣ насЪ ожидающемЪ, тѣ способы, посредствомЪ коихЪ можемЪ мы войти вЪ самихЪ себя, тѣ обстоятельства, которыя столь сильно побуждаютЪ насЪ кЪ простренїю руки помощи другимЪ, которые столько же, сколько и мы, а часто и болѣе насЪ страждутЪ, тѣ доводы, которыя природа намЪ доставляетЪ о непостоянствѣ житейскихЪ благЪ, и о несказанной цѣнѣ безпорочнаго поведенїя, и на конецЪ тѣ минуты, вЪ кои мы научаемся познавать людей, толь долгое время искусно отЪ насЪ истинныя свои чувствованїя утаевавшихЪ; посреди, говорю я,

слабостей жизни, всѣ таковыя выгоды, суть толикія блага, кои не должно забывать.

Нищета, сіе состояніе, въ которомъ добродѣтель подвергается иногда искушенію, кажется людямъ истиннымъ бичемъ: она бы не столь была въ очахъ ихъ омерзительна, ежели бы они не столь любили богатство и обиліе. Они желаютъ многаго, и желаютъ съ толикимъ стремленіемъ, которое производитъ безпокойствіе, прежде пріобрѣтенія, не производя удовольствія, по пріобрѣтеніи. Мы видимъ, ко стыду человѣчества, что люди жертвуютъ своими забавами, своимъ спокойствіемъ, своимъ удовольствіемъ, а часто и своими должностями, такъ какъ и самою общественною выгодою, для пріобрѣтенія нѣкоего блага, отъ коего они ощущаютъ однѣ токмо маловажныя выгоды, и которое имъ причиняетъ иногда истинныя бѣдствія. Есть способы противу бѣдности, гордость наша ихъ отвергаетъ: не все ли равно для человѣка, имѣетъ ли онъ обиліе въ излишествахъ, или есть у него токмо то, что потребно къ удовлетворенію естественныхъ нуждъ? О! коль обширны сіи нужды, могъ бы я отвѣтствовать; у людей ни когда не недостаетъ

нуждъ: не столько оныхъ имѣетъ тотъ нищій, который, прося милостину, отъ дверей ко дверямъ переходитъ и на свою нищету жалуется, сколько тѣ, кои, по чрезмѣрной своей суетѣ и по безпредѣльнымъ своимъ желаніямъ, обрѣтаютъ то умѣренное состояніе, въ которомъ они находятся, состояніемъ бѣднымъ и нещастнымъ. Справедливо, богатства доставляютъ такія пріятства, кои бѣдности не извѣстны; но суть ли сіи пріятства самыя драгоцѣннѣйшія выгоды жизни нашея? Ежели онѣ предохраняютъ порочнаго отъ явнаго презрѣнія, по слабости тоя толпы пресмыкающихся умовъ, коими земля наполнена; ежели онѣ доставляютъ ему, не смотря на его пороки и глупости, частное уваженіе, выгоду, пагубную для того, кто умѣетъ разсуждать; то какое зло можетъ отъ сего произойти для того, кто обрѣтается въ бѣдности? Можетъ ли онъ завидовать участи того человѣка, которой имѣетъ однихъ токмо подлыхъ друзей, того, которой будучи каждый день заражаетъ ласкательствами и еще болѣе уклончивостію, приготовляетъ для себя великую пагубу, того, до коего истинна доступаетъ весьма рѣдко,

того, который приобрѣлъ друзей своихъ посредствомъ своего имѣнія, и на конецъ того, который посреди самаго обилія еще мало для себя находитъ? О прещастливая умѣренность, ты, которая отвлекаешь отъ человѣка жестокія поученія бѣдности, и пагубные утесы богатства! Но сносить надмѣнность и презрѣніе богатыхъ, для коихъ обиліе кажется быть причиною преимущества! Языкъ суеты, которой какъ посреди низкости такъ и посреди великости обрѣтается, бѣда твоя состоитъ въ томъ, что ты съ лишкомъ многаго желаешь и что ты другимъ завидуешь.

Печали, сіе положеніе души, въ коемъ человѣкъ почитаетъ себя нещастливымъ посреди безконечнаго множества благъ, въ коемъ онъ жалуется, не имѣя никакихъ злощастій, въ коемъ онъ, находясь безпрестанно въ безпокойствіи и въ смятеніи, зритъ въ прошедшемъ однѣ токмо тѣ злощастія, кои онъ претерпѣлъ, въ будущемъ однѣ токмо тѣ бѣдствія, коихъ онъ опасается, а въ настоящемъ однѣ токмо тѣ блага, коихъ ему недостаетъ, печали, говорю я, приводятъ въ уныніе однихъ токмо малодушныхъ людей, надъ коими разумъ

никакой болѣе власти не имѣетъ: разсудительный умъ ожесточается противу злощастій. Печали наши часто произтекаютъ отъ нечистаго източника, самолюбія и несправедливости. Ежели мы себя увѣримъ, что мы заслуживаемъ весьма токмо малое, что находится великое множество людей, кои насъ гораздо добродѣтельнѣе и просвѣщеннѣе; то мы не станемъ вѣрить тому, что природа насъ худо наградила; ежели мы разсмотримъ истинныя наши выгоды, то мы ни когда не будемъ унывать отъ сихъ малыхъ противностей, кои болѣе служатъ намъ во благо, нежели сколько мы думаемъ. Будучи крайне чувствительны къ нашимъ потерямъ, и крайне неблагодарны, претерпѣвъ оныя, не хотимъ мы находить въ тѣхъ благахъ, коихъ мы лишились, ни причины къ удовольствію, ни причины къ благодарности, но находимъ единую токмо причину къ ропотанію. Разсудительно ли, справедливо ли жаловаться на то, что мы не всегда одинакими выгодами наслаждаемся? Другіе послѣ первыхъ слѣдуютъ. Вмѣсто того, чтобы чувствовать цѣну нашихъ благъ, и тѣхъ самыхъ, кои страстямъ и вкусамъ нашимъ наипаче льстятъ, помышляемъ мы токмо

о будущемъ, и потеря того, что намъ причиняло удовольствїе, дѣлается для насъ причиною неблагодарности и роптанїя. То, что большую часть людей опечаливаетъ и приводитъ въ унынїе, долженствовало бы имъ, по большей части, казаться благомъ, поелику оно дѣйствительно есть таково. Жена не утѣшно печалится о потерѣ своея красоты, поелику она съ лишкомъ любила пустыя ласкательства, и выгоды, кои въ самомъ дѣлѣ, не суть истинныя выгоды: обожатели, которые каждый день приносили ей жертвы, нынѣ ее оставляютъ; щастлива она, что можетъ въ уединенїи своемъ выйти изъ своего заблужденїя и избавиться отъ своихъ слабостей! Честолюбиваго угнетаетъ немилость его Государя, тѣ придворные, кои старались ему угождать, вдругъ его оставляютъ, и даже презираютъ; престолъ въ очахъ его ни что иное есть, какъ предметъ ужаса. Содѣлавшись гораздо разсудительнѣе и стараясь исправить свои погрѣшности, ищетъ онъ заслужить общее почтенїе, и доставить себѣ благополучїе быть самимъ собою довольнымъ, благо, котораго онъ лишиться не можетъ, и которое превосходитъ всѣ

прочїя блага жизни нашея! Неблагоприятства щастїя сутъ почитай всегда первой, хотя при всемъ томъ принужденной поступъ, которой мы по пути къ премудрости учиняемъ.

Между самыми чувствительнѣйшими печалями, можно наипаче числить ту, которую намъ враги наши чрезъ презрѣнїе и обиды причиняютъ. Стоики съ лишкомъ многаго отъ человѣка требовали; совершенная нечувствительность, ежели бы она быть могла, лишила бы человѣка и добродѣтели и удовольствїя прощать другимъ ихъ погрѣшности. Желанїе приобрѣсть отъ людей почтенїе и любовь, восприяли мы при самомъ рожденїи: оно то самое дѣлаетъ насъ толь чувствительными въ разсужденїи обидъ; но ежели человѣкъ долженъ чувствовать обиду, то человѣкъ умный долженъ оную прощать. Презрѣнїе наипаче тягостно для насъ тогда, когда мы доброе имѣемъ мнѣнїе о тѣхъ, кои намъ оное изъявляютъ: но добродѣтельный человѣкъ предохраненъ отъ таковаго презрѣнїя, которое бы для него, въ самомъ дѣлѣ, чувствительно быть могло; что касается до знаковъ презрѣнїя, которые иногда изъявляемы быва-

ютъ людьми, хотя и умными, но при всемъ томъ какимъ ни будь предразсужденїемъ заняшыми, то они составляютъ такое зло, которое время скоро истребляетъ и которое мы, утѣшаясь тою мыслїю, что мы оные не заслужили, легко забываемъ; и дѣйствительно можетъ ли быть для человѣка прискорбно видѣть себя презираема тѣми, о коихъ онъ увѣренъ, что они изъявятъ предъ нимъ почтенїе, коль скоро его познаютъ?

Весьма рѣдко случается, что самое и можетъ насъ еще нѣсколько утѣшить, чтобъ тѣ люди, которые изъявляютъ ко всему тому, что они осуждаютъ, презрительной видъ, не были сами собою весьма презрительны. Люди не столь сильно другъ отъ друга разнствуютъ, чтобъ они могли, во всякое время, извинить, или оправдать тотъ презрительной видъ, съ коимъ они говорятъ и другъ о другѣ судятъ. О коль желательно бы было, что бы наконецъ можно было ихъ убѣдить, что мы не чрезъ презрѣнїе должны одолѣвать заблужденїя и пороки! Мы гонимъ человѣка чрезъ презрѣнїе, такъ какъ чрезъ клевету и обиды, а истинна, такъ какъ и добродѣтель, убѣгаютъ подпоры столь ненавистной,

каково есть гоненіе. Всегда было примѣчено, что тѣ самые люди, кои наименѣе дарованій и ума имѣли, наипаче были склонны къ презиранію тѣхъ, кои ихъ опорочивали, или кои ихъ не одобряли: по крайней мѣрѣ рѣдко бываетъ, чтобъ человѣкъ, который привыкъ презирать другихъ, не имѣлъ или великаго самолюбія, или великой злости. Нѣтъ въ томъ великаго нещастія, что мы не можемъ избѣгнуть онаго рѣшительнаго гласа и оныхъ презрительныхъ видовъ; даруй Боже, чтобы въ семъ токмо одномъ состояло все то зло, которое таковые люди могутъ учинить, и чтобы они оное дѣйствительно учиняли! Должно болѣе почитать за благо, нежели за нещастіе, видѣть себя подвержена посмѣянію, обидамъ и презрѣнію тѣхъ, кои преданы единымъ токмо своимъ страстямъ: щастливъ тотъ, кого ненавидятъ и гонятъ тѣ порочные люди, кои заражаютъ общество, или презираютъ тѣ невѣжды, кои оное возмущаютъ; умный человѣкъ долженъ сожалѣть какъ о тѣхъ, такъ и о другихъ, и ликовствовать иногда отъ ихъ обидъ. То, что частныя ненависти, изъявляемыя даже самыми тѣми, кои признаютъ его достоин-

ство, могутъ ему причинить, есть такое нещастїе, противу коего легко вооружиться можно: великодушное усилїе противу врага нашего, его удерживаетъ, все кротости повинуется: кто изъ человѣкъ не отвергнетъ мечь, коль скоро врагъ обѣнимѣтъ его, дабы съ нимъ примириться? Чувствительность умнаго человѣка не есть для него какое нибудь наказанїе, но единое токмо чувствованїе того, что ему случается.

То, что дѣлаетъ обиду прискорбною, есть наипаче желанїе мщенїя и самолюбїе: новый доводъ, что мы сами суть строители нашихъ мученїй. Тотъ, кто любитъ мщенїе, ни когда оное по своему желанїю не находитъ. О коликаго сожалѣнїя достоинъ тотъ человѣкъ, который старается учинить большїй вредъ, нежели какой ему учиненъ! Будучи совершенно занятъ своею ненавистїю, никогда онъ не бываетъ удовлетворенъ; ежели же онъ и удовлетворенъ, то онъ долженъ всего опасаться: истребилъ ли онъ своего врага, насытилъ ли онъ свое мщенїе? Восходитъ внѣ его самаго мстникъ беззаконїй тѣмъ болѣе страшный, что онъ не можетъ быть сокрушенъ: часто мы, желая от-

мстишь нашему врагу, подаемъ случай къ отмщенїю самимъ намъ. Человѣкъ, который болѣе привязанъ къ самому себѣ и къ своей должности, старается примириться съ тѣми, кои его ненавидятъ; защищается отъ зла, которое они желаютъ ему причинить, единственно для того, дабы отвести ударъ; желаетъ токмо уклониться отъ приуготовляемаго ему зла, а не содѣлать оное. Мщенїе не водворяется въ душу его. Прощенїе обидъ исцѣляетъ мученїе, подобно свѣтильнику, самой густой мракъ разгоняющему. Разсудокъ вспомоществуетъ слабостямъ человѣчества; онъ удерживаетъ движенїя, кои раждаются въ сердцѣ чувствительнаго весьма къ обидамъ человѣка; ето Нептунъ, изъ водъ разъяреннаго моря выходящїй, вѣтрамъ молчать повелѣвающїй и со днемъ радость въ сердце плавателей вселяющїй. Мнѣ кажется, что я вижу здѣсь изображенїе того дѣйствїя могущества, когда Богъ говоритъ, *да будетъ свѣтъ*, и бысть свѣтъ: забудь обиду, забвенное зло не есть болѣе зло; по сему, можетъ ли быть въ обидахъ что ни будь столь прискорбное? Ето излишно самолюбїе, которое причиняетъ намъ прискорбїе: то высокое уваженїе, которое мы къ самимъ себѣ имѣемъ,

увѣряетъ насъ, что люди, съ коими мы живемъ, никогда надлежащаго почтенія и уваженія къ намъ не имѣютъ; то стараніе, которое мы прилагаемъ къ извиненію нашихъ слабостей и къ сокрытію нашихъ погрѣшностей, та добровольная слѣпота ко всему тому, что въ насъ худаго находится, заставляютъ насъ находить страннымъ то, что есть еще такіе люди, кои въ насъ нѣкоторыя несовершенства предполагаютъ. Самая точная справедливость, а иногда и ограниченныя похвалы, кажутся намъ обидами: мы осмѣливаемся требовать самаго подлаго ласкательства, того уваженія, кое мы наименѣе заслуживаемъ и того почтенія, которое намъ наименѣе слѣдуетъ: человѣкъ почитаетъ себя идоломъ, предъ коимъ возжиганія ни когда не должны преставать. Колико причинъ къ жалобамъ, никакого вниманія не заслуживающимъ! Тебя презираютъ по тому, что не возжигаютъ предъ тобою жертвы, что не льстятъ тебѣ? О коликаго заслуживаешь ты сожалѣнія! Заслужи общее почтеніе, оно есть истинное и единое средство содѣлать истинну для себя болѣе пріятною. Человѣкъ, который имѣетъ съ лишкомъ много самолюбія и тщеславія, всегда почти

страждетъ. Сіи пороки имѣютъ свое мученіе; однакожъ при всемъ томъ они суть такіе пороки, кои наиболѣе людямъ нравятся: вотъ коль справедливо, что люди худо разумѣютъ свои выгоды! Колико уязвленій испытуемъ мы въ одинъ день, коихъ бы мы могли избѣгнуть, ежели бы были скромнѣе и справедливѣе! Ежели случится, что люди тебя не уважаютъ, что они тебя не любятъ; то разсуди, прежде нежели начнешь жаловаться, заслуживаешь ли ты ихъ уваженіе и ихъ любовь: тебѣ извѣстно что почтеніе и любовь нимало не находятся въ людской власти; ты ихъ не получаешь для того, что ты не заслуживаешь. Есть надежное средство отъ всѣхъ людей приобрѣсть похвалу нашимъ нравамъ, нашему свойству, нашимъ дарованіямъ, нашему уму, и есть таковое же средство къ приобрѣтенію и любви. Что касается до васъ, коихъ превосходное достоинство не могло подавить зависть, вѣрьте, что подлое соревнованіе тѣхъ червей, кои по землѣ пресмыкаются, и кои приписуя безумцамъ похвалы, отъемлютъ оныя у достойныхъ людей, окажетъ добродѣтели ваши въ большемъ блистаніи. Ежели бы мы разсудили, что толь сладостно упражнять-

ся въ добродѣтели, приобрѣсти посредствомъ благодѣянїй людскую похвалу, преодолѣть самаго себя, соблюсти въ душѣ своей оное сладостное спокойствїе, то бы мы легко себя убѣдили, что презрѣнїе и обиды суть весьма часто благо для тѣхъ, кои ихъ претерпѣваютъ, зло для тѣхъ, кои ихъ причиняютъ: мы бы менѣе сожалѣли о насъ, сколько о тѣхъ, кои насъ обидѣли.

Другъ, сынъ, отецъ, супругъ, любовникъ печалятся о потери того, что имъ было приятно; сїи суть такїя движенїя печали, кои сама природа внушаетъ, и кои однакожъ разсудокъ долженъ умѣрять. Сїи потери доказываютъ намъ наше благополучїе; печали наши суть помраченїя нашея добродѣтели, коль скоро онѣ возбуждаютъ въ насъ роптанїе. По что мы не воспомянемъ тѣ сладчайшїя минуты, кои мы, наслаждаясь сими благами, имѣли? Умирающїй можетъ сказать, я жилъ; тотъ, кто сдѣлается слѣпцомъ, я наслаждался зрѣнїемъ; но для сердецъ неблагодарныхъ потеря блага стократно прискорбнѣе, нежели сколь приятно имъ было наслаждаться онымъ, ибо оно отъ привычки сдѣлалось для нихъ нечувствительнымъ.

Мы лишаемся друзей, но отсудствующіе предметы не должны ли мы почитать потерянными? все основывается на мнѣніи; но должно ли, чтобъ въ душахъ разсудительныхъ единое мнѣніе рѣшило щастіе и нещастіе? Почто намъ печалиться? Для того ли, что предметъ, который для насъ былъ любезенъ, лишенъ жизни? По сему жизнь есть благо, и сіе благо сей другъ имѣлъ: или одну токмо потерю должны мы оплакивать? Но коликія утѣшенія уму нашему тогда представляются! Что мы проливаемъ слезы, когда держа въ объятіяхъ своихъ дражайшихъ друзей, нѣжную супругу, видимъ, что они оставляютъ то мѣсто, въ коемъ толь много содѣйствовали къ нашему благополучію: ето ни что иное есть, какъ естественное слѣдствіе нашея любьви и нашего сожалѣнія; но что воспоминаніе о прошедшемъ ихъ бытіи исторгаетъ изъ насъ вздохи и роптанія, ето есть слѣдствіе нашея неблагодарности и слабости весьма осудительной, по тому, что она есть произвольна: почто не благословлять провидѣніе за то, что мы ихъ имѣли, вмѣсто того, что бы жаловаться на то, что мы ихъ болѣе не

имѣемъ? Благо, которое мы ощущали тогда, когда ихъ при себѣ имѣли, уже не существуетъ; нещастїе, которое мы лишась ихъ претерпѣли, уже прошло, а прошедшее нещастїе можетъ ли быть прискорбно, когда прошедшее благо не дѣлаетъ намъ ни какого удовольствїя? „Коликую „жадность, говоритъ Сенека, (*) имѣетъ „тотъ человѣкъ, который, не видя ни„какой выгоды въ томъ, что онъ полу„чилъ, находитъ единое токмо зло въ „томъ, что онъ долженъ возвратить. Дол„жно быть неблагодарну, дабы жаловать„ся на прехожденїе удовольствїя, безраз„судну, дабы полагать въ число своихъ „выгодъ однѣ токмо тѣ блага, коими мы „наслаждаемся; тотъ, кто уважаетъ токмо „то, что онъ имѣетъ, не помышляя о „томъ, что онъ имѣлъ, полагаетъ своимъ „благамъ весьма тѣсные предѣлы.„ Таковы суть однакожъ люди: пагубна надежда на настоящее, поелику оно каждую минуту въ прошедшее претворяется. Вмѣсто того, чтобы помышлять о тѣхъ лѣтахъ, кои мы проведемъ безъ друзей, коихъ смерть насъ лишила, помыслимъ о долгомъ вре-

(*) Lib. de Consol. ad Polybium.

мени, которое мы провели съ ними. Имѣть ихъ при себѣ было намъ приятно, будемъ благодарны; человѣчество требовало того, чтобъ мы ихъ лишились, утѣшимъ себя; нужно было, чтобы мы претерпѣли сїи потери, истинное наше благополучїе сего требовало; по сему будемъ въ потеряхъ нашихъ искать причины къ радости, она всегда обрящется. О коль печальные совѣты! . . . . . Обратите въ смѣхъ сїи столь истинныя мысли, вы, коихъ мудрость никогда не просвѣщаетъ, я о васъ сожалѣю и вамъ язвительность пылкаго вашего ума прощаю, смѣхъ вашъ меня не раздражаетъ, о коль бы я желалъ, чтобъ онъ слабыя мои усилїя усугубилъ!

Ты видишь великодушнаго утѣшителя къ тебѣ приближающагося, онъ тебѣ говоритъ, онъ тебѣ представляетъ сїи великїя истинны, како ты оныя примешь? Слезы твои усугубляются, утѣшенїе, которое онъ представляетъ, кажется тебѣ новымъ зломъ. Ты лишился отца въ 90 лѣтъ: не уже ли ты думаешь, что сей твой отецъ былъ бы гораздо щастливѣе, ежели бы онъ жилъ долѣе? Я все сїе зналъ, говоришь ты, легко могу я себѣ вспомнить сїи обыкновенныя

поученія; но должно самому быть на мѣстѣ злощастныхъ, дабы судить о ихъ злощастіяхъ. Но поставляешь ли ты самаго себя, когда видишь толико злощастныхъ, коихъ жребій еще плачевнѣе твоего? Мы не соблюдая правоты въ разсужденіи другихъ, отъ собственныхъ нашихъ потерь приходимъ въ отчаяніе и не изъявляемъ сожалѣнія, ниже подаемъ помощь тѣмъ, кои гораздо болѣе насъ страждутъ. Ты чувствительно сожалѣешь о потерѣ дряхлаго старика, для коего любовь служила средствомъ противу обидъ времени, а не чувствуешь потери толь многихъ вдовъ, и толь многихъ сиротъ! Причиняютъ ли тебѣ главы, кои для отечества гораздо драгоцѣннѣе, какое нибудь безпокойствіе? Но отвратимъ взоры наши отъ толь печальной картины.

Какіе ето заимоимцы, кои воздаютъ съ роптаніемъ то, что имъ заимообразно дано было съ великодушіемъ! Слыша ихъ, скажетъ иной, что лутче никогда не имѣть выгодъ жизни, нежели имѣть ихъ токмо на время. Почто они не пользовалися своими родителями, своими друзьями; по что не взирали они на ихъ, такъ какъ на

такія блага, коихъ существованіе должно было нѣкогда престать, и коихъ отсутствіе не можетъ быть зло? Но не довольствуясь тѣмъ, что убѣждаютъ себя, что потеря есть зло; вздумали они еще мучить себя въ то самое время, когда спокойно благами наслаждаются: они съ прискорбіемъ помышляютъ о той минутѣ, которая ихъ разлучитъ отъ того, что имъ любезно, не вѣдая того, кто изъ нихъ сперьва удалится. То, что ты любишь, скоро тебя оставитъ, зло кажется одолѣваетъ, употреби противу сего всѣ способы, какіе токмо пособить могутъ, старайся оное спасти, усилія твои справедливы и похвальны: но къ чему сіи слезы! смягчишь ли ты рокъ? предвѣчныя опредѣленія премѣнятся ли для тебя? и узришь ли ты какое ни будь чудо, обыкновенному теченію естества противоположное? Тотъ, кто, управляя кораблемъ, погибаетъ стараясь спасти оной отъ гибели, есть человѣкъ умный; безумецъ онъ, ежели оставляетъ кормило для того, дабы можно было ему стенать. Усилія наши вошли въ число способовъ, кои Богъ намѣренъ былъ употребить; не вѣдая дѣйствія, кое они произ-

ведутъ, ни когда не должны мы быть въ бездѣйствіи; презираніе вторыхъ причинъ, есть столь же безумно, сколь забвеніе первой причины есть злочестиво. Слезы суть при семъ случаѣ излишны; то, что исторгаетъ печаль, то, что извиняетъ слабость, долженъ разсудокъ умѣрять. Ежели бы слезы наши были естественное слѣдствіе прискорбныхъ произшествій, то бы мы всѣ одинаково плакали; но коликая разность! Все зависитъ отъ насъ, отъ нашихъ правилъ, отъ нашихъ усилій: уныніе наше не нещастію нашему, но слабости нашей бываетъ соразмѣрно: слезы суть вспомоществованія для больнаго ума (*): ты плачешь, то есть, ты или гнѣвишь Божество, или онаго не вѣдаешь. Сіи малодушные люди, коихъ самое малѣйшее нещастіе сокрушаетъ, плачутъ и стенаютъ единственно по тому, что безпрерывныя блага, коими они наслаждались, силы ихъ изтощили такъ, какъ лѣность изтощаетъ храбрость воина. Они,

(*) Non votis neque ſuppliciis mulieribus auxilia Deorum parantur: vigilando, agendo, bene conſulendo proſpere omnia cedunt, ubi ſecordiae tete atque ignaviae tradideris, ne quicquam Deos implores, irati infeſtique ſunt.
Salluſtius, in Bello Catil.

будучи чувствительны ко всему тому, что ихъ не льститъ, подобятся такимъ травамъ, кои, коль скоро ихъ коснешся, листъ свой сожимаютъ. Добровольная слабость заставляетъ ихъ унывать отъ такихъ нещастій, кои бы для великой души служили побудительными причинами ко вкушенію житейскихъ благъ съ большею благодарностію, и способами ко вкушенію оныхъ съ большимъ удовольствіемъ.

Иногда вмѣшивается и отчаяніе, душевная болѣзнь, съ которой должно поступать точно такъ, какъ съ тѣми горячками, кои скоро пресѣкать опасно: тогда ни что толь не сильно, какъ печаль, ни что толь не слабо, какъ основательнѣйшія разсужденія и самыя побудительнѣйшія причины: люди не слушаютъ тогда гласа разсудка, предаются совершенно своему мученію, и болѣе опасаются утѣшенія, нежели самаго нещастія. Сколько храбрыхъ воиновъ престаютъ быть храбрыми, коль скоро рука врача коснется ихъ раны! по воинѣ оказывается человѣкъ.

Бѣдственное заблужденіе человѣческія жизни, люди приемлютъ чрезвычайную чувствительность за достоинство! Какъ, го-

воришь ты, я долженъ забыть друга! Память, которую ты сохранить о немъ желаешь, не будетъ продолжительна, ежели ты не иначе можешь о немъ вспоминать, какъ посредствомъ слезъ. Разсудокъ повелѣваетъ стараться замѣнять свои утраты; но глупо, ежели кто желаетъ обрѣсти средство противу таковаго нещастїя въ томъ, что будетъ оное чувствовать даже до утомленїя. Но, и сїе то самое слышу я отъ людей каждый день, мы себѣ пособляемъ проливая слезы, плачъ есть для насъ дѣло приятное. Я ни какъ не отрицаю, чтобы не могло статься, что для стѣсненнаго сердца, причины совершенно физическїя дѣлаютъ плачъ нѣкоторымъ образомъ приятнымъ; здѣсь говорю я токмо о тѣхъ безпрестанныхъ рыданїяхъ отъ нещастїя, которое уже болѣе не существуетъ, о тѣхъ стенанїяхъ, которыя каждую минуту возобновляются для того, дабы дни наши исполнить горести. Слезы наши, которыя иногда суть довольно двусмысленные знаки печали, доказываютъ наше благополучїе, ибо онѣ доказываютъ, что мы наслаждались благомъ, имѣть кое было для насъ приятно. По большей части смотримъ

мы въ потеряхъ нашихъ на однѣ токмо частныя выгоды: даже и самые памятники, во славу великихъ людей воздвигнутые, слезы надъ гробомъ ихъ текшія, та черная одежда и та печаль, не столько означали почтительныя жертвы, добродѣтели ихъ принесенныя, сколько соболѣзнованіе наше о томъ, чего мы лишились. Но хотя бы печаль была слѣдствіемъ человѣколюбія и добродѣтели, хотя бы оная произтекала отъ самолюбія; однакожъ всегда она несправедлива. ,,Печаль, говоритъ Сенека, не ,,токмо безполезна и вредна, но служитъ ,,еще доводомъ нашея неблагодарности: тотъ, ,,кто умираетъ, жилъ; онъ вошелъ въ сей ,,миръ, по сему и слѣдовало ему оной оставить. Жаловаться на потерю друга, ,,есть то же самое, что и жаловаться на ,,то, что сей другъ былъ человѣкъ. Мы всѣ ,,въ разсужденіи сего разнствуемъ одними ,,токмо весьма краткими пространствами. ,,Ежели ты уважаешь то малое число не,,щастій, кои человѣку случаются, то ,,жизнь даже и для младенца, въ молодыхъ ,,лѣтахъ умирающаго, съ лишкомъ длинна. ,,Ежели краткость жизни тебя ужасаетъ, ,,то и самый дряхлѣйшій старикъ жилъ

,,съ лишкомъ мало (*).

Я ни какъ не оспориваю, чтобъ сіи потери не были прискорбны; но ты дѣлаешь изъ уязвленнаго мѣста совершенную рану: твои предразсужденія, твои пороки, единая причина онаго пагубнаго заблужденія, которое тебя убѣждаетъ, что человѣчество требуетъ того, чтобы проливать обильныя слезы, суть толико нещастій, коихъ ты избѣгнуть можешь: на единомъ токмо мнѣніи основывается твое мученіе. Но, ты говоришь, сей любезный сынъ, единая моя надежда, умеръ въ самомъ младенчествѣ! печаль твоя была бы та же самая, ежели бы ты лишился его тогда, когда бы уже онъ пришелъ въ лѣта: помысли о тѣхъ нещастіяхъ, отъ коихъ онъ тебя можетъ быть избавилъ, и коихъ онъ самъ можетъ быть избѣгнулъ; щастіе благоприятствовало ему болѣе, нежели многимъ другимъ; добрый человѣкъ считаетъ не токмо тѣ блага, коими онъ наслаждается, но и самыя тѣ нещастія, коихъ онъ избѣгнулъ. Толикое множество побудительныхъ къ утѣшенію причинъ обрѣтается для тѣхъ, кои лишились того, что имъ было приятно,

(*) Senec. Ep. XICX.

что нѣтъ, можетъ быть, ни чего, что бы столь извѣстно было: каждый день слышимъ мы то умное разсужденіе, что о мертвыхъ должно бы было сожалѣть, ежели бы они вѣдали чрезмѣрность нашея печали. Я тебя вопрошаю, щастливъ ли тотъ, кто живетъ на свѣтѣ, или нѣтъ? ежели щастливъ, то помысли, что оный любезный предметъ твоего соболѣзнованія жилъ, и что онъ не могъ жить ни всегда, ни долѣе: ежели онъ нещастливъ, будь доволенъ тѣмъ, что онъ престалъ быть между нами; не позавидуешь ли ты ему тогда, что онъ прежде тебя отошелъ? воспомяни ту жену Римскую, которая отвѣтствовала возвѣщающему о смерти сына ея: *Я вѣдала, производя его на свѣтъ, что онъ долженъ былъ умереть.*

Столько находится химеръ въ мнимыхъ нашихъ злополучіяхъ и печаляхъ, что можно сказать, что мы суть единыя или первыя причины тѣхъ золъ, на кои мы жалуемся. Коликими малостями мы занимаемся! Досадныя обстоятельства, трудности въ удовлетвореніи желанія, затрудненія въ исполненіи намѣренія случившіяся, вотъ наши мученія; щастливы мы, что часто полу-

чаемъ то по случаю, чего бы мы по добродѣтели нашей получить не могли; мы должны благословлять провидѣнїе за то, что мы не могли удовлетворить тѣ желанїя, кои разсудокъ опорочиваетъ. Колико нещастїй не были бы для насъ дѣйствительныя нещастїя, ежели бы мы ихъ имѣть возхотѣли! Умѣренность есть наказанїе для невоздержнаго человѣка, а работа для лѣниваго: съ которой стороны ни взглянешь, то всегда должно обвинять порокъ за нещастїе, на которое мы жалуемся. Ежели бы желанїя наши поставляли своими предѣлами истинныя нужды, то бы мы въ жизни нашей обрѣли весьма мало золъ. Но не имѣя истинныхъ золъ, вооображаемъ мы себѣ оныя; къ симъ причисляю я тѣ, кои мы полагаемъ въ неимѣнїи нѣкоторыхъ выгодъ, коими другїе пользуются, и въ потерѣ тѣхъ благъ, коими мы не иначе можемъ наслаждаться, какъ нѣкоторое токмо время. Ежелието знакъ неблагодарности, что мы жалуемся на наши потери, и ищемъ причины къ роптанїю въ сравненїи настоящаго нашего состоянїя съ прошедшимъ; то то есть знакъ несправедливости или чего ни будь еще худшаго, что

мы жалуемся на то, что щастїе менѣе намъ благоприятствуетъ, нежели многимъ другимъ, и что мы находимъ причины къ роптанїю, сравнивая наше состоянїе съ состоянїемъ другихъ людей, о коихъ мы знаемъ, что они не имѣютъ тѣхъ золъ, на кои мы жалуемся, или коимъ мы приписываемъ такїя выгоды, коихъ сами не имѣемъ. Должно признаться ко стыду человѣчества, что люди были бы несравненно довольнѣе, ежели бы они могли себя увѣрить, что съ другими не лучше было поступаемо, какъ и съ нами. Неудовольствїе наше произходитъ всегда почти отъ того, что мы предполагаемъ другихъ людей въ большемъ щастїи, или въ меньшемъ нещастїи, нежели въ какомъ мы сами, по мнѣнїю нашему, находимся. Ежели бы мы могли навсегда избавиться отъ того излищняго самолюбїя, которое составляетъ главной источникъ нашихъ золъ, поелику оно есть главной источникъ нашихъ пороковъ, и отъ онаго безпристрастїя ко всему тому, что до насъ не касается; то бы жалобы наши вскорѣ изчезли, и мы бы въ произшествїяхъ жизни сея узрѣли единыя токмо причины, побуждающїя насъ къ благословенїю провидѣнїя: наше самолюбїе, наша

несправедливость, безпристрастїе, кое мы къ большей части рода человѣческаго ощущаемъ, заставляютъ насъ увеличивать наши нещастїя и блага тѣхъ людей, съ коими мы живемъ. Все для другихъ хорошо; намъ кажется, что щастїе истощило на нихъ всѣ свои блага: все для насъ худо; намъ кажется, что щастїе поступило съ нами подобно мачихѣ; намъ не случается ни единаго нещастїя, о коемъ бы мы тотъ часъ не помыслили, что оно многимъ другимъ не случилось; намъ не случается ни единаго блага безъ того, что бы мы тотъ часъ не подумали, что гораздо большїя блага случаются каждый день многимъ другимъ. Будь справедливъ, возлюби ближняго, нещастїя твои помрачатся: все здѣсь на землѣ уравнено; всякъ имѣетъ свои блага, и свои мученїя; не воображай себѣ, что другїе несравненно тебя щастливѣе; но хотя бы они и были, блага ихъ могутъ ли умножить твои нещастїя, или уменьшить число и цѣну твоихъ выгодъ?

Неслыханное нещастїе, вѣчная причина къ жалобѣ. Но по что сего не ожидать? Не довольно помышлять о томъ, что обыкновенно случается; должно еще ожидать и

того, что можетъ случиться: не нужно имѣть враговъ для того, дабы было чего ни будь бояться, самое благополучїе можетъ быть причиною ужаса для того, кто не остерегается. Ни что въ мірѣ не должно удивлять умнаго человѣка, и ни что не можетъ человѣку разсудительному казаться несправедливымъ: можетъ ли быть тамъ что ни будь чрезвычайное, гдѣ все связано? Можетъ ли быть тамъ что ни будь несправедливое, гдѣ все клонится къ нашему благополучїю? Жаловаться на непредвидимыя нещастїя, есть то же самое, что и жаловаться на то, что тебѣ не извѣстно было будущее, или что ты тщетно ласкался даже до послѣдней минуты. Ежели бы то, что случается онымъ слабымъ душамъ, было великое нещастїе, то не могло ли бы то быть для нихъ выгодою, что оно приключилось имъ тогда, когда они онаго не ожидали? для боязливыхъ умовъ непредвидимыя нещастїя гораздо страшнѣе тѣхъ, кои они претерпѣваютъ. Но великїя и истинныя нещастїя причиняютъ печаль однимъ токмо тѣмъ, кои не хотѣли оныхъ избѣгнуть: что касается до малыхъ противностей жизни, то оныя и могутъ и должны быть предвидимы;

почто отвращать взоръ свой отъ того, что насъ увѣдомляетъ? почто ласкаться намъ свободою, которой мы должны желать, и которую не возможно намъ получить? Умный человѣкъ долженъ на передъ видѣть неудобства жизни; но глупо искать въ будущемъ, которое столь неизвѣстно, причины къ мученїю и печали. Мы должны ожидать горестей для того, дабы приготовить себя сносить оныя съ твердостїю, а не для того, дабы напередъ еще отъ оныхъ стенать. Противорѣчїе обрѣтается въ поведенїи людей: они печалятся о будущихъ и неизвѣстныхъ нещастїяхъ, а не хотятъ приготовить себя къ извѣстнымъ произшествїямъ, кои вдругъ могутъ ихъ постигнуть, и утѣснить по единой ихъ неосторожности; крайности одинаково осудительныя; хотя легко можно оныхъ избѣгнуть, однакожъ мы видимъ, что люди каждый день въ оныя впадаютъ: они жалуются на то, что они были внезапно постигнуты, когда они сами весьма часто, по безумному изслѣдованїю будущаго, ищутъ даже мечтанїй, дабы имѣть что нибудь такое, чего бы можно было страшиться. Сны, предчувствованїя, естественные знаки естественныхъ произшествїй, сїи бреды,

кои долженствовали бы на всегда быть истреблены изъ поученаго самимъ Богомъ народа, возмущаютъ даже спокойствіе тѣхъ людей, кои желаютъ быть разсудительны: мы видимъ между нами людей, кои ощущая движенія страха и надежды, просятъ совѣту у тѣхъ, кои во зло употребляютъ народное легковѣріе: страшный сонъ изъ устъ въ уста летаетъ, дѣлается предметомъ самыхъ чувствительнѣйшихъ разговоровъ; въ началѣ оному смѣются, а по томъ онаго страшатся и посѣваютъ въ юныя сердца сѣмена, кои производятъ весьма злые плоды.

То, что доказываетъ, что въ печаляхъ нашихъ мнѣнія и химеры несравненно болѣе составляютъ, нежели самая существенность, состоитъ въ томъ, что люди несогласны ниже съ самими собою, ниже съ другими, въ разсужденіи цѣны нѣкоторыхъ выгодъ и степени мученія, съ нѣкоторыми неудобствами соединеннаго. То, что намъ нѣкоторое время причиняло удовольствіе, дѣлается вскорѣ для насъ постылымъ; мы часто даже забываемъ, что то, что мы теперь претерпѣваемъ безо всякихъ жалобъ, не задолго казалось намъ весьма несноснымъ. Въ разсужденіи сего человѣкъ въ чувствованіи своемъ ото дня въ день

перемѣняется; перемѣнялся ли бы онъ такъ, ежели бы неудобства жизни были толь великія нещастія? Съ другой стороны, сколь разнствуютъ люди въ понятіяхъ своихъ о щастіи и нещастіи! Колико людей предпочитаютъ смерть обидѣ, и укоризну самыхъ осудительнѣйшихъ пороковъ, посмѣянію! столько имѣютъ люди предразсужденій, что не удивительно, когда мы находимъ оныя и въ семъ случаѣ. Но удивительно, когда мы видимъ, что они, хотя и признаютъ странность сихъ предразсужденій, ведутъ однакожъ себя такъ, какъ будто бы они находятся въ заблужденіи. Обрѣтаются люди, кои каждый день отвергаютъ тѣ правила, о коихъ бы они не могли сумнѣваться, и кои они отвергаютъ безо всякаго, сильною какою нибудь страстію производимаго побужденія. Откуда происходитъ толь пагубное неслѣдствіе?

То, что мы называемъ зломъ, часто не есть истинное зло: скажемъ лучше, что большая часть нашихъ удовольствій причиняютъ нещастія тѣмъ, кои съ лишкомъ онымъ предаются. Ты претерпѣлъ великую боль; но тебя надлежало исцѣлить, и самая твоя боль была необходимое сред-

ство къ твоему исцѣленію; рана безъ боли есть весьма опасное зло; боль извѣщаетъ насъ о опасности; она есть первое благо, которое тебѣ, по полученіи раны случается. Ты лишился дражайшихъ друзей, но тебѣ должно было приготовить самаго себя къ смерти: ни что не дѣлаетъ смерть для насъ толь нестрашною, какъ потеря чего ни будь такого, что для насъ приятно. Димитрій умно сказалъ, *что онъ не вѣдаетъ ни кого, кто бы столь былъ нещастливъ, какъ тотъ, кому ни когда ни чего печальнаго не случалось.* Таковой человѣкъ не имѣлъ времени испытать себя. Ежели добродѣтель столь много способствуетъ къ нашему благополучію, коимъ образомъ можемъ мы увѣриться о семъ сокровищѣ, ежели нещастіе не придетъ и не наставитъ насъ въ разсужденіи того, что мы имѣемъ, или чего намъ недостаетъ? Добродѣтельный человѣкъ, которой перенесъ много горестей, подобится воину, на собранныхъ посреди опасностей лаврахъ опочивающему. Нещастія суть спасительныя средства, нѣкоторую горесть въ себѣ имѣющія, а забавы часто суть отравы, нѣкоторую сладость въ себѣ заключающія. Цѣлуй съ восторгомъ

руку, тебя иногда поражающую: щастливые удары, приятная противность, прерывающіе тѣ блага, коими мы наслаждаемся, нѣкоими краткими горестями, дабы воспрепятствовать намъ забыть себя въ удовольствіи и въ благополучіи, вы однѣ довольно уже доказываете мудрое провидѣніе! Разсужденіе, которое бы долженствовало утѣшить всѣхъ унывающихъ, состоитъ въ томъ, что то, чему по обыкновенному теченію природы быть надлежитъ, не можетъ быть зло, коль скоро мы припишемъ Творцу сея природы премудрость столь же безпредѣльную, каково есть его могущество и какова есть его благость. Удивительно ли, что мы не всегда видимъ то частное благо, которое произтекаетъ отъ какого ни будь зла? Очи наши съ лишкомъ слабы. Число и цѣна нашихъ золъ, ихъ необходимость, средства, кои мы имѣемъ къ избѣжанію оныхъ, къ отъятію всея ихъ горести, къ увеличенію числа нашихъ выгодъ, и степени удовольствія, которое мы отъ оныхъ ощущаемъ, суть толикія причины, кои жалобы наши обвиняютъ. Противу зла всегда обрѣтается средство; ежели премножество вещей могутъ насъ погубить, то множество другихъ могутъ насъ опять

спасти: большая часть нашихъ золъ доказываютъ существованіе нашихъ благъ. Воздадимъ должное благодареніе за благость Божїю, дабы не сказали о насъ то же самое, что Сенека сказалъ о своихъ современникахъ, *что онъ нашелъ много такихъ людей, кои справедливы противу своихъ ближнихъ, но совершенно не нашелъ такихъ, кои бы справедливы были противу боговъ.*

Ежели нещастія имѣютъ свою пользу, ежели онѣ нужны, а иногда и неизбѣжны, то можетъ ли быть, чтобъ бодрственное оныхъ терпѣніе превосходило силы человѣческія? Мы сносили бы оныя гораздо удобнѣе, ежели бы сего хотѣли: надлежитъ токмо избрать для себя извѣстную мѣту, и разсматривать житейскія произшествія въ надлежащемъ ихъ видѣ. Въ душѣ нашей обрѣтается такая сила, которая въ состояніи восхотѣть всего; должно токмо представить ей побудительныя причины; она всегда опредѣляетъ себя къ тому, что для нее наилучшимъ быть кажется; но человѣкъ ослѣпляется: по сему должно его наставить, или лутче сказать, обьяснить тѣ идеи, кои онъ не долженъ ни когда отъ ума своего отдалять. Когда душа наша бываетъ просвѣщена, тогда

легко приобрѣтаетъ она привычку противиться своимъ желаніямъ, доколѣ не разсмотритъ все подробно, и не разсудитъ, что для нее наилучше: въ семъ то самомъ состоитъ вольность: самая великая вольность нераздѣльна отъ самаго величайшаго степени знанія. Все зависитъ здѣсь отъ того основательнаго мнѣнія, которое мы имѣемъ о томъ, что намъ, и что другимъ случается: разсужденіе разгоняетъ страхъ, возстановляетъ радость, внушаетъ храбрость, и даруетъ силы; безъ онаго храбрость наша не что иное есть, какъ нѣкоторый родъ звѣрскаго неистовства. Разсужденіе дѣлаетъ дѣянія наши основательными, самыя лучшія изъ оныхъ ни чего не составляютъ, когда онѣ не суть плоды разсудка. Когда однѣ токмо слезы и вопль могутъ насъ преклонить, когда однѣ токмо великія и чувствительныя нещастія могутъ возбудить наше соболѣзнованіе, когда мы болѣе побуждаемся утомленіемъ, отъ причиняемыхъ намъ безпокойствѣ произшедшимъ, нежели желаніемъ учинить благо, то можно ли насъ почесть добродѣтельными? Слабости наши могутъ ли быть вмѣнены въ добродѣтели? Соболѣзнованіе наше есть тогда

не что иное, какъ механическая добродѣтель. То же самое можно сказать и о твердости духа во время нещастій; дабы она достойна была человѣка, не должна она быть слѣдствіемъ нѣкотораго рода безчувственности, по коей бы мы подобны были скотамъ, но она должна произходить отъ разсужденія и разсудка. Отъ того, что мы не входимъ часто въ самихъ себя, не помышляемъ о той мѣтѣ, для которой мы сотворены, не приписываемъ истинной цѣны благамъ и выгодамъ жизни, не разсматриваемъ подробно, въ чемъ состоятъ тѣ нѣщастія, на кои мы жалуемся, отъ сего то самаго, что мы не размышляемъ ни о настоящемъ ни о будущемъ состояніи, произходитъ тотъ трудъ, которой мы находимъ въ утѣшеніи самихъ себя во время печалей. Дѣйствительно, когда угрозы приводятъ насъ въ отчаяніе, когда мы боимся употребительныхъ при погребеніи приготовленій, когда мы страшимся золъ, когда мы трепещемъ отъ неблагоприятства щастія и отъ прискорбныхъ слѣдствій нещастія; то можемъ ли мы жаловаться на то, что не въ силахъ снести случающіяся намъ нещастія? Мы ни чего такого не сдѣлали, чрезъ что бы могли

отдалить сїи малыя горести, или чрезъ что бы мы могли отнять у нихъ все то, что онѣ горестнаго въ себѣ содержать могутъ. Тотъ, кто видитъ, стоя спокойно на одномъ мѣстѣ, что развалины какой ни будь громады на него падаютъ, не можетъ жаловаться, ежели онъ подъ оными погибнетъ. Человѣкъ долженъ въ жизни своей употребить все то, что онъ можетъ, и не дѣлаться рабомъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находится. Въ скорбяхъ и въ нещастїяхъ не столько должны мы помышлять о томъ, что мы претерпѣваемъ; сколько о томъ, что намъ дѣлать должно: не предадимся времени; великодушїе требуетъ того, что бы не давать нещастїю утѣснять себя; основанная на разсудкѣ любовь къ самому себѣ требуетъ того, чтобы мы оному противоборствовали: и таковыя усилїя ни мало не суть свыше силъ человѣческихъ. Катонъ (*) показалъ свѣту, что онъ могъ и жить и умереть не уступая щастїю. Ни кто ни когда не видалъ его, чтобъ онъ перемѣнилъ свой нравъ, свое свойство или свое поведенїе, какой бы перемѣнѣ состоянїе его отечества ни подлежало. Во

(*) Сенека.

время своего Преторства и во время изгнанія своего изъ Преторства, во время славнаго своего военачальства, и во время неправеднаго обвиненія, готовясь уже къ смерти и во цвѣтѣ своея младости, посреди мира и посреди волненій, коими республика была обеспокоиваема, Катонъ былъ всегда одинаковъ. Между тѣмъ, когда видѣли съ одной стороны Кесаря, десятью Легіонами побѣдоносныхъ войскъ сопровождаема, а съ другой Помпея, помощи у иноплеменниковъ просяща, Катонъ, который долженъ былъ всего страшиться, пребылъ твердъ и непоколебимъ. Здѣсь зримъ былъ народъ, новостію влекомый, тамъ видны были колеблющіеся въ мысляхъ своихъ вельможи, а посреди ихъ Сенатъ, который ослабѣвалъ, зря приближающіяся войска, который унижался до подлости, слыша о новой побѣдѣ, и который поднималъ главу свою, коль скоро видѣлъ сражающихся войскъ, отъ себя отдаленныхъ: что касается до Катона, то онъ, не бывъ зримъ и не бывъ слышимъ, оставилъ свѣту примѣръ безпорочныя добродѣтели. Ежели Кесарь побѣдитель, то смерть его ожидаетъ; ежели Помпей одолѣетъ Кесаря, то ссылка ему опредѣлена;

онъ какъ того, такъ и другаго презираетъ, глаголетъ имъ гласомъ справедливости и разсудка: онъ презрѣлъ смерть и ссылку, и далъ самъ себѣ какъ то, такъ и другое. Да не скажетъ ни кто, что смерть его помрачила его славу; чего онъ избѣгнулъ избравъ себѣ оную? вида Трїумфовъ Кесаревыхъ? Онъ сего не страшился: ибо почести весьма мало его льстили, а еще менѣе завидовалъ онъ тѣмъ, кои оныя имѣли. Онъ игралъ мячемъ въ тотъ самой день, когда онъ былъ изгнанъ изъ Сената; онъ къ единой токмо своей добродѣтели былъ пристрастенъ. Онъ былъ всегда одинаковъ, какъ въ то время, когда велъ побѣдоносныя войска по пескамъ Африканскимъ, такъ и тогда, когда проходилъ чрезъ горы, ведя за собою остатки побѣжденнаго войска. Безъ сомнѣнїя, мало людей достигаютъ до сего высокаго степени спокойствїя и мудрости; но на кого должны они за сїе негодовать, какъ не на самихъ себя? Не довольно быть небоязливымъ, справедливымъ, умнымъ и мудрымъ въ важныхъ случаяхъ; должно препровождать жизнь упражняясь въ сихъ добродѣтеляхъ, и прiобрѣтать оныя чрезъ свои правила. Щаст-

ливъ тотъ, кто не имѣетъ нужды вооружаться каждую минуту противу страха, и житейскихъ золъ; но можетъ взирать спокойнымъ окомъ на бурю надъ главою его востающую и на него изливающуюся! Коль бы приятна ни была послѣдовавшая послѣ бури тишина, однакожъ она ни мало не можетъ сравниться съ тою непремѣнною безопасностїю, которая есть плодъ добродѣтели и истинны.

Слыша, что люди столь горько жалуются на претерпѣваемыя ими нещастїя, повѣритъ ли кто, что они страшатся смерти? Ни что не есть толь справедливо, и ни что при томъ не есть толь безрассудно. По сему смерть можетъ быть зло, и еще большее зло, нежели каковы суть тѣ, кои мы иногда въ теченїе жизни нашея испытуемъ? Съ какой бы стороны я оную ни разсматривалъ, ни когда не нахожу я ничего такого, чтобы могло насъ тревожить. Смерть, хотя бы она прерывала наши удовольствїя, хотя бы окончевала наши нещастїя, хотя бы пресѣкала тяготы дряхлаго старика, или отдаляла бы оныя отъ юношей, на силу свою надѣющихся, хотя бы останавливала теченїе зрѣлаго человѣка,

хотя бы препятствовала младенцу вытти изъ невиннаго своего состоянія, смерть есть для всѣхъ людей исполненіе видовъ промысла: она есть для иныхъ то, что природа ниспосылаетъ имъ по ихъ желанію, она наипаче приятна для того, кто вѣдаетъ цѣль оныя, благополучна для того, кому она случается прежде, нежели онъ ее пожелаетъ, или начнетъ оной страшиться. Смерть есть благо, и жизнь есть также благо, по тому, что всякое благо должно имѣть свои предѣлы, а смерть и жизнь имѣютъ сіе обще, ибо онѣ стремятся къ одной цѣли, по тому, что жизнь и смерть суть нераздѣльны: жизнь есть первой поступъ по пути къ добродѣтели, а смерть есть послѣдній: родившись приблизились мы къ той минутѣ, которой мы по слабости нашей страшимся, и дни лѣтъ нашихъ суть толико поступовъ, кои насъ къ оной приближаютъ. Ежели бы смерть была нѣкое зло, то бы она не могла быть симъ зломъ, какъ токмо въ то время, когда мы изпускаемъ послѣдній духъ; но сія минута малаго достойна сожалѣнія: можетъ быть, что человѣкъ, которой при послѣднемъ уже издыханіи страшится у-

мерешь, еще востанетъ. Дабы обрѣсти зло въ смерти, долженствовало бы взирать на жизнь нашу такъ, какъ на связь нещастій, каждую минуту умножающихся, и приготовлять себя по сей жизни къ такимъ бѣдствіямъ, кои несравнено превосходятъ тѣ, кои мы уже на семъ свѣтѣ изпытали: жизнь была бы подобна бурѣ, которая начинаетъ воставать при нашемъ рожденіи, и которая тѣмъ съ большею силою оказывается, чѣмъ долѣе оная собирается. Ежели жизнь есть одно токмо благо, которое намъ случается, то можетъ ли быть смерть, которая есть конецъ онаго, зло? Ежели мы однимъ токмо настоящимъ наслаждаемся, то чемъ можетъ послѣдній день жизни нашея разнствовать ото всѣхъ другихъ? Что я говорю! чемъ можетъ послѣдній день жизни нашея разнствовать отъ нашихъ самыхъ прекраснѣйшихъ дней? Та мысль, что благо жизни нашей скончевается, можетъ ли для души разсудительной отравить вкушеніе сего блага? Но ежели послѣ жизни нашей имѣются другія блага, то разсмотримъ, чего мы ожидать должны.

Мы должны умереть: это условіе, съ которымъ мы жизнь получили; не будемъ

жаловаться, несправедливо бы было условія благодѣянія почитать жестокими. Войдемъ въ самихъ себя, и вопросимъ: что бы мы сдѣлали, ежели бы были, прежде рожденія нашего, вопрошены: не уже ли бы мы отвергли благодѣяніе ради того, что оно продолжится нѣкоторое токмо время? не уже ли бы мы возжелали, чтобъ тому, кому опредѣлено таковое благодѣяніе, небыли предписаны ни какіе предѣлы, дабы оно дѣйствительно могло быть для него благомъ? Положимъ, что Богу угодно было создать душу, которая могла вообразить себѣ состояніе мира, и которой онъ предоставилъ свободу избирать или небытіе или существованіе: сія душа увидѣла бы другія души, съ тѣлами соединенныя, узрѣла бы, что тѣла суть нужныя орудія для конечныхъ умовъ, что удовольствія суть необходимыя для таковыхъ существъ вспомоществованія, что чувства суть орудія, т. е. пути, посредствомъ коихъ душа зритъ то, что внѣ оныя произходитъ, что сей миръ есть твореніе всемогущества, благостію и мудростію управляемаго, что сей миръ можетъ доставить уму, оной разсматривающему, самыя сладчайшія минуты, что не-

щастія и житейскія неудобства суть нужныя тѣни для картины, которая безъ тѣней столь же была бы несовершенна, какъ и безо всякихъ дѣйствительныхъ красотъ; что благополучіе наше находится въ нашей власти; что замѣна того, что можетъ опечалить людей, чрезъ то, что можетъ увеселить ихъ, есть такова, отвлекая въ прочемъ ту цѣль, для коей люди созданы, что жизнь была бы благомъ и для того, въ коемъ бы все съ тѣломъ погибало; что мечтаніе наше въ разсужденіи свойствъ истинныхъ нашихъ благъ и истинныхъ нашихъ золъ, не всегда продолжается; что въ сихъ мрачныхъ пространствахъ находятся также и освѣщенныя мѣста; что есть такое время, когда прелесть на всегда прерывается, что для насъ полезно, и что мы можемъ не ослѣплять себя. Видя сіе, душа сія начала бы, безъ сомнѣнія, просить о преселеніи на сію землю. Ежели бы провидѣніе имѣло другіе способы содѣлать насъ благополучными; ежели бы оно могло создать совершенно благополучныя творенія; ежели бы оно могло лишить человѣческую жизнь тѣхъ малыхъ золъ, кои въ оной находятся: то для него стоило бы токмо

избрать сїе, дабы мы имѣли причину быть довольными. Провидѣнїю угодно было, чтобъ мы существовали; по сему существованїе наше есть благо въ отношенїи къ самимъ намъ и въ отношенїи ко всему; мы сами возхотѣли бы существовать, ежели бы можно было, чтобы о семъ были вопрошены прежде нашего рожденїя; по сему жизнь есть благо для того, кто судитъ безпристрастно; а ежели жизнь есть благо, то смерть не можетъ быть зло, по тому, что смерть есть послѣдняя минута жизни нашея. На конецъ люди поспѣшаютъ произвесть чадъ, коихъ они возлюбятъ; коль жестокосерды родители, ежели они увѣрены, что смерть есть великое зло, и что жизнь имѣетъ много горестей!

Мы должны умереть, но мы умираемъ съ лишкомъ рано. Ежели жить на свѣтѣ малое число лѣтъ почитаемъ мы за нещастїе, то вознегодуемъ за сїе на самихъ себя: мы искали того, что природа сокрыла отъ очей нашихъ; мы силою взяли отъ нее то, чего она намъ не опредѣлила; излишества и страсти наши истощили ея средства. Ты стараясь быть однимъ токмо шатающимся составомъ срашишся смерти, и смерти скорой,

которая была бы для тебя весьма малое зло, ежели бы душа твоя была лутче: ты жалуешся на слабость твоего сложенія, учинивъ все къ ослабленію онаго: живешь ли ты по законамъ природы? Является заря, а ты ложишься спать. Солнце оставляетъ Горизонтъ и наступаетъ глубокойココмракъ, а тебя свѣтильники твои утѣшаютъ, и день твой начинается; зной солнца преходитъ, а ты отверзаешь очи твои предъ свѣтомъ. Почто перемѣняешь порядокъ естества? не уже ли ты боишься имѣть что ни будь общее съ простымъ народомъ? Но знай, что истинныя твои блага суть тѣ самыя, коими простой народъ можетъ также, какъ и ты наслаждаться. Пустыя причины, изнуренные нравы, вкоренившіеся пороки, нелѣпость, которая устрашаетъ, гордость, которая обольщаетъ, страсти, кои влекутъ, суть руки изкопавшія пропасть, и даровавшія намъ крылья, на коихъ мы ко гробу нашему летимъ: жалуйся, слыша сіе, на природу, что она дни твои ограничила. Часто боязнь смерти ускоряетъ нашу смерть: колико немощныхъ, для коихъ спокойствіе было самое наилучшее средство! Не уже ли

трудно успокоить себя въ разсужденіи сего? Мы видимъ самыхъ грубѣйшихъ людей, къ смерти съ твердостію духа грядущихъ: храбрый воинъ ни мало не уважаетъ свою жизнь, и часто неустрашимость его основывается токмо на неявственной идеи о славѣ, которою онъ не наслаждается: можетъ ли быть, чтобъ сей міракъ имѣлъ столь великую въ разсужденіи людей силу, а разсудокъ столь малую? Сіи души, коихъ совершенно чистой свѣтъ не освѣщаетъ, какъ могутъ имѣть твердость духа, къ презрѣнію смерти потребную, между тѣмъ, когда многократное разсматриваніе самихъ себя, и гораздо чистѣйшій разсудокъ не могутъ побудить насъ взирать на смерть безо всякой боязни и смятенія? Ежели мы боимся смерти, то сіе произходитъ отъ того, что мы ни какого усилія надъ самими собою не изъявили. Но недовольно умереть безъ боязни, должно еще, чтобъ то самое, что насъ ободряетъ противу таковаго страха, основывалось на причинѣ, человѣка достойной; должно, чтобъ мы испустили духъ, разсудивъ напередъ, въ чемъ состоитъ смерть, и не приходя ни мало въ замѣшательство ради сея минуты, которая заслуживаетъ

всего нашего вниманія.

Должно умереть; но мы умираемъ съ лишкомъ рано. Помышляемъ ли мы порядочно о томъ, что мы говоримъ, когда негодуемъ на природу за то, что она дни наши ограничила гораздо болѣе, нежели какъ мы чаяли? Смерть въ одно время разнствуетъ ли отъ смерти во всякое другое время случающейся? Не уже ли она не столь страшна тогда, когда похищаетъ старика, нежели когда она приходитъ къ похищенію человѣка, самою весною дней своихъ наслаждающагося? Ежели съ одной стороны тѣ, кои умираютъ во цвѣтѣ своихъ лѣтъ, менѣе имѣли времени прилепиться къ преходящимъ благамъ жизни, ежели они отходятъ съ меньшими слабостями, ежели они оставляютъ жизнь съ меньшимъ сожалѣніемъ; то съ другой стороны, тѣ, кои дожили до старости, имѣли время выйти изъ своихъ заблужденій. Зрѣлый возрастъ есть можетъ быть тотъ возрастъ, въ коемъ наипаче трудно умереть безъ всякаго прискорбія. Иныхъ бы жизнь долгая содѣлала, можетъ быть, болѣе порочными: другимъ бы жизнь краткая не оставила времени войти въ самихъ себя. Въ разсужденіи сего

не можемъ мы проникнуть виды промысла: довольно того, что сїе зависитъ отъ самого человѣка; довольно того, что мы въ то краткое время, кое намъ опредѣлено, имѣемъ болѣе благъ, нежели золъ, и при томъ благъ несказанной цѣны; довольно того, что самое лучшее благо для насъ было рожденїе, а самое лучшее по семъ смерть. Человѣкъ долженъ пользоваться своими благами, онъ находится въ такомъ мирѣ, гдѣ беззаконїя и пороки суть единыя средства, кои могутъ содѣлать его нещастливымъ.

Время, въ кое насъ не было, не есть предметъ нашего сожалѣнїя; время, въ кое насъ болѣе не будетъ, не принадлежитъ уже намъ: мы не жалуемся на то, что не родились ранѣе, а можемъ жаловаться на то, что не умираемъ позже. Позволительно ли разсудительному человѣку жаловаться на предѣлы, удовольствїямъ и благамъ его предписанные, ежели естество сихъ удовольствїй и сихъ благъ требуетъ предѣловъ, и ежели сїи предѣлы, хотя бы оные были болѣе, или менѣе обширны, не могутъ ни увеличить, ни уменьшить его благополучїе? То, что ему дано, есть то, чемъ онъ долженъ наслаждаться; желанїя

его не должны распространяться далѣе того, что ему не слѣдуетъ и чего онъ получить не можетъ.

Но что скажемъ мы объ общественныхъ нещастїяхъ? зараза, война, голодъ, трясенїя земли! Какъ можетъ Лиссабонъ подъ развалинами своими быть щастливъ? сїи поля, умершими и умирающими покрытыя, сїи оставленныя сироты, сїи безутѣшныя вдовы, сїи земли, безпощадными бѣдствїями опустошенныя, коль печальное позорище! здѣсь то таковыя восклицанїя ничего не доказываютъ: отрицалъ ли кто нибудь и когда нибудь, чтобъ сїи бичи небеснаго гнѣва не были для насъ бѣдствїя? Потребно токмо вѣдать, претерпѣваютъ ли люди, не смотря на сїи страшныя произшествїя, и щастливы ли они, когда видятъ великое число гражданъ страждущихъ: не нужно вѣдать, должно ли быть чувствительну къ общественнымъ бѣдствїямъ, не онѣ то обыкновенно наипаче насъ трогаютъ: оные пустые многословы часто печалятся болѣе о потерѣ того, что имъ было приятно, нежели о сихъ общественныхъ нещастїяхъ, кои они весьма равнодушно предъ очами нашими представляютъ, и о коихъ они слышали, можетъ

быть, безо всякихъ вздоховъ. Общественныя бѣдствія разнствуютъ отъ обыкновенныхъ нещастій жизни нашея по единому токмо числу тѣхъ, кои оныя претерпѣваютъ: сіе сходство можетъ и должно увеличить мученія сихъ нещастныхъ гражданъ, но оно не увеличиваетъ зло само по себѣ. Сіи люди, подъ развалинами погибшіе, суть люди мертвые. Ежели смерть не есть большее зло тогда, когда она случается многимъ людямъ вдругъ, нежели когда она похищаетъ ихъ нечувствительно одного за другимъ: то можетъ ли она быть большимъ зломъ тогда, когда она бываетъ сопровождаема нѣкоими чрезвычайными произшествіями? Можетъ ли быть прискорбно умереть посреди общественнаго испроверженія, когда не тягостно умирать посреди общественнаго спокойствія? Сія земля, подъ ногами нашими обрѣтающаяся, представляетъ ли она смерть въ видѣ, болѣе омерзительномъ нежели тѣ печальныя приуготовленія, кои окружаютъ немощнаго, къ смерти уже готовящагося? Сіи богатства, въ землѣ закопанныя, суть потерянныя блага, и мы можемъ безъ оныхъ обойтись: сіи изпроверженные грады суть заведенія уничтоженныя, кои можно опять

возстановить. Но отечество претерпѣваетъ, оно находится въ узахъ, страшный врагъ угрожаетъ оному совершеннымъ разоренїемъ! Служи оному, ежели ты можешь, слезы твои изнуряютъ твою храбрость и не услаждаютъ ни твою, ниже твоихъ сограждан участь. Подлинно ли нещастїя твоего отечества исторгаютъ изъ тебя вздохи? Можетъ быть страшишься ты ихъ для одного себя и для твоихъ друзей? Война тебя ужасаетъ, по тому, что ты боишься потери твоихъ благъ: нѣкоторыя пресѣкшїяся удовольствїя, страхъ быть приведену до бѣднаго состоянїя, подверженный опасности сынъ, супругъ, за государя своего сражающїйся, вотъ, что тебя наипаче безпокоитъ. Ты оплакиваешь побѣды твоего государя, ежели съ оными лишился ты родственниковъ или друзей; сїи тысящи людей, кои погибли оставя вдовицъ и сиротъ, не стоятъ для тебя ни единой слезы; ты бы далъ тысящу другихъ, дабы спасти то, что для тебя мило: по сему ты говоришь о нещастїяхъ, кои ты ни мало не уважаешь. О! коль несправедливо судятъ люди объ общемъ благѣ! Гдѣ та чувствительная приверженность, которую мы должны имѣть

къ общему благу? Гдѣ тѣ старанія, кои мы должны употреблять на споспѣшествованіе оному? Люди обыкновенно относятъ все къ самимъ себѣ; надменность, гордость и скупость суть тѣ тираны, кои заставляютъ ихъ мыслить, и кои опредѣляютъ ихъ привязанность; отечество было бы безъ защиты, ежели бы сіи страсти, чрезъ службу за онаго, не могли быть насыщены; многіе граждане пошли упиваться удовольствіями подлой праздности, поелику они, или не имѣли страстей, кои бы они должны были удовлетворять, или имѣли такія жалобы, кои ни когда не освобождаютъ гражданъ отъ тѣхъ должностей, коими они обязаны отечеству. Какая мнѣ нужда, говорятъ они, случится ли моему отечеству какое нибудь благо, или не случится ему ни какого зла, буду ли я отъ сего щастливѣе? По сему, прилично ли людямъ жаловаться на нещастія мира, или на нещастія ихъ отечества, нещастія, кои, по связи произшествій сего мира, содѣйствуютъ къ истинному благу человѣческаго рода? Сіи великія и печальныя испровերженія, кои гораздо чувствительнѣе для обыкновенныхъ людей, нежели обыкновенныя злощастія

жизни, привлекаютъ ихъ также съ большимъ успѣхомъ къ ихъ должностямъ. Возри на людей въ опасныя времена, и ты узришь, что премудрость Божїя управляетъ сими произшествїями, когда обыкновеннымъ умамъ кажется, что благость Божїя предоставила ихъ совершенно злому ихъ року. Почто, во время бури, надъ главою твоею гремящей, повергаешься ты къ подножїю жертвенниковъ? Не для того ли, что бы тогда призвать Божество? Какое уваженїе можетъ оно имѣть къ тѣмъ молитвамъ и къ тѣмъ обѣтамъ, кои страхъ извлекаетъ, и кои ужасъ внушаетъ? По сему, однѣ токмо нещастїя приводятъ тебѣ на память того, кто создалъ миръ и кто онымъ управляетъ. Ты его посреди благополучїя забываешь, благодѣянїя тебя ослѣпляютъ, малыя нещастїя жизни не имѣютъ иногда на тебя ни какого влїянїя, для тебя потребно общественныхъ бѣдствїй: сїе есть средство противу людской развратности.

Есть родъ такихъ людей, кои безпрестанно жалуются; неудовольствїе ихъ каждую минуту обнаруживается, и нѣтъ ни чего, что бы они не опорочивали. Мы довольно вѣдаемъ ихъ причину, признаемъ

довольно ихъ глупость, и не трудно бы было убѣдить и самихъ ихъ въ оной. Безъ сомнѣнія, прискорбно для нихъ, что они столь мало обрѣтаютъ причины къ веселію и къ удовольствію. Но спроси ихъ, охотно ли бы они оставили жизнь, и ты найдешь что они суть такіе люди, кои презираютъ богатства, и кои продавали бы справедливость, ежели бы сіе для нихъ было возможно. Они любятъ веселіе, но нигдѣ онаго не находятъ, скука преслѣдуетъ ихъ всюда; желая съ жадностію наслаждаться, наслаждаются они безъ удовольствія. Они посреди забавъ безпокоятся о томъ, что заутра будутъ дѣлать: они погибаютъ со скуки, и трепещутъ отъ скуки наступающаго дня: таскаясь въ обществѣ съ симъ печальнымъ и безпокойнымъ видомъ, спѣшатъ они окончить свой день: всюда являются они съ такимъ лицемъ, на коемъ ясность и радость никогда не оказываются: они провождаютъ время свое въ томъ, что о настоящихъ удовольствіяхъ скучаютъ, прошедшія злословятъ, и съ нетерпѣніемъ желаютъ такихъ увеселеній и такихъ благъ, коими они наслаждаться не будутъ. Строгіе нравоучители, мы слышимъ, что они иногда пре-

зираютъ сладость тѣхъ пріятныхъ минутъ, коими другіе съ толикимъ удовольствіемъ наслаждаются. Я видѣлъ, что сіи ни чемъ недовольные всегда безпокойные люди, отравляли самыя невиннѣйшія забавы; они суть человѣконенавидцы, кои иногда самихъ себя ненавидятъ, поелику, занимаясь житейскими нещастіями, видятъ они свои пороки и свои беззаконія: для нихъ потребны глупыя радости и неистовства, дабы прервать ихъ безпокойствіе и разогнать ихъ скуку. Какая сему злу можетъ быть причина? Не ищи оную ни въ чемъ иномъ, какъ въ порокахъ, самолюбіи и праздности. Люди, относя все къ самимъ себѣ, дѣлаютъ изъ своей особы пагубнаго идола, коему бы они желали, чтобы все было пожертвовано: съ лишкомъ хорошее мнѣніе, которое они о самихъ себѣ возъимѣли, заставило ихъ смотрѣть на все то, что имъ случается, такъ, какъ на самую величайшую несправедливость, а на то, что случается другимъ, такъ, какъ на слѣпое щастіе: зависть, сей извергъ и сіе чадо самолюбія, мучитъ ихъ душу; они видятъ въ благополучіи другихъ единыя токмо причины къ мученію, и самыя величайшія ихъ выгоды теряютъ въ очахъ

ихъ всю свою цѣну, поелику желанія ихъ простираются далѣе оныхъ, и поелику требованія ихъ никогда не бываютъ ограничены. Праздность есть другой источникъ сего угрюмаго нрава, которой отравляетъ дни сихъ людей, о коихъ мы говоримъ; упражненіе есть мати удовольствія, оно истребляетъ всякую тяготу, и производитъ то, что мы проводимъ дни наши такъ, какъ будто они сплетены изъ злата и шелку: горе тому, кто принужденъ искать тысящи пустыхъ упражненій, дабы занять свое время и забыть свое бытіе! Онъ находитъ дни свои съ лишкомъ длинными и теченіе лѣтъ своихъ съ лишкомъ быстрымъ; ибо великое пространство времени кажется намъ краткимъ, когда мы не имѣемъ ничего такого, чрезъ что бы мы могли дать отчетъ въ прошедшемъ времени, и малое пространство времени кажется намъ длиннымъ, когда память наша возобновляетъ намъ то нетерпѣніе, съ которымъ мы ожидали, чтобъ оное протекло. Тысящи маловажныхъ жизни неудобствъ избѣгаетъ тотъ, кто умѣетъ заниматься, и удовольствіе бываетъ весьма сладостно послѣ трудовъ, по тому, что оно сопровождается тѣмъ

внутреннимъ чувствїемъ, которое одобряетъ то, что мы дѣлаемъ, и при томъ по тому, что оно не потеряло ничего отъ безпрестанной привычки. Тотъ, кто любитъ людей, кто часто унижается, и кто много занимается, не можетъ ни скучать, ни жаловаться на свое положенїе. Случается благо извѣстнымъ мнѣ людямъ; они избавляются отъ самыхъ сильнѣйшихъ болѣзней, и отъ самыхъ величайшихъ опасностей; живутъ въ благополучїи: какая ето для моей души радость! Имъ потребна моя помощь: какое щастїе для меня, что я могу быть имъ полезенъ! Я не наслаждаюсь тѣми выгодами, кои они имѣютъ; но я чувствую, что я оныхъ не заслуживаю, и что я безъ оныхъ обойтися могу; я ихъ съ лишкомъ люблю, дабы я могъ позавидовать имъ въ тѣхъ благахъ, коихъ щастїе мнѣ не дало; я ихъ съ лишкомъ почитаю, дабы я могъ негодовать на судьбу за то, что она щедрѣе съ ними, нежели со мною поступаетъ; я съ лишкомъ мало уважаю мое достоинство, дабы я могъ жаловаться на мою участь: я препровождаю дни мои въ ученїи, вижу успѣхи и благо, которое я дѣлаю, соединяю съ упражненїями моими веселыя минуты, дарую оныя обще-

ству; невинныя забавы жизни, а иногда и любовь исполняютъ душу мою радости, дни мои протекаютъ въ тишинѣ и въ невинности. Теченїе мое останавливается безъ того, чтобы я испыталъ, что жизнь съ лишкомъ длинна, когда я еще надѣялся жить, или что она теперь съ лишкомъ кратка, когда я вижу себя при концѣ.

То, что я сказалъ, сказалъ я не для того, дабы охулить ту скуку, которую мы иногда въ самыхъ многолюднѣйшихъ обществахъ чувствуемъ: не возможно для умнаго человѣка наслаждаться тѣми употребительными разговорами, кои безпрестанно попадаются: мы смѣемся надъ учеными и надъ полезными бесѣдами: мы вмѣсто педанства прошедшаго вѣка ввели злословїе и пустословїе. Нѣтъ ли какой нибудь средины между сими крайностями? Ежели это злоупотребленїе, *чтобы говорить остроумно и изрѣченїями*, такъ какъ обыкновенно люди довольно смѣшно выражаются: не стократно ли прискорбнѣе видѣть, что молодой человѣкъ безпрестанно посѣщаетъ самой большой свѣтъ, и не можетъ научиться разсуждать? Какое это воспитанїе для молодыхъ людей, которое нынѣ у насъ въ употребленїи!

обыкновенно научаются они тому, что нехудо бы было совсемъ не знать. Какая нужда въ самомъ дѣлѣ танцовать приятно, играть на многихъ инструментахъ, имѣть искуство забавлять общество самыми пустыми рѣчами; когда сїи маловажныя выгоды сопровождаются пороками, и когда неизвѣстно то, что знать необходимо нужно? Мы часто видимъ людей, кои весьма мало увеселяютъ то общество, въ коемъ они живутъ: умъ и благоразсужденїе не обрѣтаются въ оныхъ глупостяхъ неустроеннаго воображенїя, въ оныхъ городскихъ разсказахъ, въ коихъ всегда какой нибудь честный человѣкъ страждетъ, въ оныхъ злобныхъ замѣчанїяхъ людскаго поведенїя. Ежели тебя въ таковыхъ обществахъ скука снѣдаетъ, то я сему радуюсь: но о тебѣ весьма должно сожалѣть, ежели она тебя всюда преслѣдуетъ. Можно онyю избѣжать, и не трудно найти удовольствїе въ бесѣдахъ нѣкоторыхъ людей.

Что скажемъ мы о тѣхъ, кои, дабы тѣмъ болѣе разъярить свое неудовольствїе, не престаютъ говорить противу заблужденїй и пороковъ вѣка? Они увеличиваютъ предмѣты, слабости людскїя кажутся имъ

пороками, а пороки беззаконїями: они приписывают развратности человѣческаго сердца такїя дѣянїя, кои, коль бы порочны онѣ ни были, не могут быть иному чему приписаны, как одним токмо тѣм злощастным минутам, кои страсти раждают. Но не обвиняя и не извиняя людей, вопрошаю я, на что могут сїи люди, человѣческую природу разсматривающїе, жаловаться? Не уже ли на Божество; дерзнут ли они жаловаться на оное за то, что оно даровало бытїе порочным людям, или негодуют они на самих людей? Какая может быть причина их жалобам? Хотят ли они доказать нещастїе людей, и оное дерзновенно отнести к совершеннѣйшему Существу? Я ни как не увѣряю себя, чтоб их слѣпота и их дерзость могла столь далеко простираться; но скорѣе могу себя увѣрить в том, что они обвиняют токмо людей за тѣ пороки и беззаконїя, кои в обществѣ господствуют; но да помыслят они, что люди могут избѣжать сих зол, и что они дѣйствительно бы оных избѣгнули, ежели бы болѣе к истинным своим выгодам были привязаны.

Есть люди порочные, в етом я со-

гласенъ; есть между ими такїе, кои въ состоянїи покуситься на всякїя беззаконїя: ежели ты о семъ сумнѣваешься, то возри на наши законы и наши уложенїя, вѣчные памятники стыда нашего; ты усмотришь тамъ на каждой строкѣ доказательство сказанному мною; ты тамъ найдешь, что должно было утвердить данное слово, поелику не можно было на оное полагаться; ты тамъ обрѣтешь, что люди не столько ко твоей честности, сколько ко твоему рукописанїю относятся (*). Нынѣ у людей въ употребленїи брать предосторожности, то есть, нынѣ въ употребленїи предполагать людей способными къ тѣмъ преступленїямъ, кои законъ осуждаетъ.

Злыхъ людей, правда, должно опасаться, но наипаче опасны они для тѣхъ, кои весьма берегутъ свою именитость, свои блага и свою жизнь. Тѣ часто ошибаются, кои мнятъ узнавать людей по лицу: есть люди, кои имѣютъ наружность человѣколюбїя, между тѣмъ, когда душа ихъ единымъ токмо безчеловѣчїемъ наполнена: но зло,

(*) O turpem humano generi nequitiæ ac fraudis publicæ confessionem, annulis nostris plus quam animis creditur. Seneca de Benef. L. 3. l. 3.

которое злые люди могутъ намъ причинить, есть весьма маловажно: должно объ ономъ сомнѣваться, предупредить оное, ежели возможно, и помышлять о своей должности. Я ни какъ не отрицаю, чтобъ не было такихъ людей, кои кажутся быть рождены ко вреду: есть тысяща дѣлъ въ человѣческой жизни, на кои не возможно предъ судомъ принесть жалобу, и кои должно сносить терпѣливо: есть еще и такія, кои прискорбнѣе сихъ, и на кои даже предъ самыми справедливѣйшими людьми не возможно жаловаться: таковы суть тѣ искусные обманы, кои самая сквернѣйшая злость производитъ, и кои часто бываютъ покрыты покровомъ справедливости и благочестія. Таковы суть удары, искусно мечемъ произведенные, таковы суть тѣ отравы преисполненные разговоры, въ коихъ, хотя и кажется, что откровенность, ревность къ общественному благу, любовь къ истиннѣ и привязанность къ вѣрѣ, другъ друга превосходятъ, однакожъ дѣйствительно нѣтъ ничего инаго, кромѣ злости. Я видѣлъ довольно людей, кои имѣли всѣ выгодныя поступки; имѣли въ пользу свою народной гласъ; но при всемъ томъ, будучи достойны самаго высочай-

шаго презрѣнія, произвели они во мнѣ нѣкоторой родъ отвращенія. Есть также и опасныя услуги; но сіи бѣдствія и неудобства суть наипаче таковы для тѣхъ, кои оныя причиняютъ.

Ежели бы на семъ свѣтѣ имѣлось болѣе добродѣтели, то бы мы были щастливѣе, яето признаю; но будемъ сами стараться быть добродѣтельными: примѣръ есть первѣйшій изъ всѣхъ наставленій, онъ поучаетъ лучше, нежели предписанія, совѣты, выговоры: порокъ принужденъ бываетъ скрыться, коль скоро онъ узритъ свѣтъ добродѣтели, и ежели онъ начнетъ съ трепетомъ при свѣтѣ оказываться, то мы уже много оной одолѣли: человѣкъ, который стыдится своихъ пороковъ, учинилъ первой поступъ къ добродѣтели. Тѣ, кои осуждаютъ людей съ толикою строгостію, имѣютъ свои пороки, и заслуживаютъ иногда большаго осужденія, нежели самыя тѣ, коихъ погрѣшности безпрестанно они увеличиваютъ; они скрываютъ иногда подъ видомъ истинной добродѣтели самыя низкія и самыя подлыя чувствованія; сіи строгіе судіи, кои ничего не прощаютъ, ежели бы были призваны предъ судъ, не имѣли бы

другаго убѣжища, кромѣ слѣпаго снисхожденія: есть добродѣтели на семъ свѣтѣ; почто онѣ не причиняютъ имъ толикой радости, коликое мученіе, кажется, производятъ въ нихъ людскіе пороки? Но ихъ неудовольствіе не столько есть слѣдствіе любви къ добродѣтели, сколько того мерзкаго удовольствія, которое они въ осужденіи другихъ находятъ.

Хотя я и не могу не признать существованіе сихъ золъ, однакожъ мнѣ кажется, что я обрѣтаю въ человѣкѣ источникъ добродѣтели, который превосходитъ его пороки: тѣ люди, кои кажутся самыми виновнѣйшими, имѣютъ всегда добрую свою сторону: ежели не возможно ихъ оправдать, то можно ихъ извинить, а ежели не можно ихъ извинить, то по крайней мѣрѣ можно преступленія ихъ уменьшить. Не нужно къ сему употреблять ложь, обманъ, или тѣ способы, кои болѣе извѣстны въ судахъ, нежели въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ; довольно того, ежели мы будемъ судить людей такъ, какъ бы мы судили друга, коего бы мы желали обрѣсти невиннымъ. Вѣтреность, невѣденіе, страсти, прельщеніе, коему иные были подвержены, нещастія, разсѣянныя мысли,

добрыя намѣренія, а иногда и надежда не причинить ни какого вреда, суть толико причинъ, кои могутъ защитить сихъ людей, коихъ ты желалъ бы осудить, а я желалъ бы оправдать. Ничто толь не омерзительно, какъ та нѣкоторыхъ людей склонность, что бы въ другихъ предполагать злыя побужденія, и изъ поведенія ихъ выводить слѣдствія, вредныя ихъ чести, ихъ нравамъ, или ихъ вѣрѣ. Кто не вѣдаетъ, что люди суть неосторожны? Сколько разъ случается намъ говорить, что намѣреніе наше не было таково? По сему, разсудимъ, что и всѣ люди могутъ тоже самое сказать: коль виновны мы, когда поднявъ горлую нашу главу, судимъ и осуждаемъ другихъ. Не вѣдая почти всегда тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ они находились, долженствовали бы мы, по крайней мѣрѣ не толь скоро, подавать наше мнѣніе; нѣтъ причины, и нѣтъ даже никакихъ видовъ присвоять себѣ право, которое самый послѣдній изъ человѣкъ, то есть, самый виновнѣйшій можетъ у насъ оспорить. Станемъ разсматривать дѣла иначе, нежели какъ обыкновенно люди разсматриваютъ; будемъ остерегаться толь скоро обвинять тѣхъ,

кои, кажется намъ, поступаютъ противу правилъ, за истинныя нами чтимыхъ: злое дѣло не доказываетъ еще злое сердце, такъ какъ и доброе дѣло не доказываетъ еще доброе сердце: мы совершаемъ приговоръ надъ тѣми людьми, коихъ народной гласъ обвинилъ, не воспоминая того, что ни что толь не обманчиво, какъ виды и судъ народа: тотъ, кто ни когда не похищалъ имѣнія другихъ, но дѣлалъ стократно худшія дѣла, остается въ спокойствіи, между тѣмъ, какъ ведется къ наказанію человѣкъ, обвиненный, правда, въ преступленіи, но можетъ быть способный къ самымъ изящнѣйшимъ дѣламъ. Мало, можетъ быть, умерло на лобномъ мѣстѣ людей, кои бы не имѣли болѣе достоинствъ и болѣе добродѣтелей, нежели многіе изъ тѣхъ, кои во все теченіе ихъ жизни не имѣли нужды страшиться ни народнаго гласа, ни верьховныхъ начальниковъ. Сей разбойникъ, который погибаетъ отъ самыхъ ужасныхъ наказаній, учинилъ ли онъ болѣе зла, нежели та толпа развратныхъ людей, кои лишаютъ отечество свое великаго числа гражданъ, нежели та толпа злословниковъ и клеветниковъ, коими общества бываютъ заражены,

нежели та толпа людей, кои поднимаютъ святотатныя руки на жертвенники, нежели тѣ самые люди, кои напояютъ себя кровїю невинныхъ жертвъ, и кои позволяютъ себѣ толико скрытныхъ ужасныхъ дѣлъ?

Люди, разсматриваемые съ нѣкоторой стороны, могутъ иногда казаться несравненно злѣе, нежели каковы они дѣйствительно суть. Ежели мы захотимъ о нихъ судить по нѣкоторымъ токмо дѣламъ, по нѣкоторымъ токмо желанїямъ, по нѣкоторымъ токмо разговорамъ; то мы найдемъ ихъ виновными въ самыхъ ужаснѣйшихъ злодѣянїяхъ. Дабы о семъ увѣриться, станемъ примѣчать людей, кои съ нами живутъ въ обществѣ; но станемъ примѣчать ихъ тогда, когда они бываютъ одушевлены главною своею страстїю, и когда страсть сїя заставляетъ ихъ дѣйствовать: содѣлавшись рабами сего рода безумїя, густой покровъ покрываетъ ихъ очи, разсудокъ или ни чего болѣе не говоритъ, или не бываетъ болѣе слушаемъ; чувствїя чести, честности, вѣры, будучи на нѣкоторое время отдалены, оставляютъ человѣку единое токмо чувствованїе своея страсти: здѣсь не мѣсто изъяснять, како сїи перемѣны въ душѣ на-

шей произходятъ. Сїе отвлекло бы меня отъ той цѣли, которую я избралъ; довольно будетъ, ежели оныя покажемъ и изъяснимъ, какимъ образомъ можно безконечно увеличивать людскїе пороки Я видѣлъ многихъ людей, кои были исполнены чувствїй, самыхъ достойнѣйшихъ души разсудительной, кои соединяли съ истиннымъ благочестїемъ многїя общественныя добродѣтели, были друзья другихъ, служили имъ съ удовольствїемъ; но переставали быть добрыми людьми, коль скоро самолюбїе ихъ было тронуто, или щастїе ихъ казалось требовать нѣкоторыхъ жертвъ. Человѣкъ, которой ни мало не есть злословникъ, сдѣлается клеветникомъ на того, кто уязвитъ его тщеславїе; мы видимъ сїе всякой день. Ежели мы не захотимъ судить о людяхъ иначе, какъ по симъ весьма рѣдкимъ случаямъ; то мы найдемъ, что не многїе изъ нихъ не заслуживаютъ самаго высочайшаго презрѣнїя. Ревнивость, гордость, скупость, зависть, источники толико злыхъ дѣлъ, добродѣтели наши помрачающихъ, суть такїе пороки, кои, подобно растворенному съ ядомъ питїю, помрачаютъ отъ времени до времени нашъ разсудокъ, и приводятъ насъ

до того, что мы кажемся быть весьма злыми. Мы позволяемъ себѣ тогда такїя желанїя и такїя дѣянїя, коихъ бы мы сами ужасались, ежели бы были равнодушны. Сїи страсти напояютъ душу; чего ради будемъ остерегаться возбуждать оныя въ другихъ, и не станемъ судить о людяхъ тогда, когда они въ дѣлахъ сколь невольны; по крайней мѣрѣ не намъ приличествуетъ сїе дѣлать. Человѣкъ, коего сильная страсть подвигаетъ, подобится тому, коего умъ помѣшался: поведутъ ли предъ судъ сумашедшаго, которой болѣе не вѣдаетъ, что онъ творитъ? Люди имѣютъ въ жизни своей довольно минутъ неистовства и ослѣпленїя.

Можемъ ли мы жаловаться на ненаказанїе пороковъ? Я признаюсь, что мученїя и наказанїя могутъ содѣйствовать къ содѣланїю людей добродѣтельными: безъ сомнѣнїя должно желать, чтобъ снисхожденїе и послабленїе ни когда подпорою страстямъ не служили; но когда случается, что злой человѣкъ избѣгаетъ наказанїя, которое онъ столь заслужилъ, какое зло можетъ отъ сего для насъ произойти? Въ прочемъ, ежели онъ спасся отъ гоненїя, то не избѣгнулъ еще угрызенїй: опасность, коль бы отдален-

на она ни была, кажется для злодѣя весьма близкою: во природѣ устроено тако, (*) что она сама собою уничтожаетъ то ненаказанїе, которое насъ возмущаетъ. Чудные пути провидѣнїя! Оно умѣло соединить со всѣми дѣлами нѣкоторой тайной судъ, коего избѣгнуть для насъ весьма трудно.

Но безъ сумнѣния, скажутъ мнѣ, что изъ того, что я сказалъ, слѣдуетъ, что есть нещастные люди, хотя бы одни токмо порочные были нещастливы. Я сего ни когда не отрицалъ: присоединю токмо то, что то, что составляетъ нещастїе тѣхъ, кои предаются беззаконїямъ и порокамъ, не есть слѣдствїе, кои сїи беззаконїя и пороки во все теченїе жизни естественнымъ образомъ по себѣ оставляютъ: на противу того, сїи слѣдствїя, кои кажутся быть прискорбными, и кои въ самомъ дѣлѣ не суть таковы, служатъ средствами противу тѣхъ нещастїй, коимъ люди добровольно себя подвергнули. Посрамленїе, одно изъ тѣхъ пугалищъ, кои общества выдумали для своей безопасности, сїи наружные знаки общаго негодованїя, сїи клейма суть толикїе спо-

(*) Tuta ſcelera esse poſſunt, ſecura non poſſunt. Seneca Ep. 97.

собы, могущїе уничтожить зло, которое бы безполезно было одолѣвать обыкновенными орудїями. Преступникъ, будучи весьма щастливъ тѣмъ, что служитъ примѣромъ своимъ согражданамъ, и что обрѣлъ самыя сильнѣйшїя средства вытти изъ своего заблужденїя, долженъ строгость законовъ почитать для себя за самое величайшее щастїе: она полагаетъ конецъ его беззаконїямъ, которыя бы продолжились гораздо долѣе, она приводитъ его въ такое положенїе, которое весьма удобно можетъ возобновить въ немъ оныя чувствїя добродѣтели, кои ни когда совершенно не угасаютъ. Тѣ, кои видятъ въ семѣйствѣ своемъ какое нибудь безславїе, должны быть граждане: нѣтъ болѣе связи, когда касается до общаго блага, и до выгодъ добродѣтели: я о нихъ сожалѣю, но противу печали своей имѣютъ они средства; и то, что имъ случается, не есть что нибудь такое, въ чемъ бы они не могли себя утѣшить, ниже есть великое зло, ниже зло такое, которое ихъ лишаетъ благъ, коими они наслаждаются. Будучи чувствительны къ истиннымъ выгодамъ тѣхъ, кои имъ любезны, должны они съ радостїю взирать на то, что рука

правосудїя ополчилась противу людей, для коихъ бы снисхожденїе было самый пагубнѣйшїй даръ. Да благоволитъ Богъ, чтобъ тѣ пороки, тѣ дѣла и тѣ склонности, кои до наказанїя не доводятъ, но кои столь же осудительны, какъ и самыя мерзкїя преступленїя, страшились толь же строгихъ наказанїй. Вмѣсто того, что бы сожалѣть о тѣхъ, кои ввергнули себя въ нещастїя своею развратностїю, должно бы было, ежели бы мы подлинно любили людей, желать, чтобъ пороки такъ, какъ беззаконїя, были сопровождаемы наказанїями. Человѣкъ, который спитъ спокойно, и которой не видитъ для себя никакого поруганїя, великаго достоинъ сожалѣнїя, ежели онъ не добродѣтеленъ: но мало порочныхъ людей, а можетъ быть и со всѣмъ нѣтъ, кои бы могли ласкать себя симъ опаснымъ спокойствїемъ, или лучше сказать, кои бы были столь нещастливы, чтобъ оное получили. Рано или поздо возстаетъ въ душѣ ихъ нѣкое тайное мученїе, кое гораздо прискорбнѣе, и при томъ гораздо дѣйствительнѣе, нежели самыя жесточайшїя наказанїя: оно поднимаетъ завѣсу, прерываетъ прелесть, и подаетъ человѣку спасите-

льную помощь: такимъ образомъ наказанія полезны для тѣхъ, кои оныя претерпѣваютъ, токмо по тому, что возбуждаютъ въ нихъ угрызенія; и судіи, кои велятъ погубить преступниковъ прежде, нежели сіи угрызенія, такъ сказать, очистили ихъ душу, остаются въ отвѣтѣ за то, что они отняли у сихъ злощастныхъ способы, кои провидѣніе для нихъ опредѣлило. Не угрызенія составляютъ нещастіе тѣхъ, кои оныя чувствуютъ, но беззаконія и пороки, коимъ оные люди были преданы, содѣлали ихъ нещастными: сіи движенія возмущенной совѣсти суть самыя величайшія блага и самой твердой доводъ тому, что есть Богъ, и что сей Богъ есть благъ.

По сему, самихъ людей должно обвинять за тѣ нещастія, кои имъ случаются: ежели бы они сами не старались возмутить свое спокойствіе; то бы они съ трудомъ нашли единую минуту неудовольствія: но къ нещастію нѣтъ ни чего, чего бы они не творили къ содѣланію участи своей плачевною. Почто, трудолюбивые строители своихъ золъ, укрываете вы отъ очей вашихъ ваши слабости и ваши пороки? почто не внемлете вы тому ученію премудрости, ко-

торое намъ совѣтуетъ стараться познать съ точностію то, что въ насъ худаго находится? Горе тому, кто не можетъ часто входить въ самаго себя; но тотъ еще нещастливѣе, кто сего дѣлать не смѣетъ! Люди, будучи ослѣплены въ разсужденіи самихъ себя, изкапываютъ для себя пропасти, а по томъ жалуются, когда въ оныя падутъ: они отъ самихъ себя утаеваютъ свои слабости и свои пороки; они были бы, можетъ быть, добродѣтельны, ежели бы не льстили себя тѣмъ, что они дѣйствительно суть таковы: они сами себя губятъ столькже, ежели еще не болѣе, чрезъ то доброе мнѣніе, которое они о самихъ себѣ возъимѣли, сколь чрезъ похвалы и ласкательства тѣхъ, съ коими они живутъ. Коль немногіе люди смѣютъ сказать себѣ истинну! Коль мало такихъ, кои, приемля отъ многолюдной толпы ласкательства, сами себѣ не гораздо болѣе ласкательствуютъ! Они простираютъ руки убійцѣ, поддерживаютъ руку, смертной ударъ имъ причиняющую. Ежели бы они, строгіе судіи своихъ нравовъ, своего поведенія, своего свойства, сами предъ собою признавали свои слабости и свои пороки; то бы толь долгое время не укоснѣвали отъ

оныхъ исправиться.

Все, что я сказалъ, доказываетъ, ежели я не ошибаюсь, что люди безразсудно дѣлаютъ, когда жалуются на нещастія жизни: я еще докажу, что блага, коими они наслаждаются, заслуживаютъ ихъ благодаренія, и что тѣ, коихъ они желаютъ, суть такія выгоды, безъ коихъ они могутъ обойтися, и кои провидѣніе часто не даруетъ имъ для того, что оно ихъ съ лишкомъ любитъ. Человѣкъ есть благополученъ.

Когда мы хоть мало подумаемъ о самихъ себѣ, тогда возчувствуемъ мы цѣну нашего существованія: сіе столь драгоцѣнное благо не можетъ, ниже отъ самыхъ жесточайшихъ болѣзней, ниже отъ самыхъ величайшихъ печалей, потерять сколько ни будь своея цѣны. Мы не помышляемъ довольно о томъ, что такое есть существованіе, и человѣкъ, привыкшій наслаждаться жизнію; скоро забываетъ, что онъ существуетъ. Я не знаю, но я чувствую, помышляя о ничтожествѣ, нѣкоторой родъ содроганія: ежели всѣ въ томъ согласны, что престать существовать и быть уничтожену, есть изъ всѣхъ золъ, коихъ бы мы могли страшиться, самое страшное зло; то коликое благо есть жизнь!

Мы видимъ, что люди во всѣ вѣки утѣшали есбя въ самыхъ величайшихъ нещастïяхъ, и въ виду самыя смерти, лестною идеею безсмертïя: существованïе есть то первое благо, коего бы мы, ежели бы было возможно, возжелали прежде нашего рожденïя. Разсудительный человѣкъ не требуетъ того, чтобъ щастïе его было дѣйствïе какого нибудь чуда; онъ желаетъ токмо того, чтобъ онъ могъ преодолѣть препятствïя, и чтобъ онъ былъ въ состоянïи заслужить что нибудь чрезъ свои усилïя: разсудительная душа потребовала ли бы чего нибудь инаго, какъ не бытïя, ежели бы она прежде пришествïя своего на сей свѣтъ, могла желать? Коль скоро люди достигли до высокихъ степеней, то они начинаютъ оныя презирать, стараются другихъ увѣрить, что сïи почести для нихъ тягостны, и что умѣренность весьма имъ нравится: коль бы они устыдились, ежели бы имъ предложены были способы получить тѣ блага, кои они хвалятъ, и лишиться тѣхъ, кои они презираютъ! Вмѣсто того, чтобъ оныя искать а сïи съ удовольствïемъ оставить, умѣренность показалась бы для нихъ весьма огорчительною, мы увидѣли бы, что они

покусились бы на беззаконія, дабы сохранить свои почести, кои они притворно презирали: сіеже самое можно сказать и о жизни; тотъ, кто наипаче жалуется, далъ бы все за соблюденіе оныя: по сему, жизнь есть благо, и мы сіе вѣдаемъ, хотя сего и не признаемъ. Съ коликимъ тщаніемъ заставляетъ насъ самое малѣйшее зло спрашивать совѣта у нашихъ Ескулаповъ? Коликія старанія, коль скоро удовольствіе насъ неослѣпляетъ, употребляемъ мы къ тому, дабы защитить себя отъ скорой смерти? Нѣсколько времени, нѣсколько дней болѣе, кажутся для насъ благомъ, а жизнь можетъ быть зло! Послушай вздохи сего умирающаго; чего бы онъ не далъ, дабы опять возстать? Миръ, въ коемъ бы онъ былъ несравненно менѣе щастливъ, нежели сколь онъ былъ, или лучше сказать, нежели сколь онъ мнилъ быть въ семъ мирѣ, которой онъ оставляетъ, показался бы ему предметомъ желанія

Но люди говорятъ, что жизнь есть толь кратка, что она не можетъ быть благомъ, и что сіе краткое пространство времени, кажется, дано для того, дабы причинить имъ мученіе смерти. Странное раз-

сужденіе! можно ли жаловаться на краткость жизни, и отрицать, что жизнь есть благо! Въ прочемъ, въ чемъ состоитъ сія мнимая краткость, вѣчной предметъ безразсудныхъ жалобъ? Коль скоро станемъ мы разсматривать вещи съ надлежащей стороны, то жизнь не покажется намъ ни длинною, ни краткою. Денное существованіе оныхъ маленькихъ животныхъ имѣетъ свою краткость и свое время такъ, какъ и существованіе человѣка: животное, коего существованіе продолжается токмо то время, которое протекаетъ между восхожденіемъ и захожденіемъ солнца, живетъ долго, ежели умираетъ при концѣ сумерковъ; оно живетъ мало, ежели умираетъ тогда, когда сумерки начинаютъ токмо появляться. Насѣкоемое, коего рожденіе и смерть столь близко одно подлѣ другаго находятся, выиграетъ ли оно что нибудь чрезъ то, что проживетъ нѣсколько долѣе? Похвалилъ ли бы ты его желанія, или лучше сказать, его роптанія, ежели бы оно могло жаловаться на краткость своего бытія? Однакожъ всѣ наши желанія стремятся къ тому, дабы продолжить наши дни: долгую жизнь желаемъ мы всѣмъ нашимъ друзьямъ, и самимъ

себѣ: продолжи дни твои столько, сколько тебѣ угодно; ежели безсмертїе тебѣ неопредѣлено, то ты при всемъ томъ ни чего не выиграешь: время къ отшествїю приидетъ, и коль скоро оное пришло, то и самая долгая жизнь ни что иное быть кажется, какъ сонъ; коль бы кратка она ни была, то довольно оной для того, кто желаетъ точно знать, почто онъ на семъ свѣтѣ находится. Когда мы подумаемъ о тягостяхъ, о болѣзняхъ, о времени въ безделїи проведенномъ, о времени во снѣ потерянномъ, о состоянїи младенчества; тогда возчувствуемъ мы, что и самый дряхлѣйшїй старикъ жилъ мало, но что довольно долго на сей землѣ пожилъ токмо тотъ, кто отъ здѣшняго своего пребыванїя получилъ весь тотъ плодъ, которой отъ онаго получить можно. Вообрази себя въ такомъ состоянїи, въ коемъ нѣчего тебѣ опасаться, и ты узришь, что человѣкъ можетъ жить, не желая и не опасаясь смерти. Жизнь есть странствованїе: такъ какъ мы, сидя въ суднѣ, видимъ, что древа и берега далеко отъ насъ отбѣгаютъ, такъ то и во время быстраго теченїя нашихъ дней видимъ мы, что послѣ младенчества нашего прехо-

дитъ наша младость и зрѣлый возрастъ, до коего мы достигли. Люди, желая жить долѣе, не знаютъ, чего они желаютъ: когда кто слѣпъ, тогда почитаетъ онъ себя щастливымъ, ежели имѣетъ вождя; но будущее сокрыто отъ очей нашихъ; по сему и предоставимъ провидѣнію попеченіе вести насъ къ оному.

Не сіе то одно желаніе произошло отъ заблужденія; колико другихъ желаній раждается въ людяхъ каждый день единственно отъ того, что они не хотятъ познать то, что подлинно ихъ къ благополучію содѣйствуетъ! Мы или незнаемъ людей, или не любимъ ихъ, когда желаемъ имъ всего, чего они себѣ желаютъ: ежели бы всѣ ихъ желанія были исполнены, то сіе послужило бы имъ въ наказаніе. Возримъ на различные предметы человѣческихъ желаній, не нужно будетъ много усилій, дабы убѣдить всякаго разсудительнаго человѣка о истиннѣ того, что я утверждаю.

Обрѣтаются люди, кои желаютъ себѣ силы и проворства нѣкоторыхъ звѣрей: у иныхъ легкость, у другихъ силу, у иныхъ долговременность, а у другихъ зрѣніе почитаютъ они достойными зависти. Они желали бы такъ, какъ всѣ звѣри, находить для

себя пищу совсемъ готовую: ихъ нерадѣнiе, и сiя вкоренившаяся любовь къ праздности заставляютъ ихъ желать той безпечности, въ которой живутъ звѣри, не имѣя тѣхъ нуждъ, коими мы можемъ величаться. Они усильно стараются потерять тѣ преимущества, кои ихъ толико превозносятъ предъ скотами, и коимъ они обязаны за то господство, которое они надъ ними изъявляютъ. Сожалѣнiя достойные умствователи! обнаруживайте предъ свѣтомъ странныя ваши заблужденiя, предпочитайте звѣрскую жизнь тѣмъ лучамъ свѣта, коими душа ваша озарена; вашъ человѣконенавидливой умъ научаетъ людей, что Философiя подвержена тойже самой участи, какой и всѣ житейскiя блага, и что она есть мечь въ рукахъ безумнаго.

Ето еще не все; вещи человѣческой природѣ самыя противоположнѣйшiя суть иногда предметы людскихъ желанiй: безконечная жизнь, знанiе будущаго, и что уже на сердце человѣку не всходитъ? Еще бы сiе не столь пагубно было, ежели бы разсудокъ подавлялъ сiи ослѣпленiемъ производимыя желанiя при самомъ ихъ рожденiи; но сiи желанiя, находясь всегда предъ ихъ

умомъ, занимаютъ ихъ во все теченіе ихъ жизни, бываютъ прерываемы одними токмо веселіями, и коль скоро не могутъ онѣ быть удовлетворены, то изторгаютъ роптаніе. Слыша людскія рѣчи, сказалъ бы иной, что сей миръ есть твореніе власти, въ дяяніяхъ своихъ весьма не щедрой; всего не достаетъ тому, кто предается своимъ страстямъ, своимъ предразсужденіямъ, своимъ заблужденіямъ; и всего довольно для того, кто слѣдуетъ свѣту разсудка, гласу природы и ученію мудрости.

Между тѣмъ, какъ гордость наша въ очахъ нашихъ унижаетъ равныхъ намъ, то низкость чувствованій нашихъ заставляетъ насъ полагать родъ человѣческой наравнѣ съ самыми несовершеннѣйшими твореніями: тотъ самой умъ, который побуждаетъ насъ къ уваженію маловажныхъ выгодъ, которыя мы другъ предъ другомъ имѣемъ, унижаетъ тѣ, кои всѣмъ намъ общи. Зрѣть, ето ничто, но зрѣть далѣе другихъ, ето истинная выгода: то, что весь свѣтъ одинаково съ нами имѣетъ, есть такое благо, кое мы ни мало не уважаемъ: странное ослѣпленіе! что бы изъ того воспослѣдовало, ежели бы мы имѣли гораздо совершеннѣйшія чувства? Я очень

знаю, что ежели бы зрѣніе наше досязало далѣе, то бы мы лучше различали предметы: что ежели бы слухъ нашъ былъ гораздо нѣжнѣе, то бы мы, будучи извѣщены о приближающейся опасности, избѣгнули иногда нечаянности. Но напротиву сего коликія неудобства бываютъ соединены съ нѣжнѣйшими чувствами? Люди, коихъ чувства суть весьма грубы, имѣютъ весьма крѣпкое здоровье: коль бы жалостны мы были, ежели бы различая самые малѣйшіе предметы, находили мы во всей природѣ одни токмо такія тѣла, коихъ поверьхность намъ бы нимало не нравилась; ежели бы различая самые слабые звуки, уши наши были поражаемы глухимъ шумомъ, которой бы намъ препятствовалъ разсуждать! Ежели бы люди, будучи одарены большею нѣжностію чувствъ, находились въ такомъ мирѣ, въ коемъ бы все соразмѣрно было съ ихъ чувствами, то все бы равно было: человѣкъ, имѣющій весьма нѣжной слухъ, не имѣетъ никакой выгоды предъ тѣмъ, которой имѣя грубой слухъ, находится смотря по сему гораздо ближе подлѣ того мѣста, откуда дѣйствіе на слухъ его произходитъ. Тотъ, кто бы возжелалъ совершеннѣй-

шихъ чувствъ, безъ всякой въ обыкновенномъ теченіи естества перемѣны, возжелалъ бы такихъ нещастій, которыхъ бы онъ не могъ перенесть: и тотъ, кто возжелалъ бы другой миръ для того, дабы имѣть совершеннѣйшія чувства, не подумалъ бы о томъ, что какъ все есть относительно, то когда обстоятельства смотря по сему перемѣнятся, тогда онъ ни чего не выиграетъ.

Не станемъ воображать себѣ, что мы суть весьма несовершенныя творенія: я бы спросилъ тѣхъ, кои видятъ во всемъ томъ, что принадлежитъ до человѣка, одни токмо слабости и несовершенства, что они разумѣютъ подъ несовершенствомъ? Они мнѣ, безъ сомнѣнія, скажутъ, что предѣлы, предписанные способностямъ и силѣ тварей человѣческихъ, дѣлаютъ оныя несовершенными, не помышляя о томъ, что здѣсь разсуждается токмо объ однихъ отношеніяхъ. Зрѣніе имѣетъ совершенство въ отношеніи токмо къ предмѣтамъ, кои должны быть зримы: по сему совершенство онаго состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть извѣстные предѣлы, а не въ томъ, чтобъ не имѣть никакихъ предѣловъ. Въ фисическомъ все совершенно, въ нравственномъ не все; но сіе зависитъ

отъ людей, и должно отъ нихъ зависѣть; ибо нѣтъ ни единаго нравственнаго совершенства, которое бы не основывалось на свободной волѣ человѣка. Вмѣсто того, чтобы жаловаться на то, что мы имѣемъ толь бренное тѣло, посмотримъ, не осквернена ли душа наша пороками, и не напоенъ ли умъ нашъ заблужденiями и предразсужденiями: будучи въ состоянiи свободиться отъ оныхъ и замѣнить сiи, станемъ препровождать дни и ночи наши въ воздержанiи страстей и въ просвѣщенiи разума. Что бы мы сказали о такомъ Государѣ, который бы вмѣсто того, чтобы укрощать народныя волненiя, приводить торговлю и науки въ цвѣтущее состоянiе, старался токмо о украшенiи городовъ, и занимался строенiемъ чертоговъ, дабы влачить съ мѣста на мѣсто свою праздность и свою слабость?

Но, говорятъ сiи же самые люди, ежели бы по крайней мѣрѣ здравiе наше, будучи всегда твердо, тѣло наше, будучи всегда здорово и крѣпко, позволяло душѣ нашей свободно дѣйствовать даже до послѣдней минуты жизни; ежели бы по крайней мѣрѣ наши чувства не ослабѣвали мало по

малу; ежели бы сокровища, умомъ во время жизни приобрѣтенныя, не дѣлались безполезными: то бы мы взирали на смерть и на краткость жизни безъ ужаса и безъ негодованія; весьма прискорбно оставить жизнь, лишившись приобрѣтенныхъ въ теченіе оныя выгодъ. Какой глаголъ, Боже праведный! Изслѣдуемъ однакожъ оной обстоятельнѣе. Тѣло ослабѣваетъ, чувства теряютъ свою дѣятельность, память начинаетъ умаляться; присовокупляютъ еще то, что плодъ бдѣній и приобрѣтенныя съ толикимъ трудомъ знанія дѣлаются безполезными; на конецъ человѣкъ умираетъ безо всего того, что онъ имѣлъ драгоцѣннаго. Тюренъ, ежели бы онъ достигъ старости, умеръ бы не будучи болѣе въ состояніи побѣждать: и Невтонъ, ежели бы онъ еще двадесять лѣтъ прожилъ, не вѣдалъ бы можетъ быть тѣхъ истиннъ, кои онъ открылъ; какой видъ для человѣка! для меня довольно бы было отвѣтствовать на сіе то, что лучше быть Тюреномъ, Невтономъ, и умереть преставъ быть таковымъ, нежели ни когда не существовать; поелику благо не можетъ престать быть благомъ по той единой причинѣ, что продолженіе онаго заключает-

ся вѣ извѣстномѣ нѣкоемѣ времени. Но я могу сказать еще болѣе. Кто намѣ доказалѣ, что недѣйствительность способностей человѣческихѣ предполагаетѣ недѣйствительность способностей души? Кто намѣ сказалѣ, что слабость ума животныхѣ предполагаетѣ слабость души, что потеря памяти, или еще и бреды старика доказываютѣ слабость его души? Сїя душа, заключающаяся вѣ слабомѣ тѣлѣ, имѣетѣ всю свою силу, но ей недостаетѣ способовѣ изъявить оную посредствомѣ наружныхѣ дѣянїй; время отойти, орудїе, которое долгое время служило, отѣ употребленїя испортилось, должно оное оставить: старикѣ есть такой человѣкѣ, который начинаетѣ прерывать сообщенїе, которое онѣ имѣлѣ сѣ другими людьми; онѣ ихѣ токмо до половины разумѣетѣ, скоро не будетѣ онѣ ихѣ и совсемѣ разумѣть. Сїя рука, коя храбро сражалась, учинилась слабою; она должна была содѣлаться таковою: махина, предохраненная отѣ вредоноснаго дѣйствїя времени, есть дѣло невозможное: ежели бы тѣло наше могло соблюсти всю свою силу даже до послѣдней минуты жизни; то бы безразсудно было сего желать, поелику сїе умножило бы

токмо наши мученія во время смерти, и претворила бы въ смерти болѣзненныя и насильственныя тѣ приятныя и спокойныя кончины, когда свѣтильникъ жизни нечувствительно мало по малу угасаетъ: сіе бы возмутило ту ясность души, тѣ размышленія, коими человѣкъ, скончевая теченіе свое, занимается. Ежели все съ тѣломъ погибаетъ, ежели другой порядокъ вещей, другой миръ послѣ сего не бываетъ; то коль щасливы мы, что не чувствуемъ при смерти всего того, чего мы лишаемся! Но ежели другой миръ по семъ существуетъ; то не возможно, чтобы душа преселилась въ оной безо всѣхъ своихъ выгодъ: ежели духъ, которой въ насъ живетъ, существуетъ по смерти; то возможно ли, чтобъ онъ имѣя силу существовать безъ тѣла, которое онъ оживотворялъ, потерялъ отъ ослабленія чувствъ тѣ драгоцѣнныя блага, кои онъ приобрѣлъ? Возможно ли, чтобъ по приобрѣтеніи просвѣщенія погруженъ онъ былъ опять во мракъ? возможно ли, чтобы сія степень разсудка, которую мы приобрѣли чрезъ ученіе, и сіи добродѣтельныя склонности, кои вѣра въ насъ вдохнула, были уничтожены, когда недостаетъ намъ токмо

способа къ сообщенію съ живущими? Нѣтъ, мы лишаемся съ жизнію токмо того, что соблюсти не имѣемъ мы великой нужды: непремѣнные законы естества не могутъ быть законы варварскіе: по сему, почто намъ жаловаться, почто желать того, чего природа и Творецъ оныя, то есть, чего верьховная благость намъ не дала? "

Ежели бы было вопрошено: почто мы подвержены сну, необходимости возобновлять безпрестанно свои силы, и укрываться? почто имѣемъ мы иногда нужды и желанія, кои удовлетворить для насъ толь трудно? ежели бы, говорю я, было вопрошено: почто вещи суть таковы, каковыми мы ихъ видимъ, когда бы онѣ могли быть гораздо сообразнѣе съ нашими желаніями? то бы мы должны были показать довольно причинъ, коихъ намъ и не недостаетъ: мы бы легко могли заградить уста тѣмъ людямъ, кои позволяютъ себѣ толь дерзновенные вопросы и толь отважныя разсужденія. Ежели слабость нашего взора воспящаетъ намъ познать всю красоту сего мира, то того, что мы видимъ, и что мы объ ономъ вѣдаемъ, довольно для насъ, дабы увѣриться, что все есть благо: видимое смѣшеніе

кажется для глазъ, кои гораздо чище видятъ, удивительнымъ порядкомъ. Мы видимъ каждой день, что великïе политики ведутъ себя такъ, что мы поведенïя ихъ понять не можемъ. Иной сказалъ бы, что они поступаютъ противу обыкновеннаго разсудка: но они, будучи мудрѣе, нежели подчиненные ихъ судïи, ведутъ препорученной имъ корабль, средь бурь и сильныхъ вѣтровъ, къ тихому пристанищу. Но сей миръ есть творенïе самаго Бога.

Не столь осудительно то желанïе, кое оживотворяетъ оные любопытные умы, оныхъ совершенно наукамъ и художествамъ преданныхъ людей: они желали бы вѣдать все: коликïе предѣлы ни были бы просвѣщенïю ихъ предписаны, то они были бы съ лишкомъ тѣсны, ежели бы они далѣе оныхъ постигли; они были бы мудрѣе, ежели бы пользуясь всѣмъ тѣмъ, что они могутъ получить, опредѣляли къ истинному употребленïю приобрѣтенныя ими знанïя. Безъ сомнѣнïя, выгоднѣе было бы познать болѣе, то есть, увеличить пространство и основательность нашихъ знанïй; но сïя выгода должна быть до нѣкоторой степени ограничена, поелику естество вещей сего тре-

буетъ. Въ прочемъ тотъ, кто желаетъ просвѣтить себя, обрѣтаетъ всегда къ сему средство; нѣтъ ни единой науки, въ коей бы люди все то сдѣлали, что они сдѣлать могутъ. Мы видимъ каждой день, что какъ философы, такъ и художники въ изысканіяхъ своихъ поступаютъ далѣе, нежели до чего достигли ихъ предшественники, а до предѣла, усиліямъ ихъ предписаннаго, ни кто изъ нихъ еще не достигъ. Тѣ, кои унижаютъ цѣну человѣческихъ знаній ради того, что онѣ ограничены, кои раждаютъ въ себѣ пустыя и слѣпыя желанія, вмѣсто того, чтобы жаловаться на слабость и на неизвѣстность нашего просвѣщенія, долженствовали бы укорять себя въ томъ, что толь мало уважаютъ сокровища ума, что они судятъ по однимъ токмо видамъ, что толь слабо одолѣваютъ предразсужденія своего времени, толь мало стараются просвѣтить себя: не вѣдаютъ они того, что бы они могли вѣдать, ежели бы они, будучи всегда заняты желаніемъ усовершенствовать свои нравы и свои дарованія, препровождали дни и ночи въ познаніи истинны и премудрости! Человѣкъ мудрой признаетъ предѣлы, кои ему предписаны, и не жалуется на

то, что не можетъ оныя прервать; что скажемъ мы о тѣхъ, кои не вѣдая оныхъ, ропщутъ, зная токмо то, что таковые предѣлы находятся? Безумцы! вы производите желанія, и вы пребываете въ праздности! вы подобитесь земледѣльцу, которой, не прикасаясь до сохи, проситъ у Бога обильной жатвы.

Я слышу каждой день, что люди презираютъ удовольствія жизни: на каѳедрахъ слышимы бываютъ таковыя же правила, бесѣды исполнены обыкновенно такими же разговорами; но они токмо увеличиваютъ то отвращеніе, которое таковыя удовольствія по себѣ оставляютъ, ту трудность, которую они находятъ въ сисканіи истинныхъ удовольствій, и краткость оныхъ: однакожъ они ищутъ сихъ благъ, и уважаютъ своими желаніями то, что они презираютъ словами: ихъ поведеніе и ихъ разговоры, ихъ желанія и ихъ правила, будучи безпрестанно въ противоположности, отъемлютъ всякое сомнѣніе о истинномъ образѣ ихъ мыслей; они суть такіе люди, кои, будучи утомлены удовольствіями, добровольно оныя охуждаютъ, доколѣ не соберутъ опять силъ къ возбужденію угасшихъ желаній. Ежели дѣйствитель-

но справедливо, что ни какое удовольствїе жизни не льститъ ихъ ниже довольно сильно, ниже довольно долго; то сїе произходитъ отъ того, что они свои выгоды худо понимаютъ. Удовольствїе должно щадить, а не во зло употреблять: чувства наши скоро бываютъ потуплены; привычка есть самый сильнѣйшїй врагъ удовольствїя; не должно ни когда наслаждаться онымъ до того, чтобы престать на конецъ оное желать; когда удовольствїе достигло до послѣдней своей степени, тогда оно близко подлѣ тяготы находится; сїи крайности другъ друга касаются; отъ самой вышшей степени удовольствїя до самой низкой степени тягости остается одинъ токмо шагъ, а для человѣка предѣлы сїи сливаются. Ты жалуешься на краткость удовольствїй жизни; но можно ли жаловаться на ихъ краткость и при всемъ томъ ихъ презирать? отъ тебя самаго зависитъ лишить ихъ всего того, что для тебя кажется неприятнымъ; ежели они для тебя не лестны, то ты самъ сему причиною. Природа, которая старалась совокупить со всѣми нашими нуждами чувствительное желанїе, соединила также наиспокойнѣшее удовольствїе со всѣмъ тѣмъ, что сїи нужды удовлетворяетъ.

Мы сїе знаемъ: чистая вода, которая насыщаетъ жаждущаго человѣка, есть весьма приятное питїе: по сему, почто никогда не ожидать того, чтобы жажда извѣстила насъ, что уже время вкусить то удовольствїе, которое природа намъ приуготовила? Мы предупреждаемъ наши нужды, вмѣсто того, чтобы оныя ожидать: но сїе еще не все: не довольствуясь тѣмъ, что уменьшаемъ число тѣхъ удовольствїй, кои бы мы могли имѣть, отравляемъ мы оныя: мы употребляемъ, вмѣсто здороваго и приятнаго питїя, напитки здоровью нашему, а можетъ быть и самому разсудку вредные: выдумывая, какъ бы подвергнуть гортань нашу нашимъ прихотямъ, дабы на конецъ подвергнуть самихъ себя вкусамъ, кои по привычкѣ содѣлались для насъ необходимыми, глотаемъ мы ядъ, которой не былъ для насъ приуготованъ. Удовольствїя наши содѣлались рабами искуства, онѣ были нѣкогда чада природы; мы видѣли, ко стыду человѣческаго разсудка, что люди сами при себѣ имѣли лѣкарство противу того яда, которой они готовились принять. О! пагубное ослѣпленїе, неистовство, самымъ непросвѣщеннѣйшимъ народамъ неизвѣстное: человѣкъ сдѣлался врагомъ

самому себѣ! Что скажу я о сихъ звѣрскихъ удовольствїяхъ? Ахъ, я отвращаю очи мои отъ сего ужаса! Насъ, насъ однихъ должно обвинять въ томъ, что мы мало удовольствїй въ жизни обрѣтаемъ: обрѣтаются толь живыя, толь драгоцѣнныя и толь продолжительныя удовольствїя, что для разсудительнаго человѣка потребно нѣчто большее, нежели одинъ токмо гласъ разсудка, дабы оставить жизнь безъ прискорбїя. Онѣ соединены съ нѣкоторыми тягостьми, я сїе признаю, и сїе нужно, поелику сїе полезно. Ежели бы для чувствъ нашихъ было какое нибудь чистое удовольствїе; то намъ должно бы было остерегаться вкушать оное, поелику оно отвратило бы насъ отъ всѣхъ другихъ: совершенное благо, ежели бы оно въ мирѣ семъ было возможно, было бы противоположно той цѣли, для коей люди сотворены. Ежели кто говоритъ, что отъ отвращенїя нашего отъ несовершенныхъ благъ не могло бы произойти зло; то тотъ не разсуждаетъ того, что сїи блага получили мы для того, что онѣ были для насъ нужны. Удовольствїя имѣютъ свою пользу; онѣ доставляютъ уму новыя силы, даютъ економїи животныхъ потребную свободу, вспомоществу-

ютъ намъ въ нашихъ тягостяхъ, истребляютъ оныя изъ памяти, и связуютъ тотъ союзъ, коимъ люди должны быть соединенны. Есть душа, у коей мы должны совѣту спрашивать; она никого не обманываетъ: человѣкъ предается необузданной радости тогда, когда состоянїе, въ которомъ онъ находится, требуетъ того, чтобъ онъ совершенно ослѣпилъ себя; единое разсужденїе истребило бы прелесть, и возобновило бы въ немъ тѣ идеи, кои онъ старается отъ ума своего отженить. Чувствамъ одолжены мы большею частїю нашихъ удовольствїй, но не самыми большими изъ оныхъ: дабы доставить себѣ живыя и истинныя удовольствїя, должно представить душѣ нашей такїе предметы, кои ей нравятся, коими она довольна, коими она, такъ сказать, совершенно плѣняется, и кои раждаютъ въ ней самое явственнѣйшее желанїе пребыть въ томъ состоянїи, въ которомъ она находится: но вмѣсто сего, предлагаютъ ей то, что ее безпокоитъ, и что доставляетъ ей одно токмо мечтанїе. Колико людей умираютъ со скуки посреди роскошей, кои они оставить не хотятъ! таковой человѣкъ зѣваетъ объемля идола своего сердца. Можно бы было извинить людей

вѣ томѣ, что они иногда обманываются, но долговременная опытность долженствовала бы вывести ихѣ изѣ заблужденія. Ежели не удивительно, что странствователь приходитѣ вѣ такія мѣста, гдѣ онѣ мало чему можетѣ научиться, или какимѣ ни будь веселїемѣ насладиться: то по крайней мѣрѣ странно, что онѣ вѣ таковыхѣ мѣстахѣ пребываетѣ, не имѣя довольной силы выйти изѣ оныхѣ. Удовольствія чувствѣ суть по большой части опасныя Сирены: то, что преходитѣ вѣ самое то время, когда оно наипаче лестно бываетѣ; то, что столь опасно вкушать сѣ великимѣ пристрастїемѣ; то, что можетѣ насѣ отвлечь отѣ того, что для насѣ наипаче важно; то, что насѣ изнуряетѣ и столь удобно вѣ безчувствїе приводитѣ, можетѣ ли быть для человѣка столь вожделѣннымѣ благомѣ? Насладимся оными малыми выгодами, онѣ имѣютѣ свою приятность, поищемѣ ихѣ иногда, онѣ имѣютѣ свою пользу, безразсудно бы было убѣгать оныхѣ. Не должно допускать до того, чтобѣ удовольствїе совершенно нами овладѣло, поелику самыя постыдныя вещи производятѣ иногда оное: не должно любить оное сѣ лишкомѣ, поелику, любя оное чрез-

вычайно, приуготовляемъ мы для себя тяжкое сожалѣнїе.

Я именую истинными удовольствїями тѣ, кои, вмѣсто того, чтобы оставлять по себѣ какое нибудь отвращенїе, или какое ни будь мученїе, сопровождаются всегда приятнымъ воспоминовенїемъ. Таково есть удовольствїе того щастливаго человѣка, коему толико въ унынїе погруженныхъ семей, толико оставленныхъ вдовъ и сиротъ, толико нещастїемъ угнетѣнныхъ одолжены великодушнымъ вспоможенїемъ. Онъ слышитъ стенанїя, внутренность его возмущается, бѣжитъ, летитъ, и вкушаетъ напередъ то приятное удовольствїе, которое онъ въ творенїи благъ находитъ: сохраняя спокойно свою тайну, почитаетъ онъ нещастїя, кои онъ разогналъ, толикими для себя благами; онъ мало по малу вкушаетъ ту сладость, по которой человѣкъ подходитъ къ безсмертнымъ духамъ.

Душа, занимающаяся всегда тщетными удовольствїями жизни, недостойна желанїя безсмертїя, съ нею рожденнаго. Она уподобляется тѣмъ глупымъ людямъ или тѣмъ младенцамъ, кои попирая ногами злато и драгоцѣнныя каменья, не могутъ утѣшить

себя игрою. Истинныя блага и истинныя удовольствія человѣка имѣютъ особый признакъ, они во всякое время и повсюда обрѣтаются, всѣ люди могутъ оными наслаждаться: нѣкоторыя блага и нѣкоторыя удовольствія предоставлены извѣстному нѣкоему роду людей, поелику они не всѣ могли всѣми жизни благами наслаждаться: приобрѣтеніе многихъ выгодъ требовало большаго труда, нежели какой всякъ могъ употребить. Сіи преимущества малаго числа людей не должны возбуждать ниже сожалѣніе, ниже роптаніе въ тѣхъ, кои оныхъ лишены; поелику тѣ, кои оными не наслаждаются, не могли бы ниже вообразить себѣ оныя, ниже возжелать оныхъ: тотъ, кто будучи способенъ къ разсужденію о самыхъ вышшихъ истиннахъ, чувствуетъ восхитительное удовольствіе тогда, когда обрѣтаетъ новыя истинны, и ощущаетъ такое чувствіе, коего человѣкъ, который никогда не размышлялъ, желать не можетъ.

Колико противорѣчій обрѣтается въ людскомъ поведеніи! въ одно и тоже самое время видимъ мы рожденіе и смерть противоположныхъ другъ другу желаній; ето не происходитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи,

что люди столь сильно отдаляются отъ единаго того пути, которой можетъ ихъ привести ко благополучїю: они ослѣпляютъ себя, чего для не возможно съ лишкомъ обнажить предъ очами ихъ тѣ истинны, кои страсти и предразсужденїя ихъ стараются покрыть густою завѣсою. Они знаютъ, что тѣ выгоды, коихъ они съ лишкомъ желаютъ, ихъ не удовлетворятъ и что есть гораздо большїя, приобрѣтенїе коихъ отъ нихъ самихъ зависитъ; они вѣдаютъ неудобства, соединенныя съ сими жизни благами, невѣденїе коихъ было бы иногда для нихъ выгодно, а чрезмѣрная любовь оныхъ для нихъ всегда пагубна. Говорятъ, что тотъ, кто имѣетъ мало, не есть убогъ, но тотъ, кто имѣетъ много, часто бываетъ таковымъ: дѣйствительно, мы сами располагаемъ нашими нуждами, и онѣ то опредѣляютъ наше богатство и наше убожество; истинна, которая бы долженствовала быть глубоко начертана въ душахъ нашихъ, кою мы признаемъ и одолѣваемъ токмо своими дѣлами. То, что бы насъ могло утѣшить въ нашемъ убожествѣ, есть то самое, на что люди, кои суть въ убожествѣ, наипаче жалуются, а именно глупости и пороки многихъ бога-

тыхъ людей: коль щастливъ тотъ, кто не принужденъ подвергать разсудокъ свой таковому заблужденію! Всегда, когда ты зришь, что богатый человѣкъ издѣвается надъ бѣдностію добродѣтельнаго человѣка, преслѣдуетъ убогаго, пресмыкаться у ногъ его нехотящаго, подаетъ съ пренебреженіемъ помощь, къ которой необходимость его побуждаетъ, препровождаетъ дни свои въ роскоши и забывается каждую минуту, благословляй Господа, что онъ не далъ тебѣ богатствъ, коихъ ты къ нещастію твоему желалъ; когда ты видишь, что человѣкъ богатый разумно употребляетъ свои блага, радуйся тому, что ты видишь оныя въ толь хорошихъ рукахъ, и сожалѣй токмо о томъ, что ты не можешь оныя такимъ же образомъ употреблять: будучи по произволенію провидѣнія не въ состояніи вспомоществовать столько, сколько бы вамъ хотѣлось, вы, кои находитесь въ бѣдности, подавайте вашимъ соградданамъ всю ту помощь, которую вы подать можете, ибо вы помощи имъ можете. Тотъ есть богатъ, кто имѣетъ все, или кто безъ всего обойтися можетъ, ибо мы богаты всѣмъ тѣмъ, безъ чего мы обойтися можемъ: по сему ко-

лико нуждающихся, коимъ менѣе недостаетъ, нежели тѣмъ людямъ, у коихъ богатство умножаетъ токмо нужды и желанія. Сократъ видя пышное великолѣпіе нѣкоего празднества возопилъ: *О! безъ коликихъ вещей могу я обойтися!*

Щастіе, сей идолъ сердецъ нашихъ, есть Богъ, коему мы каждый день пожираемъ жертвы, и на коего мы столь часто плачемся: воздавать почести Богу зло творящему, и во время самаго своего благоволенія единыя токмо прискорбія намъ готовящему, коль великое заблужденіе! великое щастіе есть великое рабство: тотъ, кто предаетъ корабль свой вѣтрамъ, долженъ ожидать, что его принесетъ не туда, куда желаніе его стремится, но куда вѣтръ и бури его бросятъ; тотъ, кто ищетъ щастія, подвергается прихотямъ онаго; ежели онъ претерпѣваетъ отъ онаго какія нибудь неблагоприятства, то онъ не можетъ на сіе жаловаться, ибо сіе было бы тоже самое, что и жаловаться на темноту за оступы, кои мы въ оной дѣлаемъ. Щастіе не перемѣняется, мы перемѣняемся; оно постоянно соблюло тотъ же самой законъ; скрывая отъ насъ на нѣкоторое время своенравіе и свое

непостоянство, показуетъ оно оныя другимъ, поелику всѣмъ должно оныя вѣдать. Благоденствіе бываетъ иногда первой поступъ, которой мы къ нещастію учиняемъ: не съ лишкомъ разсудительно увѣряютъ себя люди, что почести и сіи наружные знаки частнаго уваженія, приобрѣтаемыя чаще подлостію ласкателей, нежели заслугами великихъ людей, способствуютъ много къ благополучію: къ тягости, лучше сказать, ибо они служатъ часто къ тому, дабы оказать въ большей еще ясности недостатки и пороки тѣхъ, кои оные имѣютъ, и сокрыть отъ нихъ то, что имъ наипаче нужно вѣдать. Повѣритъ ли кто, что тотъ имѣетъ великую выгоду, кто можетъ величаться тѣмъ, что онъ произходитъ отъ какого нибудь именитаго въ прошедшіе вѣки мужа, какъ будто бы не благополучнѣе и не славнѣе прославить свое потомство, какъ быть обязану своимъ предкамъ за приобрѣтенную, можетъ быть подлостями, выгоду? Къ роду должно имѣть уваженіе, благо общества и подчиненность, которая въ оныхъ необходима, онаго требуютъ: должно награждать насъ за добродѣтели нашихъ предковъ: пепелъ и гробъ великихъ людей требуютъ по-

читанія, потомство ихъ можетъ ли не имѣть къ нимъ онаго? Есть нѣкая средина между глупостями знатности и негоднымъ нравомъ высокомѣрнаго республиканца: цѣлуй стопы онаго добродѣтельнаго пахашеля, почитай его добродѣтели; убѣгай сихъ гордыхъ людей, презрѣнія для нихъ мало. Ежели это выгода, чтобъ имѣть народныя отличія, то заслужить оныя есть еще большее благо, и нѣтъ въ томъ ни какого зла, когда мы оныхъ получить не можемъ. Тѣ, кои жалуются на то, что видятъ себя забытыми среди обыкновенныхъ гражданъ, глупо дѣлаютъ, что толь великую цѣну приписываютъ тому, что не могло бы содѣлать ихъ благополучными.

Прискорбно, я это признаю, что добрый человѣкъ столь часто бываетъ отвергаемъ; смѣшно, что сіи въ мирѣ употребительныя отличія почитаются за необходимыя; жалко, что даже и самой образъ дѣлать добро, изъявлять свое почтеніе и свое дружество, долженъ быть изученъ по правиламъ; горчительно видѣть, что разборъ въ особахъ употребляется также у подножія жертвенниковъ; я не могъ смотрѣть безъ ужаса на то, что самые невѣдущіе и самые презри-

шельные люди содѣловались идолами общества, коль скоро щастїе начинало имъ благоприятствовать; нѣтъ ни какихъ пороковъ, нѣтъ ни какихъ беззаконїй, даже и изъ самыхъ подлѣйшихъ, коихъ бы богатство и почести не помрачали; я сїе признаю, но признаю со стенанїемъ; но что вы изъ сего заключите, вы, кои жалуетесь на сїи бѣдствїя? Что вы злощастны? Ахъ! никакъ, жалѣйте, жалѣйте лучше о тѣхъ, кои унижаютъ себя, попирая ногами выгоды добродѣтели и истинны. Будьте вы довольно правдивы, почтите себя благополучными, и разсуждайте лучше, нежели какъ большая часть людей разсуждаетъ; это плодъ любомудрїя, чтобы взирать безпристрастнымъ окомъ на тѣ списки именамъ нѣкогда совсемъ невѣдомымъ, а нынѣ прославившимся, на тѣ щастїя, кои быстро преходятъ, и на тѣ почести, кои иногда болѣе служатъ въ тягосту.

Что касается до честолюбивыхъ, то неистовство честолюбїя столь велико, что они ни во что не вмѣняютъ число тѣхъ, кои имъ повинуются, коль скоро одинъ токмо человѣкъ имѣетъ право ими повелѣвать. То, что приобрѣтено, есть ни что; то, что

остается приобрѣсти, есть все. Для того, кого мучитъ таковое зло, нѣтъ никакихъ благъ; онъ не наслаждается тѣмъ, что онъ имѣетъ, ни надеждою на то, что онъ получить можетъ. Его съ лишкомъ обширныя желанія, его безпредѣльныя требованія, его безпокойствія доводятъ его на конецъ до того, что онъ зритъ однѣ токмо трудности, возвышенію его противоположныя; горе наипаче тому, кто желаетъ почестей для того, дабы другіе его страшились! Сіи тираны, или лучше сказать, сіи чудовища, о коихъ древняя исторія намъ повѣствуетъ, не вперятъ ли они людямъ довольно ужаса, дабы они не обрѣтали въ почестяхъ иныхъ выгодъ, кромѣ той, чтобъ быть полезну другимъ своею довѣренностію и своимъ примѣромъ?

Дѣлать молву во всемъ свѣтѣ, занимать большую часть людей, есть то, чего желаютъ и ирои и писатели и художники: что сіе желаніе есть пустое, что слава, кою люди столь уважаютъ, ни что иное есть, какъ пустая химера, въ семъ убѣдить я себя не могу. Любовь къ славѣ, ежели она сопровождается любовію къ людямъ, есть весьма сильное побужденіе къ добродѣтели.

Тотъ, кто часто презираетъ славу, презираетъ часто и добродѣтель. Боже избави меня, чтобъ я разумѣлъ здѣсь подъ славою неистовство тѣхъ людей, кои жадая крови и убійства, носятъ на главѣ своей вѣнцы, совершенно еще отъ крови невинныхъ жертвъ дымящїеся; истинной ирой есть тотъ, кто простирая всегда руку къ миру, подвергаетъ свою жизнь и жизнь тѣхъ воиновъ, кои съ нимъ совокупно сражаются, для благополучїя тѣхъ, кои подвержены его законамъ: онъ презираетъ опасности, ведетъ къ смерти тѣхъ великодушныхъ защитниковъ отечества, кои охотно хотятъ запечатствовать своею кровїю миръ, спокойствїе и благополучїе государства; онъ содрогаетъ, видя себя принужденна къ пролитїю толикой крови, но между двумя бѣдствїями избираетъ онъ самое малѣйшее и долженъ оное избрать: онъ славы своея достигъ справедливымъ образомъ; сїе общее признанїе, сїи похвалы, у самыхъ даже враговъ приобрѣтенныя, сїи обѣты, кои вся земля за него возсылаетъ, сїе тайное удовольствїе, которое можетъ онъ ощущать, увѣряя себя о любьви потомковъ, все сїе не можетъ быть иное что, какъ химера и

мечта! Что скажу я о тѣхъ прекрасныхъ умахъ, кои просвѣтили вселенную, о тѣхъ добродѣтельныхъ душахъ, кои онную воздвигли? Ежели удовольствіе дѣлать добро есть первое изъ всѣхъ, то можетъ ли быть, чтобъ то не было удовольствіе, когда мы вѣдаемъ, что люди будутъ удивляться нашимъ дѣяніямъ и похвалять оныя? Когда мы любимъ людей, то весьма трудно, чтобъ мы не старались приобрѣсть ихъ почтеніе и любовь: къ тѣмъ, кои послѣ насъ родятся, или коихъ мы по смерти нашей оставимъ, можемъ ли мы быть столь равнодушны, чтобъ почтеніе и любовь ихъ ни во что не вмѣняли? Судъ потомковъ есть судъ праведной; справедливость и истинна оной внушаютъ, и можетъ ли быть для насъ большее благополучіе, какъ то, чтобъ имѣть своею защитою разсудокъ и правосудіе? Но стараться токмо сдѣлать молву, оставлять истинну, которая мало соучастниковъ находитъ, дабы послѣдовать главному вкусу или обыкновеннымъ мнѣніямъ, жертвовать всемъ желанію, заставить всѣхъ о себѣ говорить, предпочитать удивленіе почтенію и любьви, любить пышность и то, что ослѣпляетъ чернь, ето ни что иное есть, какъ

заблужденіе разума. Колико таковыхЪ прославленій погребены у подножія гроба тѣхЪ людей, кои всемЪ жертвовали для приобрѣтенія оныхЪ! Сіи Трофеи, во славу нѣкоторымЪ тиранамЪ воздвигнутые, сіи пышные памятники ихЪ могущества, сіи гробницы, надписаніями изукрашенныя, кои долженствовали память ихЪ преселить кЪ самому отдаленнѣйшему потомству, не существуютЪ болѣе или осматриваемы бываютЪ безЪ всякаго пристрастія: историческія книги лучше повѣствовали и лучше поучили, нежели сіи надгробныя слова и сіи надписи, послѣднее угожденіе отЪ подлыхЪ ласкателей.

То, что наипаче вЪ общемЪ почтеніи и уваженіи драгоцѣнно, есть точно то, что всѣ люди приобрѣсть могутЪ; почтеніе, изЪявленное предЪ добродѣтелію несравнено превосходитЪ то, кое мы воздаемЪ дарованіямЪ. ЧеловѣкЪ напрасно сталЪ бы жаловаться, ежели бы онЪ, не могши дойти до того, чтобы себя прославить, при смерти своей забытЪ былЪ своими согражданами; поелику много есть такихЪ благЪ, вкушеніе коихЪ есть выгода, а потеря оныхЪ не есть какое нибудь зло: даже и на то не имѣемЪ мы при-

чины жаловаться, что дарованія не всегда пользуются тою наградою и тою похвалою, которую онѣ заслуживают; не ужели мы будем нещастливы чрез то, что не смотря на тѣ старанія, кои мы прилагали к приобрѣтенію общаго почтенія, и не смотря на превосходство наших знаній, не могли мы получить то, чего требовать имѣли почти право? Не ужели дарованія по толику имѣют цѣну, по колику большая часть людей оныя признают, и поколику тѣ, кои имѣют право раздавать награды, оныя своего покровительства удостоивают? Истинное удовольствіе, сопряженное с общим почтеніем и уваженіем, состоит в том удовлетвореніи, которое ощущаем мы, вѣдая, что оныя заслуживаем.

Есть нѣкоторой род людей весьма противоположных тѣм, кои желают приобрѣсть славу; они предпочитают тишину и спокойствіе тѣм выгодам, кои приобрѣтаются одними токмо трудами и бдѣніем; будучи нечувствительны ко всему тому, что можно сказать о их дарованіях, не желают они ни какой похвалы и довольствуются тѣм, что они находятся в любьви у тѣх людей, с коими частная связь их

соединила. Изпроверженіе всего свѣта причинило бы имъ менѣе мученія, нежели самыя малѣйшія замѣшательсшва, личности ихъ касающіяся: относя все къ самимъ себѣ, отдаляютъ они отъ себя все то, что бы могло возмутить ихъ спокойствіе; они суть такія существа, коимъ тунеядство естественнѣе, нежели человѣколюбіе. Коль ошибаются сіи люди, ежели они почитаютъ праздность и безпристрастіе за то спокойствіе души и за ту тишину, которую волненіе страстей возмущаетъ и уничтожаетъ! тѣ, кои страшатся трудовъ, тѣ, для коихъ упражненіе есть нѣкое зло, великаго достойны сожалѣнія: они имѣютъ себѣ врага, которой тѣмъ наипаче страшенъ, что онъ сокровенъ, я мню ихъ склонность къ праздности: самыя затруднительнѣйшія упражненія суть наипаче способны къ угашенію страстей и къ произведенію въ насъ той ясности духа, которое есть основаніе нашего благополучія. Сіе щастливое положеніе не есть состояніе безпристрастія, которое болѣе уподобляется смерти, нежели жизни; оно есть такое состояніе, въ коемъ удовольствіе не изключено, но умѣрено, предохраненно отъ зависти, отъ ненависти и отъ тѣхъ мятежныхъ

страстей, кои возбраняютъ духу нашему свободно дѣйствовать, мы наслаждаемся тогда пріятнымъ спокойствіемъ т. е. довольствіемъ. Какая глупость для человѣка, къ продолжительнымъ трудамъ призваннаго, желать уединенія и праздности! Тотъ, кто вѣдаетъ свои выгоды, ищетъ упражненія; удовольствіе пріятно токмо послѣ трудовъ.

Разсмотри все то, что составляетъ предметъ людскихъ желаній; сыщи по томъ такихъ людей, кои имѣютъ сіи выгоды, и ты узришь, что большая часть въ оныхъ обманулась. Дѣйствительно, можно ли ожидать великаго удовольствія отъ имѣнія житейскихъ благъ, когда мы не начали прежде помышлять о томъ, что составляетъ истинное благополучіе человѣка? Чего можно ожидать отъ тѣхъ благъ и отъ тѣхъ выгодъ, коихъ не всѣ люди желаютъ? Можно ли ласкать себя благополучіемъ, имѣя одни токмо тѣ блага, кои намъ не нужны? Ахъ! тотъ злословитъ Божество, кто почитаетъ за верьховное благо, что я говорю, кто съ лишкомъ много уважаетъ то, чего оно не дало большей части людей! Какъ, не ужели бы верьховная благость могла быть толь въ таковыхъ даяніяхъ не щедра, ежели бы онѣ

могли насъ привести къ тому благополучїю, коего мы всѣ желаемъ? нѣтъ, насъ должно обвинять въ тѣхъ нещастїяхъ, кои насъ постигаютъ, и въ тѣхъ истинныхъ благахъ, коихъ намъ недостаетъ: мы благополучїе наше основываемъ на своихъ мнѣнїяхъ, мечтанїе водворилось вмѣсто существенности. Я не убѣждаю себя въ томъ, что должно отвергать или презирать блага и удовольствїя жизни, сїе бы означало, что я не вѣдаю Божїю благость, что я вырываю цвѣты, коими путь нашъ усаженъ, и что я съ лишкомъ многаго отъ силъ человѣческихъ требую: природа содѣлала насъ чувствительными ко благамъ и удовольствїямъ, и представляетъ намъ предмѣты, могущїе доставить намъ оныя, единственно для того, что Творцу сея же самой природы угодно было, чтобы мы оными наслаждались. Какая бы причина ни была тому презрѣнїю, которое оныя суровыя души изъявляютъ ко благамъ жизни, то она не можетъ ихъ оправдать: онѣ болѣе будутъ виновны въ самой подлѣйшей неблагодарности, ежели онѣ, будучи жадны въ желанїи, недовольны бываютъ въ приобрѣтенїи и не правдивы въ потерѣ. Сїя самая неблагодарность побудила людей говорить, что

лучше бы было ни когда не наслаждаться благами жизни, нежели наслаждаться оными нѣкоторое токмо время: правда для тѣхъ, кои оныя блага во зло употребляютъ, полезнѣе бы было никогда оными не наслаждаться, нежели наслаждаться нѣкоторое токмо время; но сїе самое составляетъ великую выгоду для таковыхъ людей, что они наслаждаются оными благами нѣкоторое токмо время. Здѣсь дѣло идетъ токмо о томъ, чтобы избѣгать злоупотребленїя, уважать блага сего мира смотря по отношенїю, которое оныя къ истинному нашему благополучїю имѣютъ: должно стараться познать, чего стоятъ сїи блага, а не то, во что люди оныя цѣнятъ.

Случается иногда, что мы почитаемъ себя опредѣленными для большихъ благъ, нежели каковы суть тѣ, коими мы наслаждаемся: причина, или лучше сказать, предлогъ неблагодарности. Мы себя увѣряемъ, что мы несравненно не столь благополучны, какъ то малое число людей, кои достигнувъ большихъ почестей, дѣлаются идолами большей части человѣческаго рода: мы себѣ воображаемъ, что верьховное благополучїе состоитъ въ томъ, чтобъ управлять

другими, какъ будто бы то властоначалїе, которое всѣ люди могутъ изъявлять, не есть больше и какъ будто бы не славнѣе одолѣвать благоуспѣшно свои страсти, и исправлять тѣхъ, съ коими мы живемъ, добрымъ примѣромъ, которой мы подавать имъ можемъ? Воздадимъ славу истиннѣ, мы всѣ почитай имѣемъ одинакїя выгоды, одинъ не много болѣе блага, другой не много болѣе зла, вотъ въ чемъ состоитъ разность. Зрѣнїе, которое нѣсколько короче и нѣсколько слабѣе зрѣнїя другихъ, для насъ достаточно: вознегодуешь ли ты безъ стыда на провидѣнїе за то, что оно другимъ нѣсколько болѣе, нежели тебѣ ниспослало, когда оно тебя одарило самыми драгоцѣннѣйшими благами, и снабдило тебя всемъ тѣмъ, что къ твоему благополучїю могло быть потребно. Нѣтъ ни въ тѣхъ благахъ, коихъ ты прежде приобрѣтенїя толико желаешь, тѣхъ выгодъ, кои ты предполагаешь: нѣтъ ни въ тѣхъ нещастїяхъ, кои сносить для тебя толь трудно по тому, что ты съ лишкомъ привыкъ къ удобствамъ жизни, того мученїя, кое ты толь увеличиваешь. Ты многаго желаешь, вотъ твое зло и твое мученїе: потребно ли толико вещей къ тому,

дабы наслаждаться жизнїю и получить отъ того состоянїя, въ коемъ мы находимся, тотъ плодъ, которой мы отъ онаго получить должны? Нужно ли къ удовлетворенїю своего вкуса и своихъ прихотей пойти въ самыя отдаленнѣйшїя страны на сысканїе ѣствъ, кои другїе народы презираютъ, и кои они лучше насъ вѣдаютъ; велѣть попирать землю ногами, и принести въ жертву роскоши нашей тысящи людей рабовъ нашихъ, ради того, что они гораздо насъ слабѣе? Вмѣсто того, чтобы ограничивать себя нуждами природы, толь малымъ довольной, раздражаемъ мы гортань нашу, лишаемъ оную удовольствїя пользоваться тѣмъ, что для нее опредѣлено: мы повреждаемъ наше здоровье и предаемся въ руки искусства. Лѣчебная наука не есть болѣе такая наука, которая бы пособляла естественнымъ неудобствамъ портящейся махины, она сдѣлалась необходимою наукою для того, кто желаетъ изцѣлять людей отъ болѣзней, кои они сами себѣ причинили. Вотъ коль сильны ослѣпленїе и страсть, люди подвергаютъ себя пагубѣ за удовольствїя, кои дѣйствительно не суть таковы. Сластолюбцы, препровождающїе жизнь вашу въ томъ, чтобъ

другъ друга превзойти, удовольствія ваши, кои искуство вамъ даровало, суть ни что противу удовольствій того спокойнаго земледѣльца, коего чистая источника вода напояетъ. Наши праотцы, кои сами приуготовляли самыя простыя ѣствы, коимъ земля служила ложемъ, коихъ обиталища не были ни чертоги, ни крѣпкіе замки, коихъ храмы безъ злата и безъ всякихъ украшеній представляли ихъ уму Божество, своими благодѣяніями извѣстное, соблюдали чрезъ свою добродѣтель выгоду слѣдовать гласу природы. Колико заблуждаются тѣ, кои думаютъ, что они не могутъ жить безъ помощи, ежели невредной, то по крайней мѣрѣ безполезной! Какія желанія вы въ себѣ раждаете! Какія усилія вы употребляете къ пріобрѣтенію излишества всегда безполезнаго, иногда опаснаго, часто неудобнаго? Подлые друзья, безразсудные родители, вы воспитываете чадъ вашихъ посреди злословій; желанія ваши суть желанія злыя, вы не умѣете любить: сіи чада были бы крѣпки, а вы ослабляете тѣло ихъ вашею пощадою; они были бы въ своихъ вкусахъ просты, а вы пріучаете ихъ къ нѣжности, которая имъ дорогаго будетъ стоить; они были бы

добродѣтельны, а вы внушаете въ нихъ гордость и желанія, кои добродѣтель осуждаетъ; они были бы кротки, а вы ихъ увѣряете, что они будутъ нѣкогда превосходные умы; они были бы цѣломудренны, а вы возбуждаете въ нихъ опасное любопытство; вы желаете имъ богатства, вмѣсто того, чтобы желать добродѣтели; вы желаете имъ блистательнаго щастія, вмѣсто того, чтобы желать имъ спокойствія души, основанія нашего благополучія; вы побуждаете ихъ желать съ толикимъ стремленіемъ благъ жизни; то, на что бы они по крайней мѣрѣ долженствовали взирать безпристрастно, обѣщали вы имъ такъ, какъ нѣкое ободреніе, и дали имъ такъ, какъ нѣкую награду. Перемѣните свое поведеніе; можетъ быть время еще къ сему есть, вмѣсто того, чтобы образовать ихъ по образу большаго свѣта, образуйте ихъ по предписаніямъ премудрости; вмѣсто того, чтобы научать ихъ подъ важнымъ именемъ политики мерзкому искуству препровождать жизнь въ ласкательствахъ, во лжѣ и обманахъ, научайте ихъ употреблять откровенность: да обѣщаютъ сіи младыя насажденія, между вами возрастающія хорошій плодъ,

да исполнится денница дней ихъ премудрости, добродѣтели и истинны!

Въ числѣ желанїй, коими люди одушевлены, обрѣтается одно такое, кое кажется опровергаетъ все мною утверждаемое: мы видимъ, что люди безпрестанно жалуются на слабость человѣчества, сожалѣютъ о своихъ прошедшихъ погрѣшностяхъ, желаютъ весьма исправиться и препровождаютъ, такъ сказать, жизнь свою между страхомъ дѣлать зло и сожалѣнїемъ о совершенїи онаго. Ежели бы справедливо было, что вещи суть таковы, то бы я признался, что люди суть злощастны, и что они имѣютъ причину жаловаться; но коликое мечтанїе въ семъ разсужденїи обрѣтается! Не входя здѣсь въ славной вопросъ о произхожденїи нравственнаго зла, и не повторяя здѣсь удивительныя разсужденїя въ Ѳеодикеи, довольно для меня будетъ истребовать того, чтобъ люди порядочно различали сїи пустыя желанїя отъ твердаго намѣренїя дѣлать добро: обыкновенно избираемъ мы то, что предпочитаемъ. Сожалѣнїя, кои мы чувствуемъ содѣлавъ какое нибудь зло, не доказываютъ еще того, чтобъ мы были съ лишкомъ привязаны къ добродѣтели, онѣ

доказываютъ токмо то, что мы содѣлавъ какое ни будь зло, желали бы, чтобъ содѣлали какое нибудь благо, т. е., что коль скоро мы во злѣ ни какого удовольствія не находимъ, то мы не желаемъ болѣе оное творить, такъ, какъ когда мы находили въ ономъ удовольствіе, тогда мы не желали болѣе дѣлать блага; но человѣкъ, говорятъ люди, хотѣлъ бы ни когда не желать зла, т. е. ему хотѣлось бы ни когда не хотѣть зла: но хотѣть есть дѣйствіе воли, человѣкъ не могъ бы желать не имѣть воли желать и дѣлать зло; ибо чрезъ сіе самое престалъ бы онъ также быть добродѣтельнымъ, поелику добродѣтель ни что иное есть, какъ произвольной выборъ лучшаго. Истинное желаніе нераздѣльно отъ усилій, а подкрѣпляемыя усилія бываютъ всегда достаточны: ето пустая причина, ежели кто говоритъ, что страсти препятствуютъ намъ быть свободными, поелику нѣтъ ни какихъ такихъ страстей, коихъ бы мы не могли воздержать, ежели мы токмо сіе учинить возхотимъ. Возжелалъ ли бы человѣкъ того, чтобъ Богъ сравнилъ его съ тѣми небесными силами, коихъ просвѣщенія столь же ясны, какъ и добродѣтель? Но онъ не былъ бы

тогда ниже тотъ же самой человѣкъ, ниже какой ни будь человѣкъ вообще, но былъ бы совсемъ иное творенiе, на мѣсто его произведенное: по сему, сiе желанiе подробному разсмотрѣнiю подверженное, не что иное означаетъ, какъ сожалѣнiе быть человѣкомъ и существовать: желать просвѣщенiя и добродѣтели безсмертныхъ духовъ, есть тоже самое, что и желать того, чтобъ не имѣть слабостей, отъ человѣчества нераздѣльныхъ; или оно есть тоже самое, что и желать того, чтобъ человѣкъ былъ уничтоженъ, а вмѣсто его было бы сотворено совсемъ иное существо, которое бы съ нимъ ничего общаго не имѣло. Человѣкъ не могъ бы существовать безъ слабостей, поелику онъ есть такое творенiе, которое по естеству своему ограничено. Ежели по сему будетъ вопрошено: почто люди не раждаются съ тѣмъ, чтобъ они имѣли болѣе добродѣтелей и болѣе просвѣщенiя, почто по природѣ своей имѣютъ они много слабостей, и почто они не суть ниже столь добродѣтельны, ниже столь просвѣщенны, какъ бы они могли быть: то вопросъ сей будетъ относиться къ тому, чтобъ познать, лучше ли бы было, чтобъ человѣкъ существовалъ такъ, какъ человѣкъ, или

чтобъ онъ совершенно не существовалъ: обвиняй и осуждай, ежели ты дерзаешь, верьховную премудрость: что до меня касается, то я заключаю, что существованїе человѣка есть благо, поелику человѣкъ существуетъ; я ссылаюсь на то всемогущее Существо, которое не можетъ не быть совершенно благимъ. Довольно того, что намъ ниже побудительныхъ причинъ, ниже способовъ къ содѣланїю насъ лучшими не недостаетъ; ежели трудно преодолѣвать всегда и слѣдовательно укрощать всегда свои страсти: то по крайней мѣрѣ сїе не есть дѣло невозможное, и мы можемъ быть спокойны, когда учинили все то, что мы учинить могли.

Будемъ столь добродѣтельны, сколь токмо намъ быть возможно, и тогда для насъ не будетъ болѣе золъ: жалобы наши изчезнутъ, не узримъ болѣе того, чтобъ сїи желанїя, нашими страстями производимыя мучили насъ день и ночь; денница не будетъ болѣе освѣщать толико осудительныхъ желанїй, предъ самыми жертвенниками возсылаемыхъ. Въ насъ самихъ должны мы обрѣсти престолъ благополучїя: въ насъ самихъ находимъ мы источникъ ис-

тинныхъ удовольствiй. Отъ насъ самихъ зависитъ увеличить степень нашего благополучiя увеличиванiемъ нашихъ выгодъ и усовершенствованiемъ нашихъ добродѣтелей и нашего просвѣщенiя: мы зиждители и властелины истиннаго нашего щастiя. Ежели мы справедливо говоримъ, что блага жизни получаютъ тѣ, кои оныхъ со тщанiемъ ищутъ; то еще съ большимъ правомъ можемъ мы сiе сказать о тѣхъ выгодахъ, кои бы долженствовали быть всегда предметомъ нашихъ желанiй. Будемъ справедливы и разсудительны, признаемъ цѣну и число нашихъ благъ: во всей природѣ нѣтъ ни чего, чтобы не могло побудить насъ къ самому совершеннѣйшему благодаренiю: пѣнiе птицъ есть крикъ, которой насъ осуждаетъ.

Колико благъ для человѣка! Я вышелъ изъ ничтожества, я достигъ бытiя, младенчество мое спасено отъ опасностей, коимъ оно принуждено было подвергать себя; я чувствую удовольствiе видя прекраснѣйшую природу прекраснѣйшее зрѣлище мнѣ представляющую: самые согласнѣйшiе звуки плѣняютъ мое ухо, и внушаютъ мнѣ чувствiе; цвѣты изпускаютъ приятное благовонiе; я

вкушаю ѣства, кои возбуждая во мнѣ охоту къ ѣдѣ, умножают мои силы; сладостное прикосновенїе внушаетъ мнѣ удовольствїя, кои доказываютъ существованїе, и желанїя мои, разсудкомъ управляемыя, управляютъ моею душею безъ всякаго возмущенїя; спокойный сонъ приходитъ къ возобновленїю моихъ силъ, зѣницы мои смыкаются на нѣсколько часовъ и опять отверзаются, дабы я могъ видѣть денницу и ощущать новое удовольствїе; приятная забывчивость въ сїи минуты ума, премудростїю никогда неоставляемаго, раждающаяся, занимаетъ мѣсто тѣхъ возмутительныхъ желанїй, кои отъ слѣпыхъ страстей раждаются. Не возможно довольно надивиться, съ коликимъ тщанїемъ желала природа содѣлать состоянїе наше благополучнымъ. Она нечувствительно перемѣняетъ наши вкусы, смотря по перемѣнѣ нуждъ нашихъ, съ нашими лѣтами: младенчество имѣетъ удовольствїя, кои долго продолжаются, юность имѣетъ живыя удовольствїя, зрѣлый возрастъ имѣетъ спокойныя удовольствїя, а старость, коя имѣетъ тихїя удовольствїя, ощущаетъ оныя тѣмъ болѣе, что онѣ гораздо не столь часто бываютъ. Живость удовольствїй увеличивается смотря

по числу оныхъ, юность ощущала бы оныя менѣе, ежели бы онѣ не столь были живы, поелику она таковыхъ удовольствій много имѣетъ: должно, чтобъ живость нѣкоторыхъ изъ оныхъ была довольно велика, дабы она могла управлять душами, кои толь мало на однихъ предметахъ останавливаются.

Къ толикимъ выгодамъ присовокупимъ еще неоцѣненный даръ умствованія; сравнимъ мы себя на нѣкоторое время съ животными, махины или одушевленные духомъ, отъ вещества различнымъ; коликое превосходство въ человѣкѣ! Коль бы просвѣщеніе наше слабо ни было, то всегда даръ разсужденія остается великимъ благомъ. Сей даръ природы содѣлалъ насъ способными обращать множество вещей въ нашу пользу, удовлетворять наши нужды, жить въ обществѣ, заводить учрежденія и на конецъ доставлять тѣмъ, кои пользуются своимъ разсудкомъ, драгоцѣнную выгоду приобрѣтать знанія, разсуждать, препровождать самыя приятнѣйшія минуты жизни въ познаніи истинны и премудрости, выгода самое величайшее щастіе превосходящая.

Мало такихъ людей, кои бы не чувствовали сладостей дружбы; нѣтъ такихъ, кои

бы не могли оныя чувствовать, мнѣ кажется даже, что привязанность есть независима отъ добродѣтелей и дарованій. Щастливъ тотъ, кто находитъ такого друга, для коего ввѣренная тайна не есть тягостное бремя, коего собесѣдованіе есть полезное удовольствіе, коего предложенія суть благоразумные совѣты, коего веселость можетъ разогнать нашу печаль, коего видъ оживотворяетъ наши удовольствія, которой будучи исполненъ правдивости, умѣетъ быть добродѣтельнымъ, и которой при нѣжности своей умѣетъ любить своихъ друзей, которой вмѣсто коварства употребляетъ откровенность, столь мало у обыкновенныхъ людей извѣстную, которой, изощряя свой умъ, всему приписуетъ справедливую цѣну, и не предпочитая то ложное злато, которое токмо блеститъ въ очахъ ослѣпленныхъ людей, злату въ нѣдрахъ земныхъ сокрытому, умѣетъ жить и разсуждать! Тотъ, кто вѣдаетъ удовольствія дружбы, кто чувствуетъ, доколѣ можетъ простираться сія нѣжность чувствованій, наслаждается тѣми изліяніями души, кои гораздо пріятнѣе всѣхъ благопріятствъ щастія. Но да не обманется ни кто въ семъ, ибо ничего не составляетъ притворное изъ-

явленіе того чувствованія, кое должно быть ощущаемо. Я мало такихъ людей знаю, кои любить умѣютъ. Я у тебя самого вопрошаю, гдѣ тѣ, въ очахъ коихъ ты большую часть твоихъ чувствованій не утаеваешь? гдѣ тѣ, коихъ ты не презираешь, когда твои выгоды и твое щастіе сего требуетъ? Ты желаешь вѣдать сладости дружества и оставляешь друга, дабы пасть въ объятія того человѣка, коего ты презираешь и коего ты, можетъ быть, ненавидишь! По сему, не оскверняй священное имя друга. Посрамленіе человѣческаго рода, мечь вонзается во грудь того человѣка, коего ты обнималъ! Самый ласковѣйшій пріемъ, самыя таинственныя довѣренности, самыя положительнѣйшія увѣренія о вѣчной дружбѣ сопровождаются обманомъ и самымъ жесточайшимъ злословіемъ. Ахъ! я не могу удалиться отъ васъ, ложныя сердца, жестокія души! всякъ день вижу я, что вы исполнены вниманія къ тѣмъ, коихъ бы вы любить не могли, и совершенно готовы къ нанесенію вреда тѣмъ, коихъ вы притворно любите. Тщетно, тщетно говорили бы вы мнѣ о законахъ политики и благопристойности, нѣтъ ни какихъ законовъ, кои бы были противоположны

добродѣтели и истиннѣ. Подлость ваша, подлая любовь вашихъ выгодъ одолѣваетъ священныя должности добродѣтели. Нѣтъ, вы не умѣете любить, вы истребляете то сладостное чувствованіе, вкушать кое отъ васъ самихъ зависѣло.

И любовь, сей огнь, который оживляетъ всѣ наши чувства, который возжигаетъ въ очахъ нашихъ возбудительной пламень, которой развязуетъ языки наши, которой производитъ тѣ молчанія, кои гораздо выразительнѣе самыхъ нѣжнѣйшихъ разговоровъ, который истребляетъ изъ ума нашего все, что не сходно съ предметомъ нашихъ желаній, который производитъ біеніе сердецъ нашихъ, и который доставляетъ намъ тѣ минуты благополучія, кои согбенный уже старикъ еще чувствуетъ; и любовь колико удовольствій она намъ доставляетъ! Сердца чувствительныя къ сему сладостному чувствованію, коль вы благополучны, когда вы, не смѣшивая необузданное какой нибудь слѣпой страсти неистовство со спокойнымъ чувствованіемъ нѣжной дружбы, умѣете любить и предпочитать удовольствія сердца тѣмъ грубымъ удовольствіямъ, кои удовлетворяютъ однихъ токмо обыкновенныхъ душъ!

Но гдѣ суть сіи нѣжныя и страстныя сердца? Я оныхъ болѣе не обрѣтаю, вижу однѣ токмо жертвы, щастію приносимыя: то, что бы долженствовало руками любьви быть съ нѣжностію восприемлемо, осквернено мерзкими руками старика, у коего злато замѣняетъ прелести, а развратностъ чувствіе. Мы имянуемъ разсудкомъ господство скупости надъ чувствіемъ, укрываемся для стѣнанія во внутрь возвышеннаго дома, доколѣ безпорядокъ послѣ брака не произведетъ несогласія: сіи несчастные супруги, принужденные искать, гдѣ бы разсѣять свои мысли, входятъ въ свой домъ единственно для того, дабы возобновить мысль о своемъ мученіи. Ахъ свѣтильникъ брака, по что горишь ты толь мрачнымъ огнемъ! Жестокосердые родители, вы, кои не вникая во благополучіе вашихъ чадъ, союзы связуете толь неразборчиво, колико удовольствій въ единую минуту вы истребляете, колико золъ въ единую минуту вы производите! Не уже ли вы ни когда не бывали въ томъ положеніи, въ коемъ восхищенная душа видитъ и чувствуетъ одинъ токмо предметъ, въ коемъ нещастіе не имѣетъ никакого болѣе господства, въ коемъ все на-

пасти забываются, въ коемъ все молчитъ, кромѣ вздоховъ? щастливыя минуты! . . . Все мертво для того, кто не любитъ, все возобновляется и все живетъ для того, кто любитъ. О! по что вы съ удовольствїями вашими не сопрягаете большую свободу и большее благоразумїе! Во взаимной любьви можетъ ли быть какое нибудь зло? Природа безпрестанно говоритъ намъ о любьви! Она на всякъ день повторяетъ намъ, что сердца наши единственно для сего сотворены. Вы, въ коихъ дружество ни когда не обитало, вы, кои во дни старости вашея осуждаете тотъ огнь, которой возжечь болѣе не можете, вашъ смѣхъ, ваши разсужденїя, ваши хулы, ваши обиды, плоды заблужденїя, должны ли предписывать законъ человѣчеству? Нѣтъ, грядите, нѣжные любовники, грядите воспѣть веселїя любьви, подъ тѣнїю прекраснаго дуба, близь чистаго источника, куда птицы собираются и пѣнїе свое съ вашими вздохами соединяютъ, грядите и насладитеся веселїями, природою вамъ уготовленными. Всякая приятность красныхъ дней весны, всякое благополучїе тѣхъ, коихъ щастїе лобызаетъ, всякая радость человѣка отъ

смерти избѣжавшаго, всякое удовольствїе нѣжной матери, чадо, кое она почитала погибшимъ, паки обрѣтающей, не стоютъ тоя тайныя радости, кою производитъ убѣжденїе о любьви того, что мы сами любимъ. Вся наша душа занята, и сїи минуты, исполненныя сладости, сожалѣнїемъ ни когда не сопровождаемой, служатъ утѣхами во всю нашу жизнь.

Еще еще не все, я вижу моихъ согражданъ, мое отечество, моего Государя, я могу быть для нихъ полезенъ, они сотворены для моего благополучїя. Коль приятно, ежели кто можетъ сказать самому себѣ: я служилъ моему отечеству! и всякъ симъ благомъ наслаждаться можетъ. Послѣдняя минута нашея жизни и самое ужаснѣйшее состоянїе могутъ еще доставить намъ случай предъ согражданами нашими оказать знаки любьви нашея. Сїя любовь къ отечеству, кою нѣкоторые довели съ лишкомъ до высокаго степени, увеличивая оную даже до безчеловѣчїя, и кою другїе съ лишкомъ мало вѣдали, поелику они, желая быть гражданами мїра, не были таковыми ни въ какомъ мѣстѣ, есть добродѣтель, поелику любовь къ людямъ есть добродѣтель. Благо обществъ

требовало того, чтобъ привязанность наша къ людямъ подлежала различнымъ степенямъ, и чтобъ оная наипаче была сильна къ тѣмъ, съ коими насъ какая нибудь частная связь соединила. Науки и художества обязаны за успѣхи свои любьви къ отечеству, самыя прекраснѣйшія дѣянія раждаются отъ оной. Почтенïе и удивленïе принадлежатъ внутреннему достоинству, а любовь той связи, которая между людьми обрѣтается. Тотъ, кто удивляется садамъ Лукулла, имѣетъ еще большую причину любить малой его огородъ; ибо онъ служитъ къ его отдохновенïю и къ его удовольствïю: довольно того, чтобъ почтенïе наше было независимо. Но часто случается, что люди мало любятъ свое отечество; они почитай всегда на оное жалуются: въ обидахъ, кои бы мы могли отъ онаго получить, нѣтъ ни чего, чтобы могло насъ толь утѣшить, какъ любовь къ оскорбившему насъ отечеству. Рутилïй, сей великодушный Римлянинъ, будучи изгнанъ, отвѣтствовалъ тому, кто по причинѣ междуусобныхъ браней, коими Римъ былъ угрожаемъ, подавалъ ему надежду къ его вызову: *что я тебѣ сдѣлалъ, что ты мнѣ желаешь го-*

раздо несноснѣйшаго возврата, нежели какова есть моя ссылка? Не лучше ли бы было, чтобъ отечество мое стыдилось моего изгнанія, нежели, чтобъ оно плакало о моемъ возвращеніи?

Просвѣщеніе ума и дарованія суть такія выгоды, приобрѣтеніе коихъ, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, отъ насъ самихъ зависитъ; наипаче философія, сей драгоцѣнный даръ совершеннѣйшаго Существа, сія наука, которая Бога, міръ и человѣка имѣетъ своею мѣтою, которая не довольствуясь тѣмъ, что чувства наши усматриваютъ, но подозрѣвая еще нѣчто далѣе сихъ предѣловъ, ищетъ того, что природа сокрыла отъ очей нашихъ, что исторгаетъ насъ изъ мрака, что истребляетъ наши предразсужденія и одолѣваетъ наши страсти, что ведетъ насъ къ просвѣщенію, къ истиннѣ и добродѣтели; Философія говорю я, опредѣлена для всѣхъ людей: не воображай себѣ, что она состоитъ въ тѣхъ темныхъ тонкостяхъ, въ томъ безполезномъ искуствѣ обманывать разсудокъ хитро сплетенными доводами, въ тѣхъ изслѣдованіяхъ, кои ведутъ токмо къ блистательнымъ химерамъ, въ тѣхъ Системахъ, кои опровер-

жены и защищены съ равнымъ успѣхомъ, въ тѣхъ положенїяхъ, въ коихъ вѣроятность пожертвована замысловатости, въ коихъ важность, одолѣвая разсудокъ, предполагаетъ доводы, кои совершенно не находятся. Ежели ты видишь человѣка, своими идеями занятаго, что онъ всѣхъ тѣхъ, кои отъ оныхъ отдаляются, презираетъ, вмѣсто разсужденїй поруганїе и смѣхъ, а вмѣсто причинъ разсужденїя употребляетъ, заблужденїе иронїею опровергаетъ, мнѣнїя вмѣсто того, чтобъ ихъ опровергать, осмѣиваетъ, всегда съ рѣшительностїю похваляетъ и осуждаетъ, и систему свою защищаетъ такъ, какъ будто бы постыдно защищать что ни будь иное, ежели ты видишь, говорю я, таковаго человѣка; то будь увѣренъ, что онъ не есть Философъ. Философїя возвышаетъ души наши: какая бы намъ нужда была родиться, ежели бы мы одно токмо тѣло должны были соблюдать? Всѣ люди призваны къ воспрїятїю участїя въ семъ сокровищѣ, послику всякъ человѣкъ имѣетъ разсудокъ, которой временемъ обнаруживается, а учителями усовершенствуется: то, что различаетъ Философовъ по званїю отъ тѣхъ, кои не могли усовершенствовать свои да-

рованія, не есть то, что наипаче драгоцѣнно.

Философія научаетъ Царей, что господство ихъ не столько состоитъ въ изъявленіи ихъ власти, сколько во многотрудномъ попеченіи о благополучіи ихъ народа: она прилѣпляетъ ихъ къ ихъ Государству, и отвлекаетъ отъ тѣхъ забавъ, коими они бываютъ окружены, она научаетъ людей, коихъ откровеніе не наставило, что есть Богъ и что должно воздавать почтеніе сему Существу, почтеніе, которое ограничивается изысканіемъ истиннаго благополучія. Презримъ ту философію, которая отъемлетъ у Бога правленіе міра, которая отвлекаетъ отъ отечества, не столько по какому ни будь правилу человѣчества, сколько по какому то, мнѣ неизвѣстному, возторгу, которая, дабы заставить насъ взирать на всѣхъ людей одинакимъ окомъ, ни одного изъ нихъ любить не заставляетъ, и которая состоитъ болѣе въ безполезныхъ тонкостяхъ, нежели въ мудрыхъ совѣтахъ, въ дерзновенныхъ вопросахъ, нежели въ истиннахъ къ приложенію удобныхъ.

Когда мы привели себя въ состояніе вкушать удовольствія ученія, тогда для насъ нѣтъ ничего столь сладостнаго, какъ минуты

ученія, благими успѣхами сопровождаемаго. Возри на сего Архимеда, мысли свои на самаго себя обращающаго, въ отвлеченныя идеи углубившагося, онъ ищетъ истинну: она начинаетъ просвѣщать его, новый день возсіяваетъ предъ очами его: восхищенъ радостію вопіетъ онъ, *я оное нашелъ*: коликія трудности изчезаютъ. Доволенъ будучи своимъ трудомъ, оставляетъ онъ его, дабы упокоится, и чувствуетъ въ самомъ себѣ цѣну того просвѣщенія, которое насъ къ Божеству приближаетъ. Но не всякое ученіе есть ученіе мудраго человѣка: вмѣсто того, чтобы знать, что можетъ приятно насъ забавлять, познавай, въ чемъ состоитъ истинное благополучіе; вмѣсто того, чтобы обращать любопытное око на обряды великаго свѣта, познавай, какъ должно любить своихъ родителей и своихъ друзей, вмѣсто того, что бы стараться открыть, изъ цѣломудрія ли, или изъ гордости умертвила себя Люкреція, познавай, въ чемъ состоитъ цѣломудріе; вмѣсто того, чтобы бдѣть ночь и день надъ изысканіемъ средствъ, къ защищенію твоихъ благъ отъ коварствъ и насилія удобныхъ, научайся лишаться оныхъ безъ роптанія. Наипаче употребляй просвѣ-

щеніе твое въ истинную пользу, употребляй оное къ твоему исправленію; оно есть добро, провидѣніемъ тебѣ ввѣренное: опасайся, чтобъ ты не пришелъ въ замѣшательство, ежели будешь нѣкогда вопрошенъ, какой плодъ получилъ ты отъ твоего ученія и отъ твоего бдѣнія? Колико ученыхъ и прекрасныхъ умовъ можно укорить въ томъ, что они замѣняли разсужденіе умомъ, разсудокъ памятью, самую добродѣтель видами добродѣтели! По сему не уже ли на всегда будетъ справедливо, что науки и художества дѣлаютъ людей завидливыми, безпокойными и угрюмыми? Не уже ли токмо то, что нравится, будутъ почитать за справедливое? Презрительный гласъ уже ли будетъ или наградою откровенности, толь мало у обыкновенныхъ людей извѣстной, или наказаніемъ такого заблужденія, которое гораздо не столь грубо, какъ большая часть тѣхъ, кои мы до послѣднихъ минутъ жизни нашея соблюдаемъ? Исправтеся отъ вашихъ пороковъ, будьте полезны вашимъ согражданамъ, избавте ихъ отъ какихъ ни будь заблужденій, поспѣшайте для потомковъ вашихъ открытіемъ какихъ нибудь истинъ, служите путеводителями тѣмъ, кои вамъ послѣдуютъ. Гордые ученые,

ежели бы вы вѣдали, что такое есть ваше знанїе, то бы вы, стыдясь вашихъ заблужденїй, скрылись! Ахъ! домогайтесь по семъ, домогайтеся пышной похвалы вашему просвѣщенїю; добродѣтельный человѣкъ всевозможнымъ образомъ старается заслужить похвалу своимъ нравамъ, своему свойству и своей добродѣтели. Просвѣщенїе ума, всѣ сїи сокровища, съ толикимъ трудомъ приобрѣтенныя имѣютъ по толику цѣну, поколику сердце есть добродѣтельно; онѣ уподобляются цвѣтамъ и дратоцѣннымъ украшенїямъ, кои не отъемлютъ у мертвыхъ тѣлъ ни чего того, что они омерзительнаго имѣютъ, и кои украшаютъ однихъ токмо живыхъ людей.

Одна изъ существенныхъ выгодъ щастїя, и безъ сомнѣнїя первая, есть удовольствїе благотворить: но всѣ люди могутъ онымъ наслаждаться, хотя не всѣ одинаково: колико случаевъ представляются намъ каждый день къ сотворенїю блага, стоитъ токмо оными пользоваться. Сїе удовольствїе люди отравили; зло въ самомъ благодѣянїи отъ погрѣшности того, кто даетъ; зло въ неблагодарности отъ погрѣшности того, кто приемлетъ. Давать единственно для того, дабы

обязать благодарностїю тѣхъ, кои приемлютъ, давать тогда, когда уже благодѣянїе изкуплено самыми униженными поступками и страхомъ жестокосердаго отказа, давать съ гордынею, дабы дать возчувствовать свое превосходство, ожидать того, чтобы нужда была крайняя, и заставлять цѣнить сотворенное благодѣянїе; ето суть толикїя средства къ отъятїю у благодѣянїй всего того, что онѣ приятнаго въ себѣ заключаютъ, и къ содѣланїю оныхъ даже въ тягость тѣмъ, кои ихъ приемлютъ. Возжалуемся теперь на неблагодарность столь великаго числа людей; жестокосердїе благотворителя освобождаетъ насъ отъ благодарности. Принимать съ трудомъ, дѣлать что ни будь изъ благод рности токмо для того, что опасно быть неблагодарнымъ, почитать себя чрезъ благодѣянїя униженнымъ, находить въ самыхъ благодѣянїяхъ причины къ неблагодарности и къ забвенїю, значитъ отказывать благотворителю въ удовольствїи, когда онъ самъ толь великое оказалъ намъ удовольствїе. Возжалуемся теперь на жестокосердїе тѣхъ, кои могутъ сотворить намъ благо; трудно забыть неблагодарныхъ людей. Сїе тайное

удовольствїе, кое мы ощущаемъ въ спомоществованїи бѣднымъ, сїя радость, кою мы чувствуемъ водворяя миръ и тишину посреди разоренныхъ семей, подкрѣпляя силы стариковъ, какъ лѣтами, такъ и бѣдностїю угнѣтаемыхъ, сїе сладостное удовольствїе, кое мы ощущаемъ обращая на путь добродѣтели человѣка, отъ пути сего удалившагося, просвѣщая души, во мракѣ погруженныя, подкрѣпляя колеблющїяся стопы ослѣпленной юности, суть блага, вкушенїе коихъ отъ насъ самихъ зависитъ. Во всякихъ званїяхъ человѣческой жизни представляются случаи къ творенїю блага людямъ, почто оными не пользоваться? Возри на сихъ великодушныхъ благотворителей, и ты скажешь, что просить ихъ о благодѣянїи, есть для нихъ тоже самое, что и дѣлать имъ таковое: они поспѣшаютъ на помощь къ тѣмъ, кои находятся въ нуждѣ, прежде, нежели они бываютъ призваны; они освобождаютъ отъ благодарности, любовь ихъ къ людямъ есть свѣтильникъ, ихъ сопровождающїй, и огнь, ихъ одушевляющїй.

Обрѣтается еще нѣкоторое благо, которое тѣмъ драгоцѣннѣе, что оно замѣняетъ многїя другїя блага, и что оно насъ никогда

не оставляетъ, сіе благо есть надежда: противоположное зло есть отчаяніе, прибѣжище малодушныхъ людей. Нещастія жизни ни мало не истребляютъ надежду, она есть вѣрнѣйшій залогъ будущаго благополучія. Какой Богъ управлялъ бы симъ міромъ, ежели бы мучитель покоился въ мирѣ, а утѣсненная невинность обрѣталась бы безъ помощи? Никокреонъ истощая ярость свою надъ Философомъ Анаксархомъ, исторгнулъ изъ него единой токмо доводъ безполезнаго мщенія. Отчаяніе есть мечь, коимъ мы разтерзываемъ удобоизцѣлимую рану: почто намъ отчаеваться, когда еще остается толь великое число побудительныхъ къ утѣшенію причинъ? Посреди нещастій надежда насъ подкрѣпляетъ, она денница прекраснаго дня, нѣтъ вѣчной ночи. Надежда полагаетъ равенство между людьми: сіи люди, коихъ мы почитаемъ щастливыми, не были бы безъ оной таковы; ежели бы мы могли проникнуть въ ихъ сердца, то бы мы увидѣли, что житейскихъ благъ не довольно для человѣка. Но мы сами сіе толь сильно чувствуемъ, что ни мало о томъ сомнѣваться не можемъ. Можетъ быть, что сей бѣдный человѣкъ, которой проситъ милостины у дверей вели-

кихъ бояръ, коимъ пышность и обилїе съ лишкомъ извѣстны, гораздо щасшливѣе ихъ: онъ ѣстъ съ большимъ удовольствїемъ, онъ спитъ спокойнѣе, не столько опасается вражды, гоненїй, смерти: онъ подобится пустому судну, кое хотя вѣтры и колеблютъ, однакожъ не разбиваютъ, между тѣмъ, какъ нагруженной корабль осядаетъ на дно водъ; надежда его поддерживаетъ.

Кто вѣдаетъ Бога, служитъ ему; сїе Существо не есть таково, чтобъ оно искало помощи, оно подаетъ онуюː мы бы ни когда ни чего не учинили, ежели бы не помышляли о приобрѣтенїи справедливаго понятїя о томъ служенїи, коимъ мы Ему обязаны; имѣть о семъ ложное понятїе, или отрицать бытїе верьховнаго Существа, есть почитай одно и тоже самое. (*) Вѣра Его почитаетъ, суевѣрїе нарушаетъ самыя свѣтѣйшїя права, невѣрїе оныя презираетъ: вѣра показуетъ намъ способы къ содѣланїю самихъ себя благополучными, суевѣрїе предполагаетъ въ выборѣ сихъ способахъ недостатокъ въ премудрости и благости, невѣрїе оныя разру-

(*) Quid interest utrum deos neges aut infames? Seneca. Ep. 123.

шаетъ. Благочестивый человѣкъ обрѣтаетъ даже и въ самомъ нещастіи радость, онъ изторгаетъ у благополучія то терніе, коимъ оно усажено; онъ живетъ спокойно и умираетъ съ удовольствіемъ; онъ совершилъ одинъ поступъ болѣе, нежели Философъ. Возри на сего храбраго воина по пятидесятилѣтней службѣ, или по пятидесятилѣтнему рабству и мученію, безъ всякой надежды къ щастію, нынѣ почитай безъ силъ, онъ еще усиливается сражаться за права, кои ему неизвѣстны, объемлетъ, отъѣзжая, своихъ чадъ и свою жену, благословляетъ ихъ и не уповаетъ болѣе ихъ видѣть: поверженный на мѣстѣ сраженія, молится и умираетъ, вопрошая, живъ ли его Государь и кто одержалъ побѣду. Таковъ есть плодъ благочестія, въ коемъ самая пріятнѣйшая изъ всѣхъ жертвъ есть то самое, что насъ дѣлаетъ благополучными.

Будь добродѣтеленъ, и все будетъ благо, но будь истинно добродѣтеленъ. Ты избѣгнулъ душевныхъ пороковъ, ты невѣдаешь постыднаго искуства притворяться и обманывать, сердце твое не есть двоякое, скупость твоя на простирается до того, что бы ты не доставлялъ для себя того, что мо-

жетъ сдѣлать тебѣ удовольствіе, роскошь твоя не простирается до того, чтобъ она побуждала тебя возвратить постыднымъ образомъ то, что ты постыднымъ образомъ расточилъ, честолюбіе твое не доводило тебя ни когда до подлаго безчестія, самолюбіе твое не произвело еще какихъ ни будь непремиримыхъ враждебъ и жестокихъ мщеній, ето еще ни что, ты еси человѣкъ, коего общество не презираетъ, войди въ самаго себя, разсмотри, достоинъ ли ты его почтенія и его любьви.

Будь добродѣтеленъ, и все будетъ благо, но имѣй бодрость явиться таковымъ посреди тѣхъ порочныхъ людей, кои добродѣтель осмѣиваютъ. Колико людей, страстями необуреваемыхъ, кои престаютъ быть добродѣтельными, боясь презрѣнія, кое бы они долженствовали поставлять себѣ за честь! Сіи боязливыя души, у коихъ страхъ осмѣянія отнимаетъ разсудокъ, изъявили бы съ трепетомъ почтеніе свое предъ жертвенникомъ, ежели бы они подозрѣвали, что хула и осмѣяніе презрятъ ихъ набожность. Толь справедливо, что самыя пустыя выгоды иногда бываютъ для насъ наипаче милы: безмѣрное

желанїе нравиться другимъ дѣлаетъ насъ порочными и даже беззаконными. Колико ослѣпленныхъ молодыхъ людей, для коихъ вѣра ничего не имѣетъ святаго, коль скоро надобно имъ показать свой умъ и мнимую нѣкую Философїю, разсудкомъ никогда неодобряемую. Люди смѣются надъ молодымъ человѣкомъ, когда добродѣтель его строга; они говорятъ, что ему недостаетъ обрядовъ великаго свѣта, т. е. что свѣтъ еще его не испортилъ: должно уповать, хотятъ сказать сїи рабы пороковъ и страстей, должно уповать, что онъ научится лгать искусно, притворяться тщательно, ласкать тѣхъ, коихъ онъ ненавидитъ, злословить умно, обманывать съ твердостїю, жертвовать всемъ своему щастїю, насмѣхаться съ прiятностїю надъ всемъ, что ни есть величественнѣйшаго и священнѣйшаго, уважать людей по мѣрѣ ихъ богатствъ, довѣренности и могущества. Что же случается душамъ, наименѣе развращеннымъ? Начинаютъ молчать и стыдиться собственной своей добродѣтели, оставляютъ оную такъ, какъ несносное бремя, и напояются яду: въ скоромъ времени содѣлавшись подобными тѣмъ, кои насъ раз-

вратили, развращаемъ мы другихъ: къ сему то доводятъ насъ страхъ осмѣянія, и неумѣренное желаніе нравиться другимъ.

Тотъ, кто ищетъ въ добродѣтели и въ просвѣщеніи ума, того благополучія, коего всѣ люди желаютъ, есть истинно благополученъ: тотъ, кто полагаетъ, что онъ имѣетъ нужду въ другихъ вещахъ, ищетъ господъ и теряетъ свою вольность: тотъ, кто желаетъ пользоваться всемъ тѣмъ благополучіемъ, какимъ токмо на сей землѣ пользоваться можно, долженъ себя увѣрить, что оно отъ мудрости нераздѣльно: ежели онъ полагаетъ оное въ стяженіи выгодъ, людей ослѣпляющихъ; то онъ творитъ хулу на Провидѣніе, коему угодно было, чтобы большая часть добродѣтельныхъ людей была оныхъ лишена. Єто суть тѣ ложныя понятія о благополучіи, коихъ мы не признаемъ но кои насъ безпрестанно ослѣпляютъ и заставляютъ жить съ неудовольствіемъ, и умирать съ мученіемъ. Будемъ гораздо умнѣе, насладимся всемъ, не прилагая съ лишкомъ много цѣны тому, что не имѣетъ существенности: станемъ употреблять блага жизни, но съ разумною бережливостію. Разсудимъ, что долгъ нашъ требуетъ того, чтобъ мы

защищали себя противу нещастій, и что самый лучшій къ сему способъ, состоитъ въ томъ, чтобы не прилѣпляться съ лишкомъ сильно къ тому, чего мы каждую минуту лишиться можемъ, и что мы единожды на всегда оставить должны. Во всѣхъ вещахъ уважимъ токмо существенность: мы отъ гончаго пса требуемъ легкости, отъ борзаго силы; чѣмъ болѣе они сего имѣютъ, тѣмъ болѣе должны мы ихъ уважать; для человѣка всего лучше имѣть порядочно то, что для него опредѣлено, и имѣть въ самой высочайшей степени то, чемъ онъ отъ другихъ тварей разнствуетъ: но человѣкъ сотворенъ съ тѣмъ, чтобъ быть разсудительною тварью, все прочее имѣетъ онъ обще со всѣми другими тварями: онъ имѣетъ храбрость, левъ его превосходитъ; скорость въ бѣгу, гончій песъ имѣетъ оную въ большемъ степени: онъ имѣетъ орудное тѣло и произвольныя движенія, всѣ твари имѣютъ также сіе, онъ имѣетъ голосъ, у псовъ оной гораздо чище, у орла гораздо пронзительнѣе, у быка гораздо сильнѣе, у соловья гораздо пріятнѣе: разсудокъ его есть его частное благо, къ усовершенствованію коего долженъ онъ употреблять все

свое старанїе: ежели бы онъ не имѣлъ и другихъ благъ, то бы при всемъ томъ не былъ достоинъ сожалѣнїя, и всѣ прочїя блага безъ разсудка не имѣли бы никакой цѣны. Человѣку не нужно знать, сколько у него послѣдователей, кои ему ласкательствуютъ, его лобызаютъ, ему пожираютъ жертвы въ обилїи ли, или въ бѣдности онъ находится; но для него нужно знать, добродѣтеленъ ли онъ. Истинныя блага человѣка не могутъ быть внѣ его: онъ долженъ противоборствовать своимъ страстямъ и одолѣвать оныя, имѣть бодрость употребить иногда и трудъ: да не скажетъ ни кто, что таковое надъ самимъ собою усилїе есть не возможно; страсти, какъ то гнѣвъ, любовь, ненависть, коликимъ опасностямъ подвергаютъ онѣ насъ? Колико претерпѣваемъ мы за оныя? а разсудокъ останется безъ дѣйствїя? Онъ сдѣлалъ бы насъ боязливыми, когда истинныя слабости дѣлаютъ насъ отважными? Онъ, который дѣйствуетъ спокойно, который шествуетъ по надежнымъ стезямъ, произвелъ бы менѣе, нежели страсти, кои повергаютъ насъ во многїя пропасти? Убѣдимъ себя порядочно, и увѣримъ себя, что тѣлесныя блага не стоятъ душевныхъ благъ; что

душа наша была бы гораздо благополучнѣе, ежели бы она была свободна отъ своихъ веригъ, нежели когда она находится связана узами, кои ее теснятъ.

Коль благополученъ добродѣтельный человѣкъ! Добродѣтель есть сокровище, отъ перемѣнъ жизни предохраненное, оно есть благо для всѣхъ временъ и для всѣхъ человѣкъ. Посреди благополучїя такъ, какъ и посреди нещастїй и скорьби вселяетъ она въ души наши то сладостное спокойствїе, которое ни чемъ премѣнено быть не можетъ. Всѣ минуты жизни суть минуты удовольствїя для того, кто любитъ добродѣтель: нѣтъ тогда трудныхъ должностей, нѣтъ тогда приятныхъ пороковъ: смерть приходитъ, она не была ни призываема, ниже заклинаема ждать долѣе; все есть благо; заботы, безпокойствїя, ненависти, угрызенїя, всѣ сїи страсти, кои возмущаютъ нашъ покой, убѣгаютъ человѣка добродѣтельнаго: въ его очахъ природа украшена; онъ взираетъ на оную иначе, нежели порочный; онъ вездѣ читаетъ увѣренїя о своемъ благополучїи, видитъ вездѣ руку Существа, во благости безпредѣльнаго, онъ чувствуетъ всюда неоцѣненную цѣну тѣхъ благотворенїй, ко-

ими онъ наслаждается: всѣ удовольствія собираются, дабы его возвеселить, поелику спокойная его душа можетъ наслаждаться тѣмъ, что забыто людьми, пороками терзаемыми. Будучи господиномъ надъ самимъ собою управляетъ и владычествуетъ онъ надъ своими страстями: ето тотъ человѣкъ, которой встаетъ безо всякой боязни, ложится безъ заботы, ни когда не жалуется, живетъ спокойно. О добродѣтели, управляйте человѣкомъ, дабы онъ былъ благополученъ!

Но, говорятъ иные, не сїе то понятїе имѣютъ люди о благополучїи; они стараются приобрѣсть тѣ выгоды, кои ты требуешь, чтобъ они презирали. Но нужно ли намъ людское разсужденїе, дабы мы могли почесть себя благополучными? Почто данъ намъ разсудокъ, какъ не для того, дабы мы не полагались слѣпо на судъ тѣхъ, съ коими мы живемъ? Пускай они смѣются надъ строгостїю нашего нравоученїя, пускай они презираютъ насъ и наши добродѣтели, мало мы о семъ заботимся, не для нихъ, но съ ними желаемъ мы быть благополучны. Въ прочемъ, мы не должны воображать себѣ, будто оци всегда осуждать насъ станутъ: вышедъ

поздо или рано изъ своего заблужденія и свободившись отъ своего ослѣпленія, начнутъ они завидовать нашей участи: притомъ, они похваляютъ насъ въ то самое время, когда притворяются, яко бы насъ осуждаютъ; добродѣтели твои иногда ихъ тревожатъ, поелику сіи добродѣтели суть толикіе крики, противу ихъ поднимающіеся и въ заблужденіи ихъ укоряющіе; они боятся и бѣгаютъ тѣхъ людей, кои, кажется, ихъ унижаютъ; подобно тѣмъ ночнымъ животнымъ, коихъ ясной день никогда не освѣщаетъ, и коимъ мракъ пріятенъ, стараются они избѣгать всего того, что бы могло подать объ нихъ обстоятельное свѣденіе: они отдаляютъ все то, что бы могло возбудить въ нихъ угрызенія, коихъ они страшатся; и коимъ образомъ оныя отдалить, ежели имѣя предъ очами добродѣтельныхъ людей, не будутъ они стараться умалить цѣну ихъ добродѣтелей?

То, отъ чего люди столь удобно въ разсужденіи свойствъ истинныхъ благъ и истинныхъ золъ ослѣпляются, состоитъ въ томъ, что они судятъ о цѣнѣ благъ по степени того удовольствія, которое они обладая оными ощущаютъ, а о цѣнѣ золъ

по степени того прискорбія, которое они чувствуютъ, когда претерпѣваютъ оныя. Есть ли какой нибудь лутчій способъ обмануть себя? Ни удовольствіе, ниже мученіе не должно нами управлять и нами располагать: безъ того показались бы намъ самыя постыдныя и самыя опасныя дѣла хорошими, а самыя полезнѣйшія и самыя потребнѣйшія вещи вредными. Сіе внутреннее чувствіе, на кое люди упираются, и кое должно по мнѣнію ихъ рѣшить вопросъ о благополучіи, рѣшило бы оной безъ сомнѣнія, ежели бы они менѣе были преданы страстямъ, и ежели бы воображеніе ихъ лучше было расположено. Отнять у робенка вредную игрушку, ето для него самое большее нещастіе: колико людей, кои имѣютъ отвращеніе отъ премногихъ вещей, не вѣдая сами для чего! Удивительно ли по семъ будетъ, что они имѣютъ таковое отвращеніе ко всему тому, что противоположно симъ пагубнымъ склонностямъ, ими стяженнымъ? Сіе чувствованіе удовольствія или мученія ни что иное есть, какъ самая страсть. Повинуйся разсудку, когда по удовлетвореніи твоихъ желаній ослѣпленіе начнетъ изчезать, т. е, когда ты престанешь заблуждаться, и ты вскорѣ узришь, что ты творилъ мечтанія.

Ежели бы по семъ спросили меня, что такое есть истинное благо; то бы я отвѣтствовалъ, что оно есть ясное и точное вѣденіе нашихъ должностей. Ясное вѣденіе имѣетъ всегда влїяніе на дѣянія наши, и ежели случается, что мы вѣдаемъ наши должности не исполняя оныя; то сіе произходитъ отъ того, что мы оныя не ясно вѣдаемъ, что мы на оныя ни какого вниманія не обращаемъ, что мы не стараемся возбудить въ насъ понятіе о сихъ должностяхъ съ тѣмъ жаромъ, который опредѣляетъ волю; что мы призывая на помощь нашимъ страстямъ предразсужденія и заблужденія, слагаемъ для себя нравоученіе, честному человѣку неприличное. Тотъ, кто вѣдаетъ свои должности такъ, какъ человѣку должно оныя вѣдать, исполняетъ оныя всегда: познаемъ мы оныя точно такимъ же образомъ, и тогда уподобимся мы тому мудрому человѣку, коего денница всегда обрѣтаетъ и коего заходящее солнце всегда оставляетъ въ совершенномъ спокойствіи, для коего отсутствіе удовольствій не непріятно, для коего вкушеніе оныхъ не вредно, которой подобно Эпикуру, наслаждается оными со сладостію, который не приписуетъ имъ большую цѣну, какъ какую онѣ заслу-

живаютъ, который въ сіи минуты удовольствія тѣмъ благополучнѣе, что онъ не страшится пагубнаго раскаянія; который всегда довольно имѣетъ, который возвышаетъ свою душу, и умѣетъ наслаждаться тѣми приятными минутами, коихъ обыкновенные люди вѣдать не хотятъ. Не думай того, чтобъ то, что внѣ сихъ благъ находится, могло сдѣлать человѣка весьма благополучнымъ: тамъ, гдѣ нѣтъ ни какой добродѣтели, нѣтъ также и благополучія, какія бы выгоды мы тамъ ни предполагали. Пигмей на гору взнесенной есть Пигмей, изъ далека зримой; колоссъ, основаніе коего находится на днѣ пропасти, есть колоссъ, въ близи токмо зримой: есть бѣдность среди обилія, и обиліе среди бѣдности. Собери всѣ чести, богатства, сыщи всѣ преходящія жизни блага, дабы возложить оныя на главу единаго человѣка, ежели ты не дашь ему добродѣтели, то ты сотворишь изъ него самаго нещастнѣйшаго человѣка: онъ желаетъ наслаждаться и опредѣляетъ слабые остатки скончевающейся почитай жизни, ко старанію о своихъ истинныхъ выгодахъ; то, что ни къ чему болѣе служить не можетъ, опредѣляетъ онъ къ существенному: когда онъ не

будетъ болѣе имѣть памяти, тогда захочетъ онъ искать въ исторіи поучительныхъ для себя примѣровъ; когда онъ не будетъ болѣе имѣть разсужденія, тогда вздумаетъ онъ изслѣдовать свое прошедшее и свое настоящее состояніе; когда онъ получитъ ото всего отвращеніе, поелику не въ силахъ уже будетъ чемъ ни будь наслаждаться, тогда возжелаетъ онъ вкусить удовольствія добродѣтели, кои онъ прежде вѣдать не хотѣлъ, когда сердце его, отъ страстей праздное будетъ чувствовать одно токмо сожалѣніе, угрызеніе и смятеніе, тогда захочетъ онъ испытать тѣ чувствія мира и довольствія, кои мудрость производитъ. Какая глупость хотѣть начать жить тогда, когда уже время умирать, изчислять, заниматься самыми основательнѣйшими разсужденіями въ такое время, до коего немногіе люди достигаютъ, и когда весьма часто не достаетъ у нихъ силъ заниматься оными! Мудрый человѣкъ, имѣя всегда въ виду безсмертіе, коего онъ желаетъ, и коего онъ чаетъ, почитаетъ блага жизни за цвѣты, путь его украшающіе, кои не должны его останавливать, поелику они прежде, нежели онъ ихъ оставитъ, уже увядаютъ.

Тѣмъ болѣе не можемъ мы сомнѣваться о сихъ истиннахъ, что всѣ люди оныя вѣдаютъ, коль скоро хоть мало начнешь съ ними разсуждать: посреди волненія страстей и упоенія отъ удовольствій, естественнымъ образомъ забываютъ они свойства и нужды своихъ должностей; гласъ разсудка досязаетъ до нихъ такъ, какъ нѣкоторой пустой звукъ, которой токмо поражаетъ ухо: но начни говорить съ человѣкомъ тогда, когда онъ, будучи утомленъ отъ своихъ забавъ, желаетъ войти въ самаго себя; заставь его возрѣть на истинну, ты узришь, что онъ будетъ оною пораженъ. Я видалъ много такихъ, коихъ я довелъ до таковыхъ признаній; но онѣ скоро были опять забыты. Коликую причину имѣютъ они искать обращенія съ тѣми, кои умѣютъ обуздывать ихъ страсти! Ничто не можетъ толь сильно обратить насъ къ добродѣтели: примѣръ есть первѣйшій изъ всѣхъ учителей; онъ убѣждаетъ лучше всѣхъ, поелику онъ красноглаголивѣе всѣхъ.

Трудность достигнуть до того, чтобъ укротить свои страсти и приобрѣсть приятную привычку къ должностямъ, кои мы должны исполнять, можетъ ли насъ удер-

жать? Не столь трудно быть добродѣтельну; одна страсть предполагаетъ тамъ трудности, гдѣ ихъ со всемъ нѣтъ: живи такъ, яко бы ты былъ безпрестанно назираемъ; увѣрь себя, что ни единая мысль души твоея не есть не дѣйствительна, что всѣ онѣ имѣютъ влiянiе на твое благополучiе; обращай часто взоры твои на твои должности и на твои дѣла; сравнивай человѣка такого, каковъ бы онъ долженъ быть, съ человѣкомъ такимъ, каковъ онъ дѣйствительно есть; будучи точнымъ наблюдателемъ всего того, что въ тебѣ произходитъ, суди себя такъ, какъ бы ты судилъ человѣка, коему бы ты ничего не обязанъ былъ прощать. Ежели бы мы помышляли, что Богъ находится подлѣ насъ, съ нами и въ насъ самихъ, ежели бы сей въ насъ обитающiй Духъ, не былъ безпрестанно занятъ тѣмъ попеченiемъ, коимъ мы его обременяемъ, о всемъ томъ, что внѣ силъ нашихъ находится; то бы мы сдѣлавшись гораздо добродѣтельнѣе и благоразумнѣе, узнали, коль тяжкое дѣло быть порочнымъ.

Но, скажутъ безъ сомнѣнiя, какая удивительная разность между сими привилами и правилами обыкновенныхъ людей! По сему, большая

часть людей будетъ лишена сея степени толь желаннаго благополучія, и малому токмо числу смертныхъ будетъ предоставлено познаніе тоя истинны, что жить на свѣтѣ есть благополучіе? Заблужденіе, правила суть тѣже самыя, природа и разсудокъ оныя всѣмъ людямъ внушаютъ, намъ откровеніе объяснило оныя. Когда философія и болѣе просвѣщенный разсудокъ были потребны къ очищенію нашихъ нравовъ, когда суевѣріе отняло у Божества тѣ совершенства, кои должно оному приписывать, когда люди, слѣдуя своимъ страстямъ, выдумывали для себя боговъ, когда просвѣщеніе ума наибольшую разность между людьми полагало, которая при всемъ томъ ни когда не была толь велика, чтобы могла оправдать ропотъ тѣхъ, кои менѣе прочихъ были щастливы: всегда оставалась человѣку власть слѣдовать свѣту разсудка, и тотъ, кто оному слѣдуетъ, ощущаетъ удовольствіе, наслаждается миромъ души и истиннымъ благополучіемъ. Должности наши соразмѣрны нашему просвѣщенію такъ, какъ и нашей силѣ, т. е. ежели справедливо то, что чѣмъ обширнѣе наше просвѣщеніе, тѣмъ болѣе возложено на

насъ должностей, по той причинѣ, что мы обязаны исполнять токмо тѣ должности, кои намъ извѣстны; то не менѣе справедливо и то, что чѣмъ болѣе имѣетъ человѣкъ должностей, тѣмъ болѣе находится онъ въ состоянiи употреблять тѣ усилiя добродѣтели, кои кажутся быть выше силъ человѣческихъ; и сiе по тому, что коль скоро какая нибудь должность намъ извѣстна, то и причина къ исполненiю оной должности побудить насъ могущая, такъ какъ самое благо, которое отъ сего произходитъ, намъ также извѣстны: но человѣкъ есть благополученъ, коль скоро дѣлаетъ онъ все то, что можетъ, дабы быть таковымъ. Я признаюсь, что быть просвѣщеннымъ есть великая выгода; но мы не должны воображать себѣ, чтобъ сiе составляло между людьми безмѣрную разность: мы не должны увѣрять себя, что самыя обширнѣйшiя знанiя потребны тому, кто желаетъ познать свои должности. Тотъ, кто внемлетъ гласу разсудка, долженъ и можетъ быть спокоенъ: но коль мало людей внемлютъ оному всегда! Ежели кто говоритъ, что разсудокъ большей части людей есть безпорядочное скопище пустыхъ понятiй, предразсужденiй и за-

блужденій, что мы видимъ съ одной стороны народъ, обольщаемой видами, самыми звѣрскими страстями, самыми грубѣйшими предразсужденіями, а съ другой просвѣщеннѣйшихъ людей, прельщаемыхъ системами, мнѣніями ихъ вѣка, страстями, какимъ нибудь прекраснымъ именемъ украшенными; то я скажу, что люди не могутъ обмануться въ свойствахъ наложенныхъ на нихъ должностей, а сіе есть все то, что потребно къ ихъ благополучію.

Ежели исполненіе нашихъ должностей, ежели самое благороднѣйшее упражненіе, ежели самое сладчайшее состояніе души, ежели самыя нѣжнѣйшія чувствованія, ежели вкушеніе безчисленныхъ благъ, ежели самое извѣстнѣйшее увѣреніе о благополучномъ безсмертіи не могутъ побудить людей къ убѣжденію себя о своемъ благополучіи; то я не вѣдаю на свѣтѣ ничего, о чемъ бы можно было быть увѣрену. Я знаю, что я борюсь съ предразсужденіями, кои трудно одолѣть; но для меня довольно того, что я могу положиться на слова всякаго человѣка, который токмо возжелаетъ войти въ самаго себя. Ежели находятся нещастные люди, то сіе по тому, что они хотятъ быть таковыми:

нещастїе есть такого свойства, что оно можетъ быть уничтожено, коль скоро оно будетъ точно имъ извѣстно, но оно каждую минуту можетъ быть имъ извѣстно. Мы имѣемъ все то, что мы должны имѣть, дабы исполнить ту цѣль, для которой мы созданы; ни чего намъ не недостаетъ. Мы будемъ толь щастливы, коль токмо возможно намъ быть ежели мы сего дѣйствительно возхотимъ: мы можемъ всегда искать въ настоящемъ, въ воспоминовенїи прошедшаго, и въ надеждѣ на будущее, причинъ къ удовольствїю, радости и спокойствїю. Ежели блага жизни имѣютъ неудобства, то самыя истинныя блага оныхъ не имѣютъ: хотя бы мы оными наслаждались въ удовольствїи, или среди преходящихъ мученїй сего свѣта, сїе ни чего не отнимаетъ у нашего благополучїя.

Сдѣлаетъ ли мнѣ кто ни будь то возраженїе, что должно у самихъ людей спрашивать, дабы познать, щастливы ли они, и что для того нѣтъ благополучїя, кто воображаетъ себѣ, что онъ онаго не имѣетъ. Но, кто не вѣдаетъ, что человѣкъ есть такое существо, которое почитаетъ себя нещастнымъ, не имѣя никакого нещастїя,

или которое по крайней мѣрѣ не хочетъ слыть благополучнымъ? Въ очахъ людей умножаемъ мы наши нещастія, увеличиваемъ оныя, умаляемъ цѣну тѣхъ благъ, коими насъ природа, съ лишкомъ противу неблагодарныхъ щедрая, одарила; но сердце наше осуждаетъ совершенно то, что уста наши глаголютъ. Ежели кто говоритъ, что самоубійство доказываетъ, что нѣкоторые люди суть нещастливы; то я на сіе отвѣтствую что самоубійство ни чего инаго не доказываетъ, какъ нѣкоторыя токмо минуты неистовства; я признаюсь, что человѣкъ, который погибаетъ отъ своихъ собственныхъ рукъ, почитаетъ себя нещастнымъ, но я отрицаю то, чтобъ онъ былъ иначе нещастливъ, какъ не чрезъ беззаконія, кои онъ можетъ быть учинилъ, и чрезъ то самое, которое онъ творитъ, лишая себя жизни, коею располагать не имѣетъ онъ ни какого права. Есть нещастія въ жизни, и сіи нещастія имѣютъ свое упоеніе, минутное разсужденіе воспрепятствовало бы толь скверному дѣянію, и таже самая рука, которая прекращаетъ дни онаго очаяннаго, затворила бы, ежели бы она могла, ту рану, которую она сдѣлала. Есть время, въ кое намъ должно

умереть, и мы не должны предупреждать оное; *прощай и иди, дозволяется*, говорили Римляне умершему, коего тѣло шли они сожигать. Ежели мы будемъ въ разсужденіи онаго осторожны, то мы узримъ, что самоубійство доказываетъ токмо то, что беззаконія и пороки, суть единыя и истинныя нещастія. Что же касается до безумныхъ и до задумчивыхъ людей, то сей вопросъ требуетъ особаго творенія, и предлагаетъ съ лишкомъ обширное къ важнымъ рассужденіямъ поле, дабы онъ могъ быть здѣсь расмотренъ.

Дабы обрѣсти нещастныхъ людей, обезображаемъ мы видъ человѣка, не помышляя о томъ, возможно ли, чтобъ такой человѣкъ существовалъ, или по крайней мѣрѣ существуетъ ли онъ дѣйствительно. Разсмотри подробно жалобы людей, и ты узришь, что они жалуются на свои нещастія единственно для того, что для нихъ странно и ново имѣть оныя. Ежели бы они были справедливѣе, то бы они долженствовали помышлять о тѣхъ благахъ, коими они наслаждаются; но вкушеніе сихъ благъ сдѣлалось для нихъ нечувствительнымъ: ежели бы они были разсудительнѣе, то долженствовали бы радоваться о тѣхъ премногихъ нещастіяхъ,

коихъ они избѣжали; но минута горести помрачаетъ въ очахъ ихъ цѣлой вѣкъ благополучїя.

Я не сложилъ для себя такую Философїю, которая презираетъ нещастїя жизни, и которая вмѣняетъ во славу нечувствительность, дѣйствительно силы человѣческїя превышающую; равнымъ образомъ я не думаю такъ, какъ нѣкоторые Богословы прошедшаго вѣка, что мы должны бы были быть довольны, хотябъ угодно было Божеству содѣлать насъ на семъ свѣтѣ весьма злополучными, и приуготовить намъ впредь самую пагубнѣйшую участь: я имѣю о Богѣ гораздо лучшее понятїе; онъ извелъ человѣка изъ ничтожества не для того, дабы ввергнуть его въ нещастїе. Обрати взоръ твой на сей мїръ, и ты узришь, что природа старается противоборствовать твоимъ нещастїямъ: обрати взоръ твой на пути провидѣнїя, и ты вскорѣ узришь, что не слѣпой случай управляетъ симъ мїромъ, все клонится къ благополучїю людей, и Богъ не есть мучитель. Я прощаю Эпикуру его роптанїя; случай все произвелъ въ его системѣ, Богъ его не имѣетъ въ семъ ни какого участїя; но можно ли сїе простить тому, коего просвѣ-

щаетъ гораздо чистѣйшїй свѣтъ? Да покажутъ намъ, что верховный Господь сего мїра могъ иначе учредить, не нарушая предвѣчныхъ правилъ своихъ дѣянїй: мы, не вѣдая всего цѣлаго, находимъ недостатки въ нѣкоторыхъ частяхъ. Каждый день повелѣваемъ мы молчать надменнымъ юношамъ, кои о всемъ судятъ, а сами себѣ позволяемъ судить о творенїяхъ самаго Бога: нашъ съ лишкомъ надменный умъ призвалъ предъ судище свое то, чему бы долженствовалъ онъ въ молчанїи дивиться.

Правда, я ето признаю, есть нещастїя и печали въ жизни: мы должны токмо себя утѣшать, благоразумїе предписываетъ намъ правила, коимъ всякой благоразумный человѣкъ легко слѣдовать можетъ. По большей части люди себя ослѣпляютъ; они противополагаютъ своимъ нещастїямъ разсѣянїе мыслей: подобно тѣмъ эмпиричесчимъ врачамъ, кои больнымъ своимъ даютъ такїя лѣкарства, кои боль токмо умаляютъ, и кои гордясь скоропостижнымъ излѣченїемъ, склоняютъ врага ко сну вмѣсто того, чтобъ его истребить, они токмо на нѣкоторое время избавляютъ отъ боли. Ты узришь, что они, дабы утѣшить себя въ нещастїи, истребля-

ютъ мысль объ ономъ, отдаляютъ отъ ума своего все то, чтобы могло ихъ опечалить, они отлагаютъ мученіе на нѣкоторое токмо время, вмѣсто того, чтобы оное умалять; колико людей ожидаютъ отъ времени и отъ будущаго того, чтобы они могли доставить себѣ въ туже самую минуту, и что для нихъ тѣмъ труднѣе будетъ, чѣмъ долѣе они будутъ ждать!

Къ сей крайности присовокупимъ другую, не менѣе безразсудную и толь же вредную, именно, отчаяніе: люди взираютъ тогда на одно токмо зло, не помышляя о средствѣ; удивленные, уничтоженные своею скорбію, отрекаются они отъ всякаго другаго чувствованія, и страшатся даже тоя тяготы, которая пресѣкаетъ ихъ стенанія. Колико кратъ случается намъ итти противу нещастій, опасаясь оныхъ! Снѣдаемые заботами и безпокойствами, присоединяемъ мы къ слабости нашей опасное искуство представлять себѣ настоящимъ то, что еще весьма отдалено, и извѣстнымъ то, что еще весьма сомнительно: въ душу таковаго расположенія трудно вселить спокойствіе и тишину; утѣшеніе бываетъ тѣмъ легче, чѣмъ болѣе имѣютъ тѣ добродѣтелей, коихъ умы утѣшаемъ: человѣкъ истин-

но добродѣтельный, коль скоро бываетъ опечаливаемъ, тотчасъ себя утѣшаетъ, толь справедливо что добродѣтель есть истинное наше благо; ибо всѣ блага жизни суть недѣйствительны для того, кто страждетъ отъ самыхъ малѣйшихъ нещастій. Ежели есть болѣзни, кои трудно изцѣлять, то сіе произходитъ не столько отъ силы боли, сколько отъ произвольной слабости больнаго; предразсужденія и пороки суть страшные враги къ одолѣнію, коль скоро человѣкъ оныя защищаетъ; но не должно ни когда отступать, должно принуждать человѣка внимать поученію благоразумія.

Первымъ движеніямъ скорби такъ, какъ первымъ изкушеніямъ должно противостоять; мы подвергаемъ себя опасности, ежели будемъ съ лишкомъ долго ждать; коимъ образомъ уничтожить болѣзнь, когда оная далѣе и далѣе простирается и когда мы не могли пресѣчь оную при самомъ ея рожденіи? зло насъ постигаетъ, первое, что мы должны дѣлать, есть то, чтобы познать свойство и степень сего зла; во вторыхъ помышлять о средствѣ, а въ третьихъ себя утѣшать. Ежели мы разсмотримъ вещи весь-

ма подробно, то мы узримъ, что въ злополучїяхъ жизни, утѣшенїя ни что иное суть, какъ внутреннее убѣжденїе, кое человѣкъ долженъ имѣть о томъ, что все то, что ему случается, дѣйствительно клонится къ его благополучїю: объясни сїю мысль предъ человѣкомъ, который страждетъ, приложи оную къ обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ находится, представь ему истинну такою, какова она есть, и ты его утѣшишь, ежели онъ хоть мало разсудителенъ. Дабы нещастїя жизни могли возмутить наше благополучїе, должны мы сами содѣйствовать съ оными: мы страждемъ не отъ самого зла, но отъ разсужденїя, коимъ мы оное сопровождаемъ: слабость наша, наши пороки находятъ въ томъ, что намъ случается, средство къ премѣненїю нашего благополучїя. Печальная мысль, которая тогда уму нашему представляется, т. е. сожалѣнїя и желанїя, могла бы быть одолѣна, и дѣйствительно была бы такова, ежели бы мы сего хотѣли: отъ насъ самихъ зависитъ почитать нещастїя жизни за нужныя для человѣка блага, поелику онъ есть человѣкъ: болѣзненное отсѣченїе какого ни будь члена не есть ли благо для того, кто не могъ быть

спасенъ, не претерпѣвъ онаго? Колико людей извинили бы мы, ежели бы мы разсудили прежде, нежели вошли во гнѣвъ? Колико есть такихъ золъ, на которыя бы мы ни когда не стали жаловаться, ежели бы мы прежде, нежели начали плакать, разсудили? Есть много такихъ въ жизни золъ, кои подобятся тѣмъ пустымъ пугалищамъ, кои будучи изъ близи разсмотрѣны, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться предметомъ страха, дѣлаются предметомъ смѣха.

Есть средства, кои вспомоществуютъ болѣзни, есть такія, кои истребляютъ оную до того, что мы не чувствуемъ болѣе никакой боли, есть такія, кои насъ утѣшаютъ. Природа исполнена средствъ, она есть самая нѣжнѣйшая мать, она простираетъ намъ свои руки, не удалимся отъ тѣхъ средствъ, кои она намъ предлагаетъ. Сотворимъ еще большее: посреди злощастія, ежели провидѣніе насъ до оныхъ доведетъ, увѣримъ себя, что мы щастливы, что живемъ на свѣтѣ. Но достаточны ли человѣческія силы къ тому, чтобы возбудить въ насъ толь сильную добродѣтель? Стоитъ токмо восхотѣть сего; сотворимъ все то, что мы можемъ, ибо для насъ многое возможно.

Въ познанiи мудрости и истинны зримъ мы кончину дней нашихъ, въ мирѣ приближающуюся: каждую минуту жизни нашея наслаждаемся мы неоцѣненнымъ благомъ: не допустимъ до того, чтобъ предразсужденiя помрачили свѣтъ свѣтильника, насъ освѣщающаго: достигнувъ конца нашего, восчувствуемъ мы, что жить на свѣтѣ есть благополучiе, и что прожить хорошо на свѣтѣ, есть весьма великое благополучiе.

